PG 3337
.P5S4
1861

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____.

Book _____.

YUDIN COLLECTION

C4R

БРАКЪ ПО СТРАСТИ.

ПОВѢСТЬ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

Изданіе Ѳ. Стелловскаго.

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

Цѣна 1 руб. сер.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОЛИТИЧЕСКАГО И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

РУССКІЙ МІРЪ.

Согласно утвержденной программѣ, въ журналъ нашъ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. ПОЛИТИЧЕСКІЙ. II. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ. III. КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ и IV. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Журналъ нашъ выходя два раза въ недѣлю: по средамъ — брошюрами въ 3 — 4 печатныхъ листа большаго формата и по субботамъ — въ одинъ печатный листъ, всего же въ годъ 102 номера, имѣетъ возможность сообщать извѣстія быстрѣе, нежели всѣ другія изданія, не считая ежедневныхъ газетъ, и равняясь, по объему, большимъ ежемѣсячнымъ изданіямъ, по цѣнѣ (6 р. сер. въ годъ) общедоступенъ.

Всѣ **годовые** подписчики на полученіе въ 1861 г. журнала «Русскій Міръ» получаютъ, въ видѣ **преміи**, безплатно, по выбору: **одинъ** изъ **выпусковъ** предпринятаго уже нами изданія **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“**. Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску, «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ» всѣ годовые подписчики на газету «Русскій Міръ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое означенное изданіе, получать по 1 р. 50 к., а съ пересылкою — по 2 р. сер. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе 2 р. 50 коп. сер.

Выписывающіе журналъ «Русскій Міръ» съ **МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ** получатъ въ теченіе года **50** музыкальныхъ сочиненій, состоящихъ изъ пьесъ для фортепіано въ двѣ и четыре руки, этюдовъ, танцевъ, романсовъ для пѣнія и проч. и, въ видѣ **ПРЕМІИ**, выдана будетъ, на выборъ, одна изъ нижеслѣдующихъ оперъ, въ арранжировкѣ для фортепіано: **АСКОЛЬДОВА МОГИЛА, ТРАВІАТА, ТРУБАДУРЪ, МАРТА** и **СЕВИЛЬСКІЙ ЦЫРЮЛЬНИКЪ.** Желающіе могутъ получать безплатно въ премію, вмѣстѣ оперы, одинъ изъ выпусковъ «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ.»

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	р.	с.
На **ГОДЪ**, безъ музыкальныхъ приложеній и безъ доставки	6	
Съ доставкою на домъ	7	—
— пересылкою по почтѣ	8	—

Pisemskiĭ, alekseĭ Feofilaktovich
" Sergieĭ Petrovich Khozarov i
Mari Stupitsyna

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ХОЗАРОВЪ

И

МАРИ́ СТУПИЦЫНА.

БРАКЪ ПО СТРАСТИ.

ПОВѢСТЬ.

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

Изданіе Ѳ. Стелловскаго,
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

PG 3337
.P5 S4
1861

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5-го ноября 1860 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

10483
(5)
№ 44

Въ типографіи Ѳ. Стелловскаго,
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

24 May 9, 73

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ХОЗАРОВЪ

и

МАРІЯ СТУПИЦЫНА.

БРАКЪ ПО СТРАСТИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Мелкія натуры только претендуютъ на любовь и неудачно драпируются плащемъ Ромео и Юліи.

Въ одномъ изъ Московскихъ переулковъ, вѣроятно, еще и теперь стоитъ большой каменный домъ, на воротахъ коего нѣкогда красовалась вывѣска съ надписью: *здѣсь отдаются квартиры со столомъ, спросить Госпожу Замшеву.* Осеннее солнце, это было часу въ десятомъ утра, заглянуло между прочимъ и въ квартиры со столомъ, и въ комнатѣ, занимаемою хозяйкою, освѣтило обычную утреннюю сцену. Госпожа или, лучше сказать, дѣвица Замшева сидѣла передъ столомъ и пила чай; передъ нею, нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи, сто-

27 Ap 73

яла баба. Нельзя сказать, чтобы обѣ эти женщины, хотя и были освѣщены волшебнымъ свѣтомъ солнца, представляли живописныя фигуры. Почтеннѣйшая хозяйка, дѣвица слишкомъ за сорокъ, одѣтая въ какой-то не совсѣмъ опрятный капотъ-распашенку, имѣла лицо страшно рябое и очень тоненькую и жидкую косу, которыя, обыкновенно, называются мышиными хвостами. Костлявыя руки дѣвицы Замшевой, вообще немного плоской и худой, носили на себѣ остатокъ утренней возни съ провизіею. Про бабу и говорить нечего: это былъ какой-то грязный комокъ, комокъ впрочемъ плотный и здоровый.

— Такъ ты сдѣлаешь супъ изъ телятины, начала хозяйка, сосиски подъ капустой и зажаришь голубей, да еще, изъ вашей говядины выбери получше кусочекъ и свари щи и завари кашу.

— Всѣмъ всяво давать? спросила баба.

— Опять всѣмъ; развѣ я тебѣ, глупая, не толковала, возразила хозяйка, во второй нумеръ пошли всего и спроси, чего угодно. Сибариту дай только супу и сосисокъ. Ѳерапонту Григорьичу пошли щей, сосисокъ и каши. Въ четвертый нумеръ отошли только супу безъ телятины, и каши, да смотри, какъ можно меньше масла.

— Да, вчера и то чуть не прибили, замѣтила баба.

— Вотъ прекрасно, разсуждаешь еще! не твое дѣло, возразила хозяйка.

— Да, вѣдь дерутся; этта, черноволосый-то въ кухню прибѣжалъ: лаялся, лаялся, ажно ухватъ схватилъ.

— Велика важность: ухватъ схватилъ, имъ же хуже! Въ пятый нумеръ ничего не посылай, кромѣ

супу, человѣкъ больной, ему діета нужна. Въ шестой нумеръ пошлешь всего и спросишь: чего хотятъ, да голубей отправь парочку, онъ охотникъ.

— Не запомню, Татьяна Ивановна, вся ваша воля, не запомню, отвѣчала кухарка.

— Ну, такъ и есть, перемѣшай опять.

— Вся ваша воля, памяти на алтынъ нѣтъ.

— Поди, этакой деревенской неучь! еще не безъ чего четвертый годъ въ Москвѣ живешь, возразила съ сердцемъ Татьяна Ивановна. Дай мнѣ умыться, сказала она, и начала доставать изъ комода мыло, полотенцо и угольный порошокъ. Кухарка, между тѣмъ, достала изъ-подъ кровати тазъ съ огромнымъ умывальникомъ. Распустивъ совершенно капотъ-распашенку, Татьяна Ивановна первоначально натерла зубы угольнымъ порошкомъ, выполоскала ихъ потомъ, и вслѣдъ за тѣмъ принялась обмывать руки, лицо и даже грудь. Почти цѣлое ведро было издержано на омовеніе ея сорокалѣтнихъ прелестей, которыя, потомъ, какъ водится, были старательно обтерты полотенцемъ, а кухарка отослана къ исполненію ея прямыхъ обязанностей. Оставшись одна, Татьяна Ивановна принялась убирать волосы. Приведя голову въ порядокъ, она вынула изъ комода пузырекъ съ бѣлою жидкостью и начала оною натирать лицо, руки и шею; далѣе, вынувъ изъ того же комода ящичекъ съ краснымъ порошкомъ, слегка покрыла имъ щеки. Украсивъ такимъ образомъ свое лицо и возложивъ на себя извѣстное число юбокъ, Татьяна Ивановна, наконецъ, надѣла свое холстинковое почти-новенькое платье и, странное дѣло, что значитъ женскій туалетъ! передъ вами какъ будто появилась другая жен-

щина: не говоря уже о томъ, что рябины разгладились, стали гораздо незамѣтнѣе, что цвѣтъ лица сдѣлался совершенно другой, что самая худоба стана пополнѣла, но даже коса, этотъ мышиный хвостъ, сдѣлался гораздо толще, роскошнѣе и весьма красиво сложился въ нѣчто въ родѣ корзинки.

Одѣвшись совершенно, Татьяна Ивановна намѣревалась приступить къ подвигу хожденія по нумерамъ для собиранія денегъ съ своихъ постояльцевъ.

Изъ послѣдующихъ сценъ мы убѣдимся, что это былъ дѣйствительно подвигъ, подвигъ трудный и рѣдко сопровождающійся должнымъ успѣхомъ. Въ эпоху предпринятаго мною разсказа, у дѣвицы Замшевой постояльцами были: какой-то Малороссъ, человѣкъ еще молодой, который первоначально всякій день куда-то уходилъ, но вотъ уже другой мѣсяцъ сидѣлъ все, или, точнѣе сказать, лежалъ дома, хотя и былъ совершенно здоровъ, за что Татьяной Ивановной и прозванъ былъ сибаритомъ; другіе постояльцы: музыкантъ, старый помѣщикъ, двѣ неопредѣленныя личности, танцовальный учитель, съ полгода болѣвшій какою-то хроническою болѣзнію и наконецъ молодой помѣщикъ Хозаровъ. Татьяна Ивановна, какъ могли мы замѣтить изъ предъидущаго ея разговора, въ отношеніи обѣда, съ кухаркою, не одинакимъ образомъ третпровала своихъ постояльцевъ. Она раздѣляла ихъ на три класса: на *милашекъ*, на *такъ-себѣ* и на *гадкихъ*. Къ числу *милашекъ* принадлежали: двое помѣщиковъ и музыкантъ, который былъ, впрочемъ, тайный милашка, и о немъ она даже мало говорила; къ *такъ-се-*

бъ относились: сибаритъ и танцовальный учитель; къ *гадкимъ:* двѣ неопредѣленныя личности.

Постояльцы съ своей стороны именовали Татьяну Ивановну *почтеннѣйшая.* Выйдя изъ своей комнаты, Татьяна Ивановна подошла къ первому нумеру, то есть, къ сибариту.

— Что, можно? спросила она, пріотворивъ немного двери.

— Можно, отвѣчалъ голосъ изнутри.

— Да вы въ постелѣ?

— То есть, я на кровати.

— Ну, такъ прикройтесь.

— Войдите, прикрылся.

Для объясненія такого рода переговоровъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что Малороссъ, не смотря на громкое титло сибарита, имѣлъ не совсѣмъ полный комплектъ утреннихъ и ночныхъ принадлежностей человѣка. Онѣ ограничивались одною ваточною шинелью, которую онъ, обыкновенно, подстилалъ подъ себя, не прикрывая себя сверху ничѣмъ.

Не смотря на увѣренія постояльца, что онъ прикрылся, дѣвица Замшева не вѣрила и входила въ комнату, стараясь быть къ кровати жильца спиною, и въ томъ же самомъ положеніи начинала съ нимъ вести дальнѣйшіе переговоры.

— Я къ вамъ.

— А что?

— Нѣтъ ли у васъ денегъ?

— Увы! Татьяна Ивановна, совершенно нѣтъ.

— Да какъ же мнѣ-то дѣлать?

— Не знаю, моя почтеннѣйшая!

— Вы за три мѣсяца неплатили.

— Вы себя обсчитываете, почтеннѣйшая, съ

процентами больше, чѣмъ за три; что дѣлать! я бы вамъ сейчасъ отдалъ за четыре, но нема пенензы!

— Ахъ, какой вы смѣшной! да что теперь я-то буду дѣлать?

— Одно только выслушайте меня, почтеннѣйшая Татьяна Ивановна! Неужели же вы думаете, чтобы я, имѣя деньги, отказалъ себѣ въ трубкѣ табаку; но я теперь не курю, слѣдовательно теперь у меня нѣтъ денегъ.

— А третьяго дня начто въ трактиръ ходили, и пьяный еще Матрену, безстыдникъ этакой, обругалъ?

— Ахъ, Татьяна Ивановна! не растравляйте раны! Это былъ сонъ, и сонъ прекрасный, но онъ миновался и сегодня не повторится.

— Да не со сна же вы опьянѣли. Гдѣ денегъ-то взяли?

— Денегъ у меня не было, но ко мнѣ явился благодѣтельный геній и сказалъ: надѣнь мой сюртукъ, мои калоши, пойдемъ въ трактиръ, пей и ѣшь.

— Все вы лжете: откуда вамъ денегъ-то пришлютъ?

— Ну, это другой вопросъ, денегъ должны мнѣ прислать, во-первыхъ, отецъ, во-вторыхъ, тетки, въ-третьихъ, братья, въ-четвертыхъ, сестры.

— Да,—вотъ, такъ и ждите.

— Непремѣнно пришлютъ.

— Ну, смотрите, больше нынѣшняго мѣсяца не стану ждать, отвѣчала Татьяна Ивановна, и съ тою же предосторожностію начала выходить изъ нумера.

— Татьяна Ивановна, а Татьяна Ивановна! кри-

чалъ ей въ слѣдъ сибаритъ, пришлете мнѣ сегодня обѣдать?

— Не знаю.

— Пришлите, пожалуйста, да чтобы супъ-то былъ немного повкуснѣе, а то въ простой водѣ больше жиру; хоть хлѣба присылайте побольше.

Татьяна Ивановна на эти слова ничего не отвѣтила и слѣдующій за тѣмъ нумеръ прошла мимо; въ немъ проживалъ секретный ея милашка, музыкантъ; она къ нему никогда не заходила по утрамъ. Въ ближайшій нумеръ дѣвица Замшева вошла безъ всякихъ предосторожностей, съ выраженіемъ лица болѣе веселымъ, совершенно добрымъ и нѣсколько даже почтительнымъ. Въ этомъ нумерѣ жилъ милашка—старый помѣщикъ, значительно толстый и сильно обросшій усами и бакенбардами. Комната его, по своему убранству, совершенно не походила на предъидущій нумеръ: во-первыхъ, на кровати лежала трехпудовая перина и до пяти подушекъ; по стѣнамъ стояли: ящики, ящички, два тульскія ружья, нѣсколько черешневыхъ чубуковъ, висѣли четверня московскихъ шлей съ оголовками и калмыцкій тулупъ; по окнамъ стояли: чашки, чайникъ, кофейникъ, судокъ для винъ, графинъ съ водкой, фунта два икры, московскій калачъ и десятокъ редиски. Самъ помѣщикъ, въ толсто-настеганномъ шерстяномъ халатѣ, сидѣлъ передъ новенькимъ огромнымъ самоваромъ изъ красной мѣди и кушалъ чай. Сзади его лакей въ домотканномъ чепанѣ поправлялъ на оселкѣ бритву.

— Кто тамъ? закричалъ милашка-помѣщикъ, услышавъ скрипъ дверей.

— Хозяйка, отвѣчалъ лакей.

— А.... произнесъ помѣщикъ, что скажете, го-

лубушка! не хотите ли чаю?... Ванька! подай ей чаю.

— Я пришла навѣдаться, хорошо ли вамъ?

— Ничего... идетъ; только клоповъ или блохъ много.

— Блохи, должно быть, безпокоили васъ, клоповъ здѣсь совершенно нѣтъ. Я, вотъ, здѣсь третій годъ живу, а никогда ни одного клопа въ глаза не видала, отвѣчала Татьяна Ивановна; не знаю, какъ бы вамъ помочь въ этомъ: крапивы развѣ подъ простыню подложить? говорятъ, это помогаетъ.

— Ничего не надо, и такъ сойдетъ, а вотъ что, голубушка, суповъ-то мнѣ своихъ не подавай, мерзость страшная.

— Я думала, что вы изволите любить.

— Какого тутъ чорта любить! вари мнѣ щи, да и голубями не изволь подчивать; я этой мерзости совсѣмъ не ѣмъ.

— Слышала, батюшка, Ѳерапонтъ Григорьичъ, слышала: съ сегодняшняго же дня велѣла приготовлять столъ по вашему вкусу. У насъ, вѣдь нельзя-съ; стоятъ больше иностранцы.

— Ну, иностранцевъ и корми супами; а мнѣ этихъ помой не надобно.

— Слушаю-съ, отвѣчала хозяйка, а вы, я вижу еще покупочку сдѣлали, прибавила она, оглядывая комнату; хомутики изволили купить?

— На цѣлую четверню хватилъ, матушка. Ванька, покажи хозяйкѣ хомуты. Ну, посмотри, во сколько оцѣнишь?

— Не могу сказать, Ѳерапонтъ Григорьичъ, совершенно неопытна въ конскихъ вещахъ.

— Да ты посмотри, какой ремень-то, совершенный бархатъ.

— Вижу, батюшка, ремень отличнѣйшій; но, признаться сказать, мнѣ больше всего нравится шляпка, что для супруги изволили купить.

— Ха, ха, ха... ты, вѣдь, думала, что я ее на Кузнецкомъ купилъ!

— Да вы и то безпремѣнно на Кузнецкомъ купили, по фасону видно.

— Ха, ха, ха... на Ильинкѣ за двадцать пять рублей. Даромъ, матушка, что деревенщина, не надуютъ.

— А я было къ вамъ пришла, Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— А что?

— Да деньжонокъ...

— Вотъ тебѣ на! я, вѣдь, тебѣ и то за цѣлый мѣсяцъ далъ впередъ.

— Нужно, батюшка, видитъ Богъ нужно; ну хочется, чтобы всѣмъ было покойно.

— Нѣтъ, мадамъ, больше не дамъ.

— Батюшка, Ѳерапонтъ Григорьичъ, не погубите, совершенно погибаю: все перезаложила, съ позволенія сказать, юбку третьяго дня продала на толкучкѣ.

— Да, вѣдь, и то я тебѣ задавалъ впередъ.

— Благодѣтель мой, вы еще здѣсь пробудите, сдѣлайте Божескую милость: дайте.

— Экая, вѣдь, ты нуня! ну, на, десять рублей!

— Одолжите, благодѣтель, двадцать.

— Не дамъ, пошла вонъ, закричалъ, осердившись, помѣщикъ; — дармоѣды этакіе московскіе, прибавилъ онъ въ полголоса.

— Батюшка, Ѳерапонтъ Григорьичъ, нужда. Не-

ужели бы я осмѣлилась васъ безпокоить, если бы не крайность моя.

— Ну, ладно, прощай: мнѣ бриться пора.

Татьяна Ивановна пошла.

Для объясненія грубаго тона, который имѣлъ съ Татьяной Ивановной Ѳерапонтъ Григорьичъ,— человѣкъ вообще порядочный, я долженъ замѣтить, что онъ почтеннѣйшую хозяйку совершенно не отдѣлялъ отъ хозяекъ на постоялыхъ дворахъ, и единственное находилъ между ними различіе въ томъ, что тѣ, русскія бабы и ходятъ въ сарафанахъ, а эта изъ нѣмокъ и рядится въ платье, но что всѣ онѣ ужасныя плутовки и подхалимки.

Въ ближайшемъ нумерѣ помѣщались двое гадкихъ ея постояльцевъ. Въ комнатѣ ихъ, какъ и въ будуарѣ сибарита, ничего не было, кромѣ двухъ диванов, одного стола и стула. Эти два человѣка жили, кажется, очень дружно между собою, и цѣлые дни играли въ преферансъ, принимаясь за это дѣло съ самого утра и продолжая оное до поздней ночи. По наружности они были частію схожи: оба были одѣты въ страшно-запачканные халаты, ноги одного покоились въ валеныхъ сапогахъ, а у другого въ колошахъ; лица были у обоихъ испитыя, нечистыя, съ небритыми бородами и съ взъерошенными у одного черными, а у другого бѣлокурыми волосами.

Во время прихода Татьяны Ивановны, они были за обычнымъ своимъ дѣломъ, то есть, играли въ преферансъ. Хозяйка вошла къ нимъ въ нумеръ съ физіономіею гордою и строгою.

— А, вы, ужь съ ранняго утра и за карты, и праздника-то на васъ нѣтъ, грѣховодники этакіе, сказала она, подходя къ столу.

На эти слова игроки ничего не отвѣчали.

— Ты въ чемъ игралъ? спросилъ одинъ изъ нихъ товарища.

— Въ червяхъ—безъ одной, отвѣчалъ другой.

— Нечего тутъ въ червяхъ; денегъ давайте лучше, проговорила хозяйка.

— Купилъ, сказалъ одинъ игрокъ.

— Бубны, перебилъ его партнеръ.

— Да что это, глухи, что ли, вы стали? я пришла за деньгами.

— Пасъ и неприглашаю, сказалъ игрокъ.

— Безстыдники этакіе, еще благородные, а хотятъ чужой хлѣбъ даромъ ѣсть.

— Ну, ну, потише, почтеннѣйшая! сказалъ одинъ изъ постояльцевъ: куплю.

— Нечего потише... что вы, племянники, что ли, мнѣ васъ даромъ держать?

— Пикендрясы, проговорилъ его товарищъ.

— Да что я вамъ на смѣхъ, господа, что ли, далась? сказала, начиная не на шутку сердиться, Татьяна Ивановна; сегодня же извольте съѣзжать, когда не хотите платить денегъ, а не то, право, въ полицію пойду, разорители этакіе!

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучныхъ дней!

Запѣлъ одинъ изъ игроковъ.

— Безкозырная, прибавилъ онъ.

— Вистъ съ болваномъ, отвѣчалъ другой, и тоже запѣлъ:

Среди богатства, чести, славы!

Татьяна Ивановна совершенно вышла изъ себя и плюнула.

— Провалиться мнѣ сквозь землю, если я дамъ

вамъ сегодня обѣдать; топить не стану; вьюшки оберу, разбойники этакіе... грабители... туда же въ карты играютъ: милостинками, что ли, другъ другу платить станете? говорила она, выходя изъ нумера.

— Ваня, сказалъ одинъ изъ постояльцевъ, гривенникъ есть у тебя?

— Есть, отвѣчалъ другой.

— Ладно, — а то, братъ, дура-то не пришлетъ обѣдать.

— Ничего... хлѣба купимъ... пики.

Между тѣмъ Татьяна Ивановна отправилась въ другой нумеръ, въ которомъ проживалъ ея постоялецъ *такъ-себѣ* — танцовальный учитель; онъ, худой какъ мертвецъ, лежалъ на диванѣ подъ изорваннымъ тулупомъ.

— Что вамъ лучше ли? сказала, войдя, Татьяна Ивановна.

Больной кивнулъ отрицательно головой.

— Да вы бы въ больницу ѣхали.

— Завтра.

— Да что завтра? Вотъ уже третій мѣсяцъ говорите все: завтра.

— Денегъ нѣтъ!

— Продали бы что нибудь.

— Все уже продано.

— То-то и есть, все продано; денегъ нѣтъ, а еще рому покупали въ семь рублей, да еще и пьяны напились.

— Для испарины.

— Да для испарины не допьяна пьютъ. Больной человѣкъ, а туда же кутите. Марѳутка сказывала, что едва васъ оттерла.

— Я всю бутылку выпилъ; что дѣлать? съ горя!

— Ну, а мнѣ-то какъ же, за цѣлый мѣсяцъ ни копѣйки не платили, а вѣдь, я думаю, я каждый день нарочно для васъ супъ варю.

— Дайте поправиться.

— Полноте съ вашимъ поправленьемъ; ногито, я знаю, у васъ хороши, да губы-то къ вину очень лакомы. Нѣтъ ли хоть сколько нибудь?

— Ни копѣйки нѣтъ.

Татьяна Ивановна махнула рукой и вышла изъ комнаты.

Въ сосѣднемъ нумерѣ проживалъ третій ея милашка. Мало этого: онъ былъ, какъ сама она разсказывала, ея другъ, и повѣрялъ ей всѣ свои секреты. Занимаемый имъ нумеръ былъ самый чистый, хотя и не совсѣмъ теплый. Въ самомъ теплomъ нумерѣ проживалъ скрытный ея милашка — музыкантъ. Въ то время, какъ Татьяна Ивановна вошла къ другу, онъ сидѣлъ и завивался. Марѳутка, толстая и довольно неопрятная дѣвка, исправлявшая, по распоряженію хозяйки, обязанность камердинера милашки, держала передъ нимъ накаленые компасы.

— А вы все франтите? сказала Татьяна Ивановна, входя въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ, почтеннѣйшая; прошу принять мѣсто и побесѣдовать, отвѣчалъ тотъ, старательно укладывая свои волосы въ щипцы.

— Марѳа вамъ нужна?

— Нѣтъ, я самъ завьюсь... а что?

— То-то; я хотѣла вамъ велѣть кофею принести.

— Mercі, тысячу разъ mercі, почтеннѣйшая; съ большимъ удовольствіемъ выпью, сказалъ милашка, протягивая хозяйкѣ руку.

— Для милаго дружка и сережка изъ ушка, сказала Татьяна Ивановна.

— Поди свари, прибавила она, обращаясь къ Марѳѣ. Та вышла.

Такъ какъ этотъ другъ Татьяны Ивановны долженъ въ моемъ разсказѣ играть главную роль, то я обязаннымъ себя считаю поподробнѣе познакомить читателя съ его наружностію, отчасти біографіею и главными наклонностями. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, поручикъ въ отставкѣ, былъ лѣтъ двадцати семи; лицо его было одно изъ тѣхъ, про которыя говорятъ, что они похожи на парижскія журнальныя картинки, и носъ, напримѣръ, у него былъ немного орлиный, и губы тонкія и розовыя, и румянецъ на щекахъ свѣжій, и голубые, правильно-очерченные и подернутые влагою, глаза, а надъ ними тонкою дугою обведенныя брови и наконецъ усы не такъ большіе, и не очень маленькіе; про прическу и говорить нечего: она была совершенно по модѣ того времени, то есть, на темѣ приглажена, а на вискахъ и на затылкѣ разбита въ букли. Въ лицѣ его, если хотите, все было хорошо, свѣжо, даже правильно и гармонировало одно съ другимъ; но въ то же время чего-то недоставало, что вы желаете и любите видѣть въ лицѣ человѣка. О подобныхъ физіономіяхъ существуютъ два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни говорятъ, что это красавцы, миленькіе, даже молодцы, мало этого, Аполлоны Бельведерскіе; другіе же называютъ ихъ смазливыми рожицами, масками, расписными купидонами и даже форрейторами, смотря потому, какой у кого эпитетъ ближе на языкѣ. О героѣ моемъ предоставляю вамъ, читатель мой, избрать какое будетъ угодно изъ

выше-упомянутыхъ мнѣній. Кромѣ своей пріятной наружности, Сергѣй Петровичъ владѣлъ еще многими другими достоинствами. Служа въ полку, онъ слылъ за славнаго малаго, удивительнаго мастера танцовать и вообще за человѣка хорошо образованнаго, потому что имѣлъ очень приличныя манеры, говорилъ по-французски, владѣлъ перомъ и сочинялъ стихи, изъ коихъ двое даже были напечатаны въ какомъ-то журналѣ, но главное: онъ имѣлъ необыкновенно много вкусу! При первой возможности, молодой поручикъ такъ мило отдѣлывалъ и меблировалъ свою квартиру, что пріѣзжавшія къ нему, разумѣется, съ мужьями, дамы ахали отъ восторга и удивленія; экипажъ у него былъ одинъ изъ первыхъ между всѣми господами офицерами; жёнку Хозаровъ умѣлъ варить классически и вообще съ неподражаемымъ умѣньемъ распоряжался пріятельскими пирушками, и всегда почти, по просьбѣ помѣщиковъ, устроивалъ у нихъ балы, и балы выходили отличные. Двѣ только слабости имѣлъ молодой человѣкъ: во-первыхъ, онъ былъ очень влюбчивъ, такъ что непроходило мѣсяца, чтобы онъ въ кого-нибудь не влюбился, и влюблялся обыкновенно искренно, но только ненадолго; во-вторыхъ, имѣлъ сильную наклонность и большую въ то же время способность — брать взаймы деньги; надъ первою его слабостію товарищи подтрунивали и называли его *Сердечкинымъ*, вторымъ же недостаткомъ даже — тяготились, особенно въ послѣднее время, такъ какъ эта наклонность въ немъ со дня на день болѣе и болѣе развивалась. По выходѣ въ отставку, Хозаровъ года два жилъ въ губерніи, и здѣсь успѣлъ заслужить тоже рéноме, но такъ какъ въ неболь-

шихъ городахъ вообще любятъ дѣлать изъ мухи слона, и, по преимуществу, на недостатки человѣка смотрятъ сквозь увеличительное стекло, то и о поручикѣ начали разсуждать такимъ образомъ: онъ человѣкъ ловкій, свѣтскій, и даже, если вамъ угодно, ученый, но только мотыга, любитъ жить не по средствамъ и что все свое состояньишко пропировалъ, да пробарствовалъ, а теперь вотъ и ждетъ, не выпадетъ ли на его долю какой-нибудь дуры невѣсты съ тысячью душами, но такихъ будто нынѣче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ. Конечно, читатель изъ одного того, что герой мой, надѣленный, по волѣ судебъ, такимъ прекраснымъ вкусомъ, проживалъ въ нумерахъ Татьяны Ивановны, изъ одного этого можетъ уже заключить, что обстоятельства Хозарова были не совсѣмъ хороши; я же съ своей стороны скажу, что обстоятельства его были никуда негодны. Имѣнье его уже окончательно было продано, въ Москву онъ пріѣхалъ съ двумя тысячами на ассигнаціи; но что значатъ эти деньги для человѣка со вкусомъ? Капля въ морѣ! Въ настоящее время Хозаровъ жилъ старымъ кредитомъ во всевозможныхъ мѣстахъ, гдѣ только ему вѣрили. Къ Татьянѣ Ивановнѣ онъ явился послѣ не совсѣмъ пріятной исторіи съ Мг. Шевалдышевымъ, у котораго онъ первоначально стоялъ, и явился, какъ говорится, съ форсомъ, а именно, въ отличномъ пальто и съ эффектною палкою, у которой на ручномъ концѣ красовалась позолоченая головка одного изъ Греческихъ мудрецовъ. Первоначально онъ потребовалъ лучшій нумеръ, раскритиковалъ его какъ слѣдуетъ, а потомъ, разговорившись съ хозяйкою, нанялъ, и въ дальнѣйшемъ разговорѣ такъ очаро-

валъ Татьяну Ивановну, что она не только не попросила денегъ въ задатокъ, но даже послѣ, въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ, держала его безъ всякой уплаты и, все-таки, считала милашкою и даже передавала ему заимообразно рублей до ста ассигнаціями изъ своихъ собственныхъ денегъ. Любить его, нѣсколько корыстно для самой себя, она не смѣла и подумать, но чувствовала къ нему дружбу и гордилась этимъ. Милашка же съ своей стороны высказывалъ сорокалѣтней дѣвицѣ самыя задушевныя свои тайны. Что касается до помѣщенія Сергѣя Петровича, то и оно обнаруживало главныя его наклонности, то есть, представляло видимую замашку на франтовство, комфортъ и опрятность; даже постель молодаго человѣка, не смотря на утреннее время, представляла величайшій порядокъ, который царствовалъ и во всемъ остальномъ убранствѣ комнаты: нѣсколько гравюръ, представляющихъ охоту; Тальму въ костюмѣ Гамлета, арабскую лошадь, четырехъ дамъ очень недурныхъ собой, изъ коихъ подъ одной было написано: *весна*; подъ другой: *лѣто*; подъ третьей: *осень*; подъ четвертой: *зима*. Всѣ онѣ развѣшены были совершенно симметрично. Въ углу стояло что-то въ родѣ горки, въ которую было вставлено нѣсколько чубуковъ съ трубками, въ числѣ коихъ было до пяти черешневыхъ съ янтарными мундштуками. На столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Сергѣй Петровичъ въ старыхъ, но все-таки волтерскихъ креслахъ, были размѣщены тоже въ величайшемъ порядкѣ различныя принадлежности мужскаго туалета: въ срединѣ стояло складное зеркало, съ одной стороны коего помѣщалась щетка, съ другой гребенка; потомъ опять

съ одной стороны: помада въ фарфоровой банкѣ, съ другой: фиксатуаръ въ своей серебряной шуркѣ; около помады была стклянка съ о-де-колономъ; около фиксатуара флакончикъ съ духами; далѣе на столѣ лежала небольшая портфель, передъ которой красовались двѣ неразлучныя подруги: чернильница съ песочницей. По одну сторону портфеля лежалъ пресспанье, изображающій лягавую собаку, который придавливалъ какія-то бумаги; съ другой стороны находился тоже пресспанье съ изображеніемъ кабаньей головы; подъ нимъ ничего уже не было, и онъ, видимо, поставленъ былъ для симметріи. Много еще было другихъ предметовъ, обличающихъ стремленіе къ модному комфорту; такъ напримѣръ, по стѣнѣ стоялъ Турецкій диванъ, подъ ногами хозяина лежала медвѣжья шкура и тому подобное.

— Вы сегодня ѣдете куда-нибудь? спросила Татьяна Ивановна.

— Не знаю еще, отвѣчалъ Хозаровъ.

— А вчера были тамъ?

— Былъ.

— Ну, что?

— Ничего хорошаго; я недоволенъ вчерашнимъ вечеромъ.

— Что такое?

— Она не любитъ меня!

— Ой, не говорите этого, Сергѣй Петровичъ, не говорите; ни за что не повѣрю: вы просто скрываете. Вы, мужчины, прескрытный народъ въ этихъ вещахъ.

— Нѣтъ, вы выслушайте напередъ и растолкуйте мнѣ, какъ это понять? Пріѣзжаю я, какъ вы знаете, въ семь часовъ. Въ залѣ никого, я про-

шелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ, она сидитъ одна; разумѣется, сажусь и начинаю разсказывать разныя разности, какъ можно громче смѣюсь, хохочу, — не тутъ-то было: прошелъ цѣлый часъ; наконецъ, являются двѣ старшія дылды, а ее все-таки нѣтъ! я просто думалъ, что больна; но сами согласитесь, не ѣхать же домой: усѣлся съ барышнями въ карты; смѣюсь, шучу, а внутри, знаете, такъ и кипитъ: ничего не помогаетъ, проходитъ еще часъ, два — не является. Наконецъ ужь я не вытерпѣлъ, «Здорова ли, я говорю, Марья Антоновна?» и какъ бы вы думали, что мнѣ отвѣтили: «Кошку свою, говорятъ, сегодня цѣлый вечеръ моетъ съ мыломъ.» Я чуть не лопнулъ отъ досады. Во-первыхъ, это глупо, а во-вторыхъ, неприлично. Хорошо, думаю, мадемуазель, я вамъ отплачу, и тотчасъ же началъ говорить любезности Анетѣ. Та, какъ водится, принялась закатывать свои оловянные глаза, и пошла писать... Вдругъ является, немного, знаете, блѣдная, грустная, поклонилась и сѣла около матери, почти напротивъ меня. Я ни слова, и продолжаю любезничать съ Анетой. Та совсѣмъ растаяла, только-что не обнимаетъ.

— Послушайте, Сергѣй Петровичь, перебила Татьяна Ивановна, вы ужасный человѣкъ. За что вы мучите этого ангела?

— Помилуйте, Татьяна Ивановна, что вы говорите? она меня мучитъ.

— Нѣтъ, вы этого не говорите, возразила хозяйка, она бѣдненькая, вѣроятно, это время мечтала о васъ, а вы, злой человѣкъ, сейчасъ ужь и стали заниматься съ другой.

— Но послушайте, Татьяна Ивановна: любя

человѣка, развѣ вы въ состояніи были бы въ какихъ-нибудь трехъ шагахъ просидѣть два часа и не выдти; и чѣмъ же въ это время заниматься: дурацкимъ мытьемъ какой-нибудь мерзкой кошки.

— Конечно я бы это не въ состояніи была сдѣлать, потому что никогда кокетства не имѣла.

— Вотъ, видите, вы сами проговорились; стало быть, она только кокетничаетъ со мной.

— Этого не смѣйте при мнѣ и говорить, Сергѣй Петровичъ! она васъ любитъ.

— Да изъ чего вы видите?

— Изъ всего; во-первыхъ, вы говорите — она пришла немного блѣдная, и потомъ сѣла напротивъ, чтобы глядѣть на васъ.

— Ну, нѣтъ... такимъ образомъ перетолковывать можно все, произнесъ Сергѣй Петровичъ, которому впрочемъ послѣднія слова хозяйки, кажется, очень были пріятны.

— Послушайте, начала Татьяна Ивановна, одушевившись, я любила одного человѣка... полюбила его съ самого перваго раза, какъ увидѣла. Онъ жилъ въ одномъ со мною домѣ, и что же вы думаете? я цѣлую недѣлю не имѣла духу войти къ нему въ комнату.

— Это о сосѣдѣ вы говорите? спросилъ съ улыбкою Хозаровъ.

— Ой, нѣтъ! о другомъ, возразила, вспыхнувъ, Татьяна Ивановна.

— Не можетъ быть! вѣрно о немъ.

— Нѣтъ, право о другомъ; про этого только такъ говорятъ... Конечно, онъ ко мнѣ неравнодушенъ, да нѣтъ, не по моему вкусу!

— Все это прекрасно, Татьяна Ивановна, да мои-то дѣла плохи.

— Вовсе не плохи; головой моей отвѣчаю, что она васъ любитъ, и очень любитъ. Это вѣдь очень замѣтно: вотъ иногда придешь къ нимъ; ну, разумѣется, Катерина Архиповна сейчасъ спроситъ о васъ, а она, миленькая этакая, какъ цвѣто чикъ какой, тотчасъ и вспыхнетъ.

— Вы когда къ нимъ пойдете, Татьяна Ивановна? спросилъ Хозаровъ.

— Право не знаю. Катерина Архиповна ужасно проситъ бывать у нихъ почаще; сегодня думаю вечеркомъ сходить, показать имъ одной моей знакомой продажную брошку; недавно еще подарена ей, да ненравится фасонъ.

— А что, еслибъ я попросилъ васъ сдѣлать для меня большое, пребольшое одолженіе?

— Что такое?

— Вотъ дѣло въ чемъ: надобно же узнать рѣшительно, любитъ ли она меня, или нѣтъ.

— Объяснитесь.

— Объясниться я не могу, потому что мнѣ рѣшительно не удается говорить съ ней. Эти двѣ старшія дуры, Пашетъ и Анетъ, просто атакуютъ меня, и я вотъ что выдумалъ: недѣли двѣ тому назадъ, она спросила меня, чѣмъ я занимаюсь дома? я говорю, что дневникъ писалъ. Она, знаете, немного сконфузившись, вдругъ начала меня просить, чтобы я его показалъ ей; я обѣщался; дневника впрочемъ у меня никакого не бывало никогда; однако, придя домой, засѣлъ и накаталъ за цѣлые полгода; теперь только надобно передать. Возмитесь-ка, передайте.

— А что вы въ дневникѣ написали?

— Ничего особеннаго. Пишу, какъ я увидѣлъ ее, полюбилъ; записаны всѣ ея слова.

— Вѣдь вы этакъ ее, Сергѣй Петровичъ, совсѣмъ погубите! возразила Татьяна Ивановна, это ужасно для дѣвушки получить такое письмо особенно отъ человѣка, которого любитъ!

— Это не письмо, а дневникъ; тутъ она нигдѣ прямо не называется.

— Догадается, Сергѣй Петровичъ, сейчасъ догадается.

— Конечно догадается, для того и написано, чтобъ догадалась. Сдѣлайте одолженіе, Татьяна Ивановна, передайте.

— Охъ, Сергѣй Петровичъ, въ грѣхъ вы меня вводите.

— Не въ грѣхъ, почтеннѣйшая, а въ доброе дѣло, возразилъ Хозаровъ.

— Конечно, про васъ я не могу ничего сказать, отвѣчала хозяйка: вы имѣете благородныя намѣренія, а другіе мужчины, ахъ! какъ они бѣдныхъ женщинъ жестоко обманываютъ.

Сергѣй Петровичъ между тѣмъ бережно поднялъ пресспапье, изображающее лягавую собаку, и, вынувъ изъ-подъ него чисто переписанную тетрадку, началъ ее перелистывать.

— Почитайте, пожалуйста, Сергѣй Петровичъ, что вы тутъ написали.

— Нельзя, Татьяна Ивановна, тайна.

— Вотъ прекрасно! да развѣ у васъ можетъ быть отъ меня тайна: не пойду же, когда вы такъ поступаете.

— Ну, слушайте, вотъ напримѣръ начало: «Перваго января я увидѣлъ въ собраніи одну дѣвушку, въ бѣломъ платьѣ, съ голубымъ поясомъ и съ незабудками на головѣ.»

— Это она самая; я ее видѣла въ этомъ платьѣ; еще, кажется, подолъ воланами отдѣланъ.

— Можетъ быть; но слушайте: «Она меня такъ поразила, что я сбился съ такту, танцуя съ нею *вальсъ*, и совершенно растерявшись, позвалъ ее на кадриль. Ахъ, какъ она прекрасно танцуетъ, съ какою легкостію, съ какою граціею... Я заговорилъ съ нею по-французски; она знаетъ этотъ языкъ въ совершенствѣ. Я цѣлую ночь не спалъ и все мечталъ о ней. Дня чрезъ три я ее видѣлъ у С... и опять танцовалъ съ нею. Она сказала, что со мною очень ловко вальсировать. Что значатъ эти слова? что хотѣла она этимъ сказать?» Ну, довольно.

— Ахъ, какой вы плутъ! вы, просто, обольститель! Почитайте, батюшка, почитайте еще!

— Да что вамъ любопытнаго?

— Почитайте, пожалуйста, я очень люблю, какъ про любовь этакъ пишутъ.

— Ну, вотъ вамъ еще одно мѣсто: «Сегодня ночью я видѣлъ сонъ; я видѣлъ, будто она явилась ко мнѣ и подала мнѣ свою лилейную ручку; я схватилъ эту ручку, покрылъ милліонами пламенныхъ поцѣлуевъ и вдругъ проснулся. О! если бы, сказалъ самъ съ собою, я вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ могъ произнести: *сонъ въ руку!* Я проснулся съ растерзаннымъ сердцемъ и написалъ стихи. Вотъ они:

Прощай, мой Ангелъ свѣтлоокой!
Мнѣ не любить, не обнимать
Твой гибкій станъ во тьмѣ глубокой,
Съ тобой мнѣ счастья не видать.
Я знаю, ты любить умѣешь,
Но не полюбишь ты меня,
Мечту иную ты лелѣешь;

Но буду помнить я тебя.
Ты мнѣ явилась, какъ видѣнье,
Какъ свѣтозарный херувимъ.
Но то прошло, какъ сновидѣнье,
И снова я теперь одинъ!

— Прекрасно! безподобно! вскрикнула Татьяна Ивановна; батюшка, Сергѣй Петровичъ, спишите мнѣ эти стишки!

— Послѣ, Татьяна Ивановна, послѣ; я наизустъ ихъ знаю.

— Ну, что послѣ, напишите теперь.

— Право послѣ, теперь лучше потолкуемте о дѣлѣ. Я запечатаю вамъ въ пакетъ, вы поѣдете, хоть часу въ седьмомъ, сегодня; ну сначала обыкновенно, посидите съ Катериной Архиповной, а тутъ и ступайте на верхъ — къ барышнямъ. Она, можетъ быть, сидитъ тамъ одна, старшія все больше внизу.

— Это можно: я у нихъ по всѣмъ комнатамъ вхожа; онѣ меня, признаться съ перваго раза, какъ вы меня отрекомендовали, очень хорошо приняли. Будто сначала выйду въ дѣвичью, а тамъ и пройду наверхъ.

— И прекрасно! только что же вы скажете? какъ отдадите?

— Да что сказать? Скажу: отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили. Не безпокойтесь, пойметъ...

— Конечно, пойметъ; чудесно, почтеннѣйшая! Дайте вашу ручку, сказалъ Сергѣй Петровичъ, и крѣпко сжалъ руку друга-хозяйки.

— Только, какой вы для женщинъ опасный человѣкъ, сказала Татьяна Ивановна, послѣ нѣсколь-

кихъ минутъ размышленія: изъ молодыхъ да ранній.

— А что? спросилъ съ довольною улыбкою постоялецъ.

— Да такъ. Вы можете просто женщину очаровать, погубить.

— Мясникъ, Татьяна Ивановна, пришелъ, сказала Марѳа, входя въ комнату.

— Ахъ, батюшки! какъ я съ вами заболталась. Прощайте; я было за деньгами къ вамъ приходила.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, ей-Богу, нѣтъ!

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ; пакетъ вашъ теперь отдадите?

— Черезъ часъ пришлю.

— Ну, хорошо, прощайте!

Выйдя отъ Хозарова, Татьяна Ивановна остановилась передъ нумеромъ скрытнаго милашки, и нѣсколько времени пробыла въ раздумьи; потомъ, какъ бы не выдержавъ, приотворила немного дверь.

— Придете обѣдать? сказала она какимъ-то чрезъ-чуръ нѣжнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ голосъ извнутри.

— Почему же?

— Ноты пишу.

— Ну, вотъ, ужь съ этими нотами. А чай придете пить?

— Нѣтъ, пришлите водки.

Татьяна Ивановна затворила дверь, вздохнула и прошла къ себѣ, велѣвъ, впрочемъ, попавшейся на встрѣчу Марѳѣ отнести во второй нумеръ водки.

Сергѣй Петровичъ, оставшись одинъ, принялся

писать къ пріятелю письмо, которое отчасти познакомитъ насъ съ обстоятельствами настоящаго повѣствованія, и отчасти послужитъ доказательствомъ того, что герой мой владѣлъ перомъ, и перомъ прекраснымъ. Письмо его было таково:

«Любезный другъ, товарищъ дня и ночи!

«Я увѣдомлялъ тебя, что ѣду въ Москву, опредѣляться въ статскую службу; но теперь я тебѣ скажу философскую истину: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; капризная фортуна моя повернула колесо иначе; вмѣсто службы, кажется, выходитъ, что я женюсь, и женюсь конечно, какъ благородный человѣкъ, по страсти. Представь себѣ, mon cher, невинное существо въ девятнадцать лѣтъ, розовое, свѣжее, — однимъ словомъ, чудная майская роза; сношенія наши весьма интересны: со мною, можно сказать, случился романъ на большой дорогѣ. Прошедшаго года, въ этой дурацкой провинціи, въ которой я имѣлъ глупость прожить около двухъ лѣтъ, я разъ на балѣ встрѣтилъ молоденькую дѣвушку, просто, чудо, mon cher, какъ она меня поразила! Въ ней было что-то не похожее на другихъ, что-то восточное, какая-то грезовская головка. Я съ нею протанцовалъ нѣсколько кадрилей, и тутъ убѣдился, что она необыкновенно милое, рѣзвое дитя, которое можетъ нашего брата ветерана одушевить, завлечь, однимъ словомъ, унести на седьмое небо; однако тѣмъ и кончилось. Поѣхавъ въ Москву изъ деревни, на станціи съѣзжаюсь я съ однимъ барономъ; слово-за-слово, вижу, что человѣкъ необыкновенно добродушный и даже простой: съ перваго же слова началъ мнѣ разсказывать, что се-

мейство свое онъ проводилъ въ Москву, что у него жена, три дочери, изъ коихъ младшая красавица, которой двоюродная бабушка отдала въ приданое подмосковную въ триста душъ, и знаешь, что, mon cher, какъ узналъ я послѣ по разговорамъ, эта младшая красавица — именно: моя Грезовская головка! Я не могъ удержаться, и тогда же подумалъ: о, судьба, судьба! видно отъ тебя нигдѣ не уйдешь. Онъ снабдилъ меня письмомъ къ его семейству, съ которымъ я теперь уже и сошелся по дружески, познакомясь вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣмъ ихъ кружкомъ; дѣла идутъ недурно, одно только меня не много смущаетъ, что у нихъ каждый день присутствуетъ какой-то жирный баринъ, Рожновъ; потому что кто его знаетъ, съ какими онъ тутъ бываетъ намѣреніями, а лицо весьма подозрительное и непріятное.

«Такъ-то, mon cher, я женюсь, и непремѣнно женюсь! Да, мой другъ, я теперь убѣдился, что наша прошлая жизнь — все пустяки! на что мы холостяки похожи? грязь, грязь — и больше ничего! нѣтъ ни одного отраднаго явленья, нѣтъ человѣка, съ кѣмъ бы раздѣлить чувства: такое ли счастіе человѣка, который сидитъ въ прекрасномъ кабинетѣ, сладко полудремлетъ, близъ него милое прелестное существо, — вотъ это жизнь! Кромѣ сихъ и оныхъ моихъ дѣлишекъ, я здѣсь въ порядочномъ кругу; особенно одинъ домъ Мамиловыхъ. Представь себѣ аристократическій тонъ во всемъ: мужъ, страшный богачь, болѣе полугода живетъ въ южныхъ губерніяхъ и занимается торговыми операціями, жена красавица, и говорятъ, удивительная фантазёрка и философка. Теперь я съ ними еще не такъ коротокъ, но однако очень

дорожу ихъ знакомствомъ и постараюсь сблизиться.

«Прими увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими и остаюсь покорный къ услугамъ

«Хозаровъ.»

II.

Въ залѣ, о которой упоминалъ Хозаровъ, за большимъ круглымъ столомъ, гдѣ помѣщался самоваръ съ его принадлежностями, сидѣла Катерина Архиповна и ея семейство, то есть: Пашетъ, Анетъ и Машетъ. Впрочемъ въ средѣ этого семейства помѣщалось новое лицо, какой-то необыкновенно высокій мужчина, который, конечно, кинулся бы вамъ въ глаза по своему огромному носу, клыкообразнымъ зубамъ и большимъ, сѣрымъ, на выкатѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающимъ, глазамъ. По загорѣлому его лицу нетрудно было догадаться, что онъ недавно изъ дороги. Это подтверждалось и тѣмъ, что въ комнатѣ было разставлено нѣсколько дорожныхъ вещей. Катерина Архиповна, дама лѣтъ около пятидесяти, черноволосая, немного сердитая на видъ и съ довольно крупными чертами лица, была, кажется, въ весьма дурномъ расположеніи духа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, представляли рѣзкое сходство съ высокимъ мужчиной, какъ по высокому росту, такъ и по клыкообразнымъ зубамъ, съ тою только разницею, что глаза у Пашетъ были, какъ и у маменьки, — сухіе и черные; глаза же Анетъ, сѣрые и на выкатѣ, были самый точный образецъ глазъ папеньки (читатель, вѣроятно, уже догадался, что высокій господинъ былъ супругъ Катерины Архиповны); но третья дочь Машетъ

была совершенно другой наружности. Это была небольшаго роста брюнетка съ выразительными чертами лица, съ роскошными волосами, убранными для вящщаго очарованія *à l'enfant*, съ черными и живыми глазами и съ веселой улыбкой.

При внимательномъ впрочемъ наблюденіи, въ дѣвушкѣ можно было замѣтить сходство съ матерью, замаскированное, конечно, молодостью, здоровьемъ, невинностью и какимъ-то еще чуждымъ началомъ, не замѣчаемымъ ни въ одномъ изъ членовъ семейства. Катерина Архиповна, какъ я прежде объяснилъ, была не въ духѣ: какъ-то порывисто разлила она чай по чашкамъ и подала ихъ дочерямъ, а предназначенный для супруга стаканъ даже пихнула къ нему. Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ, имя родоначальника семейства, принялъ довольно равнодушно такъ невѣжливо препровожденный къ нему стаканъ и принялся пить чай съ большимъ аппетитомъ. Отпивъ половину стакана, онъ потихоньку всталъ, взялъ трубку и закурилъ.

— Фу, батюшки, опять съ своимъ куреньемъ, сказала Катерина Архиповна, отмахивая отъ себя табачный дымъ.

— Ничего, душа моя, я такъ... немножко, отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, тоже размахивая дымъ.

— Это у него ничего, какъ изъ трубы... жили бы тамъ себѣ въ деревнѣ и курили, сколько хотѣлось: такъ нѣтъ, надобно въ Москву было пріѣхать.

— Нельзя было, душа моя. Генералъ, просто, меня прогналъ; встрѣтилъ въ лавкахъ, что вы, говоритъ, сидите здѣсь? Я, говоритъ, давно для васъ мѣсто приготовилъ. Я говорю: ваше превосходительство, у меня хозяйство. Плюньте, гово-

ритъ, на ваше хозяйство; почтенная супруга ваша съ часу на часъ васъ ждетъ, а на другой день даже письмо писалъ ко мнѣ; жалко только, что дорогою затерялъ.

Въ продолженіи всей этой рѣчи Катерина Архиповна едва сдержала себя.

— Я хочу васъ, Антонъ Ѳедотычъ, спросить только одно: перестанете вы когда нибудь лгать, или нѣтъ?

— Что лгать-то, отвѣчалъ, немного смѣшавшійся, Ступицынъ, спроси Пиронова; при немъ вся эта исторія была.

— Нечего мнѣ Пиронова спрашивать; двадцать пятый годъ я, милый другъ мой, васъ знаю; передъ кѣмъ нибудь ужь другимъ выдумывайте и лгите. Ну, зачѣмъ вы сюда пріѣхали, для какой надобности?

— Да, вѣдь, я тебѣ говорилъ, душа моя, что генералъ...

— Не говорите вы мнѣ, Бога ради, про генерала и не заикайтесь про него, не сердите хоть по-крайней-мѣрѣ этимъ; вы все налгали, совершенно таки все налгали. Я сама его, милостивый государь, просила; онъ мнѣ прямо сказалъ, что невозможно, потому что мѣста у нихъ даютъ тѣмъ, кто былъ, по-крайней-мѣрѣ, годъ на испытаніи. Разсудили ли вы, ѣхавъ сюда, что вы дѣлаете? Деревню оставили безъ всякого присмотра, а здѣсь, — гдѣ мы васъ помѣстимъ? Всего четыре комнаты: здѣсь я, а наверху дѣти.

— Да много-ли мнѣ мѣста надобно, я вотъ хоть здѣсь...

— Скажите намилость: онъ здѣсь—въ залѣ расположится; одна чистая комната, онъ и въ той дор-

туаръ себѣ хочетъ сдѣлать. Вы о семействѣ никогда не думали и не думаете, а только о себѣ; только-бы удовлетворять своимъ глупымъ наклонностямъ: наѣсться, выспаться, накурить полную комнату табакомъ, и больше ничего; ѣхать бы потомъ въ гости, налгать бы тамъ что-нибудь — вотъ въ Москву, напримѣръ, съѣздить. Сдѣлали ли вы хоть какую-нибудь пользу для дѣтей; выхлопатали, приобрѣли-ли что-нибудь?

— Да я думалъ... началъ было Антонъ Ѳедотычъ.

— Ничего вы не думали, перебила Катерина Архиповна; солгали гдѣ-нибудь, что въ Москву ѣдете, да послѣ и стыдно было отказаться.

Послѣднія слова очень сконфузили Ступицына.

— Мнѣ нечего стыдиться, проговорилъ онъ.

— Знаю, что вы давно стыдъ-то потеряли, двадцать пятый годъ съ вами маюсь. Все сама, вездѣ сама. На какія-нибудь сто душъ выростила и воспитала всѣхъ дѣтей; старшихъ, какъ помоложе была, сама даже учила, а вы, отецъ семейства, что сдѣлали? За рабочими не хотите хорошенько присмотрѣть, только конфузите вездѣ. Того и жди, что гдѣ нибудь въ порядочномъ обществѣ налжете и заставите покраснѣть до ушей.

— Бранитесь, бранитесь, какъ хотите; эту пѣсню я уже двадцать пять лѣтъ слушаю, проговорилъ, махнувъ рукой, Антонъ Ѳедотычъ.

— Да вы хоть кого изъ терпѣнья выведете, возразила Катерина Архиповна. Не сидѣлось вамъ въ деревнѣ, въ Москву прискакали; на почтовыхъ, я думаю, ѣхали. Вотъ я просмотрю оброчный счетъ. Привезли ли счетъ-то по-крайней-мѣрѣ.

— Привезъ; сто рублей всего собрано.

— Знаю я васъ, милостивый государь, сто рублей; я впрочемъ усчитаю; хоть бы вы это разсудили, что я для удовольствія, что-ли, живу здѣсь?

— Кто васъ знаетъ, зачѣмъ вы здѣсь живете.

— Какъ же, — для любовниковъ! Посмотрите-ка, сколько ихъ въ пятьдесятъ-то лѣтъ завела. Скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ я здѣсь живу. Знаете-ли, по-крайней-мѣрѣ, что у насъ въ Москвѣ тяжба. Это-то вы хоть знаете-ли?

— Конечно, знаю.

— Такъ что же-съ, вамъ, что ли, мнѣ поручить хлопотать? фамилію свою хорошенько не умѣете подписать.

— Вы ужь очень учены; гдѣ намъ, возразилъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Конечно лучше вашего все понимаю; какъ угорѣлая ѣзжу по добрымъ знакомымъ, да кланяюсь и прошу, чтобъ растолковали да научили. Вотъ съ завтряшнаго дня все вамъ передамъ; хлопочите, ходатайствуйте. Слава Богу, свой стряпчій пріѣхалъ, можно успокоиться, обдѣлаетъ дѣло.

— Я военный человѣкъ, статскихъ дѣлъ не знаю.

— Скажите, какой воинъ, — ветеранъ заслуженый; много ли изволили ранъ получить? въ какихъ сраженіяхъ были?

— Ругайтесь, какъ хотите, ругайтесь, я ужь не стану и говорить, произнесъ со вздохомъ Антонъ Ѳедотычъ, и опять махнулъ рукой.

— Ну, думала, продолжала Катерина Архиповна: пріѣхала въ Москву, наняла почище квартиру, думала, дѣло дѣломъ, а можетъ быть, Богъ приведетъ и дочерей устроить. Вотъ тебѣ теперь и чистота; одними окурками насоритъ всѣ комнаты. Вотъ въ залѣ здѣсь съ своимъ прекраснымъ гар-

деробомъ расположится, — принимай постороннихъ людей. Подумали-ли вы хоть о гардеробѣ-то своемъ; вѣдь, здѣсь столица, а не деревня: въ засаленомъ фракѣ — на васъ всѣ пальцемъ будутъ показывать.

— Что мнѣ гардеробъ-то, вѣдь, я не молоденькой, возразилъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Да вы, отецъ семейства; по вашей наружности будутъ судить и о прочихъ.

— Я сошью себѣ фракъ; всего сто рублей.

— Конечно, какъ вамъ не сшить, сто рублей для васъ пустяки. Вмѣсто того, чтобы жить въ деревнѣ, да сколачивать копѣйку, чтобы какъ нибудь, да поблагороднѣе, поддерживать семейство,— не тутъ-то было: въ Москву прискакалъ, франтомъ хочетъ быть; мѣсто онъ пріѣхалъ получать, вотъ, не угодно ли? есть свободное: въ нашей будкѣ будочникъ номеръ.

— Ну, Богъ съ тобой, расписывай, проговорилъ, уже потерявшій совсѣмъ терпѣніе, Антонъ Ѳедотычъ, махнулъ рукой, вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты на крыльцо.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что всю предъидущую сцену между папенькой и маменькой, двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, выслушивали весьма хладнокровно, какъ бы самый обыкновенный семейный разговоръ и не принимали въ немъ ни какого участія; онѣ сидѣли, поджавъ руки: Анетъ поводила изъ стороны въ сторону свои большіе сѣрые глаза, взглядывая по временамъ, то на потолокъ, то на сложенныя свои руки; Пашетъ свои глаза не поводила, а держала ихъ постоянно устремленными на маменьку, или на лежавшій около нея бѣлый хлѣбъ, — до-

подлинно я не знаю; одна только Машетъ волновалась родительскою размолвкою, или, по-крайней-мѣрѣ, ей было это скучно.

Все что ни говорила Катерина Архиповна своему супругу, все была самая горькая истина: онъ ничего не сдѣлалъ и не пріобрѣлъ для своего семейства, дурно присматривалъ за рабочими, потому что, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ работать, онъ начиналъ имъ, обыкновенно, разсказывать, какъ онъ служилъ въ полку, какія у него тогда были славныя лошади и тому подобное. Генерала онъ только видѣлъ, но тотъ ему ни слова не говорилъ о мѣстѣ; а пріѣхалъ въ Москву единственно потому, что, бывъ въ одной холостой у казначея компаніи и выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, прихвастнулъ, что онъ на другой же день ѣдетъ къ своему семейству въ Москву, не сообразя, что въ числѣ посѣтителей былъ нѣкто Климовъ, его сосѣдъ, имѣвшій какую-то странную привычку ловить Антона Ѳедотыча на словахъ, а потомъ уличать его, что онъ не совсѣмъ правду сказалъ. Услышавъ, что Ступицынъ возвѣстилъ о поѣздкѣ въ Москву, сосѣдъ не опустилъ случая и возгласилъ во все-услышаніе: «солгалъ, братъ Антоша, не поѣдешь ты въ Москву.» «Это ужь предоставьте мнѣ лучше знать,» возразилъ уклончиво Ступицынъ. «Опять повторяю при всей честной компаніи, не поѣдешь ты въ Москву,» проговорилъ еще громче Климовъ. «А вотъ увидимъ,» отвѣчалъ опять уклончиво Ступицынъ.» «Нечего тутъ видѣть, а вотъ что,» продолжалъ Климовъ: «ты сказалъ, что завтра поѣдешь; завтра, братъ, я самъ ѣду въ Москву, ѣдемъ вмѣстѣ и вотъ пари: поѣдешь — моя дюжина шампанскаго, не поѣдешь —

твоя!» «Идетъ,» отвѣчалъ Ступицынъ и тутъ же два сосѣда ударились по рукамъ. На другой день Ступицынъ пораздумалъ, и уже рѣшился было потихоньку уѣхать въ деревню; но Климовъ пріѣхалъ къ нему со всей честной компаніей. Не ѣхать, значитъ, надобно было отдать пари. «Что будетъ, то будетъ, лучше поѣду,» подумалъ Антонъ Ѳедотычъ. Къ этому рѣшенію его еще болѣе подстрекали имѣвшіеся въ карманѣ сто рублей, привезенные было для отправленія къ супругѣ.

Климовъ проигралъ: Антонъ Ѳедотычъ, сильно подгулявъ, поѣхалъ съ нимъ въ Москву.

Для большаго уясненія характера этого человѣка, я долженъ сказать, что Ступицынъ вовсе не могъ быть отнесенъ къ тѣмъ неприличнымъ лгунамъ, которые несутъ, Богъ знаетъ, какую чушь, ни съ чѣмъ несообразную. Напротивъ того, онъ говорилъ весьма сбыточныя и обыкновенныя вещи, но только онѣ съ нимъ не случались и не могли даже случаться. Судьба, или лучше сказать, Катерина Архиповна держала его, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ; очень любя разсѣяніе, онъ жилъ постоянно въ деревнѣ и то безъ всякихъ комфортовъ, то-есть: ему никогда не давали водки выпить, что онъ очень любилъ, на томъ основаніи, что будто бы водка ему ужасно вредна; не всегда его снабжали табакомъ, до котораго онъ былъ тоже страстный охотникъ; продовольствовали болѣе на молочномъ столѣ, тогда какъ онъ молока терпѣть не могъ и, наконецъ, заставляли щеголять почти въ единственномъ фракѣ, сшитомъ, покрайней мѣрѣ, лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Всѣмъ этимъ лишеніямъ Антонъ Ѳедотычъ покорялся терпѣливо и не предпринималъ ничего къ выходу изъ

подобнаго положенія. Невиннымъ и единственнымъ его развлеченіемъ было то, что онъ, сидя въ своей комнатѣ, создавалъ различные, пріятные способы жизни, посреди которыхъ онъ могъ бы существовать: напримѣръ, въ одно холодное утро, на ухарской тройкѣ, онъ ѣдетъ въ городъ, у него тысяча рублей въ карманѣ, онъ садится играть въ карты, проигрываетъ цѣлую ночь. На другой день зоветъ къ себѣ гостей; до пріѣзда еще ихъ выпиваетъ крѣпкой, очищенной водки. Друзья съѣзжаются, онъ угощаетъ ихъ, съ шампанскимъ и съ мороженымъ, превосходнымъ обѣдомъ; вечеромъ заставляетъ играть своихъ музыкантовъ, которыхъ у него тридцать человѣкъ. Пошаливъ такимъ образомъ, на другой день принимается за дѣло: ходитъ по постройкамъ, а вечеромъ пишетъ письма въ Петербургъ, чтобы ему выслали четыре ящика вина, словомъ, живетъ, на широкую руку, русскимъ бариномъ. Всѣ такого рода мечтанія такъ укоренялись въ головѣ Ступицына, что онъ самъ начиналъ въ нихъ вѣрить, какъ въ дѣйствительность, и очень любилъ ихъ высказывать себѣ подобнымъ; но, увы! эти себѣ подобные, если они хоть немного знали Антона Ѳедотыча, не говоря уже о семейныхъ, эти себѣ подобные обрѣзывали его на первомъ словѣ: «полно, братъ, врать, Антонъ Ѳедотычъ,» «замололи вы Антонъ Ѳедотычъ.» Болѣе же деликатные, особенно изъ дамъ, отходили отъ него, обыкновенно, въ самомъ началѣ разговора. Были и такіе проказники, которые говорили: «Поври что-нибудь, Антонъ Ѳедотычъ.» — «Сами извольте врать,» отвѣчалъ добросердый Ступицынъ.

Катерина Архиповна была прекрасная семьянинка, потому что, не смотря на все неуваженіе къ

мужу, которого она считала самымъ пустымъ и несноснымъ человѣкомъ въ мірѣ, сохранила свою репутацію въ обществѣ и, по возможности, старалась скрыть между посторонними людьми недостатки супруга; но когда онъ бывалъ боленъ, то даже сама неусыпно ухаживала за нимъ. Пиля его, какъ говорится, каждодневно, она всегда относилась къ нему во второмъ лицѣ множественнаго числа и прибавляла частичку: *съ*. Кромѣ того, надобно отдать ей честь, она была самая расчетливая и неутомимая хозяйка и добрая мать: при весьма ограниченныхъ средствахъ, она умѣла жить чистенько и одѣвала дочерей, хотя не богато, но, право, весьма прилично. Двухъ старшихъ она любила такъ-себѣ, посредственно, но младшая была ея идолъ; для нея она готова была принести въ жертву двухъ старшихъ дочерей, мужа, все свое состояніе и самое себя. Надъ всѣми и надъ всѣмъ она была госпожей въ домѣ, и только въ отношеніи Мари дѣлалась рабою, и рабою безпрекословною. Постоянныя хлопоты по хозяйству, о дѣтяхъ, вѣчная борьба съ нуждою, каждодневныя головомойки никуда негодному супругу, все это развило въ Катеринѣ Архиповнѣ желчное расположеніе и значительно испортило ея характеръ; она брюжжала, обыкновенно, цѣлые дни, то на людей, то на дочерей, а главное на мужа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, очень любили новыя платья, молодыхъ мужчинъ и питали самое страстное желаніе выдти поскорѣе замужъ; кромѣ того, онѣ были очень завистливаго характера. Анетъ, какъ и папенька, любила сказать красное словцо; Пашетъ же была очень молчалива и наслѣдовала отъ папеньки только сильный аппетитъ.

Обѣ эти дѣвицы были влюблены по нѣскольку разъ, хотя и не совсѣмъ съ успѣхомъ; маменьки онѣ боялись, слушались ее и уважали; вслѣдствіе того, и въ отношеніи папеньки раздѣляли вполнѣ ея мнѣніе, то есть: считали его совершенно за нуль и только иногда относились къ нему съ жалобами на младшую Машетъ, которую обѣ онѣ терпѣть не могли, потому что она была идоломъ маменьки, потому что ей шили лучшія платья, и у ней было уже до пятка женіховъ, тогда какъ имъ не досталось еще ни одного. Что касается до Мари, то она, по словамъ Катерины Архиповны, еще не сформировалась, была совершенный ребенокъ и нѣсколько мѣсяцевъ только перестала играть въ куклы и начала читать романы.

Антонъ Ѳедотычъ, котораго мы оставили на крыльцѣ, все еще сидѣлъ тамъ и не входилъ въ комнату. Средство это онъ, особенно въ холодное время года, употреблялъ издавна, и всегда почти для себя съ успѣхомъ. Во-первыхъ, уходя на крыльцо, онъ удалялся отъ супруги; во-вторыхъ, освѣжался на воздухѣ отъ головомойки и, наконецъ, въ третьихъ, возбуждалъ къ себѣ въ Катеринѣ Архиповнѣ участіе. Спустя четверть часа, она обыкновенно говорила: »что съумасшедшій-то тамъ стоитъ? — простудится еще: эй, дѣвочка, мальчикъ! подите, скажите барину, что онъ тамъ стоитъ?» Барину сказывали, и онъ возвращался торжествующій и спокойный, потому что Катерина Архиповна послѣ этого, обыкновенно, его уже не журила и даже иногда говорила, чтобы онъ выпилъ водки. Въ настоящее время Катерина Архиповна, видно, очень разсердилась; прошло уже болѣе четверти часа, какъ Ступицынъ сидѣлъ на

рундучкѣ крыльца, а она не высылала; Антону Ѳедотычу становилось очень холодно; единственный предметъ его развлеченія—луна, скрылась за облаками. Вдругъ въ темнотѣ послышались шаги.

— Ахъ, вскрикнулъ вслѣдъ за тѣмъ женскій голосъ.

— Ухъ, чортъ возьми, произнесъ съ своей стороны Ступицынъ, схватившись за животъ, въ которой ударилась чья-то нога.

— Кто это? повторилъ тотъ же голосъ.

— А ты кто? спросилъ Ступицынъ.

— Я пришла къ знакомымъ моимъ, сказалъ женскій голосъ; вы здѣшній?

— Здѣшній. Кого вамъ надо?

— Катерину Архиповну.

— Жену мою?

— Вы, супругъ Катерины Архиповны?

— Точно такъ.

— Ахъ, Боже мой, извините, я очень хорошая знакомая Катерины Архиповны. Честь имѣю рекомендоваться: Татьяна Ивановна Замшева.

— Позвольте и мнѣ, съ своей стороны, представиться: Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ. Что мы здѣсь стоимъ? милости прошу!

Хозяинъ и гостья вошли въ залу, въ которой никого уже не было. Татьяна Ивановна и Антонъ Ѳедотычъ смотрѣли нѣсколько времени другъ на друга съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Обоихъ ихъ поразили нѣкоторыя странности въ наружности другъ друга. Антону Ѳедотычу кинулись въ глаза необыкновенныя рябины Татьяны Ивановны, а Татьяна Ивановна удивлялась клыкообразнымъ зубамъ и сѣрымъ на выкатѣ глазамъ Ступицына. Оба простояли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Могу ли я видѣть почтеннѣйшую Катерину Архиповну? проговорила Татьяна Ивановна.

— Не знаю-съ; она тамъ у себя. Я сейчасъ спрошу, отвѣчалъ Ступицынъ и вышелъ. Къ супругѣ впрочемъ онъ не пошелъ, но постоявъ нѣсколько времени въ темномъ корридорѣ, вернулся.

— Она чѣмъ-то занята, милости прошу садиться, проговорилъ онъ, и указавъ гостьѣ мѣсто, самъ сѣлъ на диванъ.

— По семейству, вѣроятно, соскучились и изволили пріѣхать повидаться? начала Татьяна Ивановна.

— Да, повидаться захотѣлось, отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ; раньше нельзя было; у меня нынче лѣтомъ были большія постройки; тысячъ на шесть построилъ.

— На шесть тысячъ?

— Почти на шесть. Два скотныхъ двора на каменныхъ столбахъ — тысячи въ двѣ каждый, да кухню новую построилъ въ пять сотъ рублей. Нельзя, знаете: усадьба требуетъ поддержекъ.

— Безъ всякого сомнѣнья; однако у васъ и усадьба должна быть отличная.

— Изрядная. Хлѣбопашество, главное дѣло, въ хорошемъ видѣ: рожь родится самъ-десятъ; это, не хвастаясь, можно сказать, что я устроилъ. Прежде, бывало, какъ самъ-пятъ придетъ, такъ Бога благодарили.

— Скажите, что̀ значитъ хозяйство.

— Хозяйство вещь важная, глубокомысленная въ тоже время, сказалъ Ступицынъ.

— Нынче безъ ума нигдѣ нельзя, замѣтила Татьяна Ивановна.

Разговоръ на нѣсколько минутъ остановился.

— Да это бы ничего, началъ опять Ступицынъ; за хозяйствомъ бы я не остановился, да балотировка была, такъ, знаете, нельзя.

— Вы изволили балотироваться?

— Нѣтъ, то есть, меня очень просили въ предводители, да не могъ,—отказался.

— Отчего же это не захотѣли послужить?

— Нельзя-съ: семейныя обстоятельства; впрочемъ на одномъ обѣдѣ мнѣ очень выговаривали... совѣстно, а дѣлать нечего.

— Конечно, Антонъ Ѳедотычъ, въ семействѣ иногда и не хочешь, а дѣлаешь.

— Не иногда, а всегда. Вы имѣете дѣтей?

— Я дѣвица.

— А батюшка живъ?

— Померъ. Я живу одна — сиротой. Каковы дороги.

— Кажется, хороши: шоссе отличное, а проселковъ я почти и незамѣтилъ. У меня очень покойный экипажъ.

— Бричка, вѣрно?

— Нѣтъ, коляска; совершенная люлька; прочности необыкновенной и, вообразите, я ее купилъ у сосѣда за полторы тысячи, и вотъ уже третій годъ ѣзжу, ни одинъ винтъ не повредился.

— Пріятно въ такихъ экипажахъ ѣздить, замѣтила Татьяна Ивановна, вотъ мнѣ здѣсь случалось съ знакомыми ѣздить, такъ просто прелесть. Нынче, я думаю, этакихъ экипажей прочныхъ не дѣлаютъ.

— Есть и нынче, только дороги. Нынче, впрочемъ, все вздорожало. Вотъ, хоть бы взять съ поваровъ: я платилъ въ англійскомъ клубѣ за выучку повара по триста рублей въ годъ; за три года, вѣдь, это девятьсотъ рублей.

— Легко сказать: девять-сотъ рублей! впрочемъ, я думаю, и поваръ вышелъ отличный.

— Безподобный. Онъ у насъ теперь въ деревнѣ; такъ вотъ бѣда: захочешь иногда этакой для знакомыхъ сдѣлать обѣдецъ, закажешь ему: придетъ,—вся ваша воля, говоритъ, я не могу: запасовъ нѣтъ. Мы думаемъ его сюда привезти. Вотъ здѣсь онъ покажетъ себя; милости прошу тогда къ намъ отобѣдать.

— Покорнѣйше васъ благодарю, я ужь и такъ много обласкана вниманіемъ Катерины Архиповны. А я заговорилась и не спросила: здоровы ли Прасковья Антоновна, Анна Антоновна и Марья Антоновна?

— Слава Богу. Я, признаться сказать, очень радъ, что онѣ сюда переѣхали, а то въ деревнѣ отъ жениховъ отбою нѣтъ.

— Ну, этимъ для родителей тяготиться нечего.

— Даша! послышался голосъ Катерины Архиповны, гдѣ баринъ?

— Въ залѣ, съ Татьяной Ивановной разговариваютъ, отвѣчала горничная.

— Теперь, я думаю, можно къ Катеринѣ Архиповнѣ? спросила гостья.

— Можно, я думаю, отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, остановленный голосомъ супруги.

Татьяна Ивановна ушла. Антонъ Ѳедотычъ сидѣлъ нѣсколько минутъ въ какомъ-то пріятномъ довольствѣ оттого, что успѣлъ себя показать новому лицу и еще дамѣ. Посидѣвъ нѣсколько времени, онъ вдругъ всталъ, осмотрѣлъ всю комнату и вынулъ изъ-подъ жилета висѣвшій на шеѣ ключь, которымъ, со всевозможною осторожностію, отперъ свой дорожный ларецъ и вынувъ оттуда

графинъ съ водкою, выпилъ торопливо изъ него почти половину и съ тѣми же предосторожностями заперъ ларецъ и спряталъ ключь, а потомъ закуривъ трубку, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

Подобнаго рода контрабанду Антонъ Ѳедотычъ употреблялъ въ своей безотрадной жизни при всякомъ удобномъ случаѣ, то есть когда у него случалось хоть сколько-нибудь денегъ. Для этой собственно цѣли имѣлъ онъ особую шкатулку, которую тщательно запиралъ и никому не показывалъ, что въ ней хранится.

Татьяна Ивановна, войдя къ хозяйкѣ, которая со всѣми своими дочерьми сидѣла въ спальной, тотчасъ же разсыпалась въ разговорахъ: поздравила всѣхъ съ пріѣздомъ Антона Ѳедотыча, засвидѣтельствовала почтеніе отъ Хозарова, и за тѣмъ начала разсказывать, какъ ее однажды, когда она шла отъ одной знакомой вечеромъ, остановили двое мужчинъ, и такъ напугали, что она послѣ недѣли двѣ была больна горячкою, а потомъ принялась въ этомъ же родѣ за разные анекдоты: описала несчастіе одной ея знакомой, на которую тоже вечеромъ кинулись изъ одного купеческаго дома двѣ собаки и укусили ей ногу; разсказала объ одномъ знакомомъ ей мужчинѣ— молодцѣ и смѣльчакѣ, которого ночью мошенники схватили на площади и раздѣли до нага.

— Ахъ, какіе вы ужасы разсказываете, сказала Катерина Архиповна.

— Какъ же вы отъ насъ пойдете, замѣтила Мари.

— А какъ Богъ приведетъ; признаться сказать, очень потрушиваю, да ужь повидаться очень хотѣлось, отвѣчала Замшева.

— Вы извощика возьмите, сказала хозяйка.

— Ай, нѣтъ, Катерина Архиповна, ни за что въ свѣтѣ, возразила гостья, и здѣсь разсказала происшествіе, случившееся съ одною какой-то важною дамою, которая ѣхала домой на извощикѣ, и которую не только обобрали, но даже завезли въ такой домъ, о которомъ она прежде и понятія не имѣла. Послѣ этого разсказа ужасъ овладѣлъ всѣми дамами.

— Хорошо, что мы никогда на извощикахъ не ѣздимъ, сказала мать. Когда мы выѣзжаемъ, прибавила она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ, то знакомые, обыкновенно, на своихъ лошадяхъ насъ возятъ.

— Мамаша! Татьяну Ивановну, пожалуй, оберутъ, сказала Мари, принимавшая больше всѣхъ участія въ гостьѣ; она бы у насъ ночевала.

— Въ самомъ дѣлѣ, ночуйте у насъ, проговорила хозяйка, да только гдѣ?

— У меня въ комнатѣ, отвѣчала Машетъ.

— Ахъ, Боже мой, что вы безпокоитесь; мнѣ право очень совѣстно, что доставляю столько хлопотъ, отвѣчала жеманно Татьяна Ивановна. Какой у васъ ангельской доброты Марья Антоновна! прибавила она въ полголоса Катеринѣ Архиповнѣ.

— Очень добра, отвѣчала мать, съ удовольствіемъ глядя на дочь; вы ночуете въ ея комнатѣ; у ней наверху особый кабинетикъ.

— Ночую, Катерина Архиповна, отвѣчала Татьяна Ивановна; я очень боюсь идти.

Передъ ужиномъ Антонъ Ѳедотычъ вошелъ наконецъ въ комнату жены и усѣлся на отдаленное кресло. Впрочемъ, онъ ничего не говорилъ и

только, облизываясь языкомъ, весело на всѣхъ посматривалъ. Завѣтный ящикъ еще разъ имъ былъ отпертъ.

— Что это глаза у васъ какіе странные, замѣтила Катерина Архиповна.

— Вѣтромъ надуло, отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ.

За ужиномъ Катерина Архиповна ничего не ѣла, потому что все еще была разстроена. Машетъ отучили ужинать въ пансіонѣ; Анетъ никогда не имѣла аппетита, а Татьяна Ивановна отказывалась изъ деликатности. Одна только Пашетъ съ папенькой ратоборствовали: они съѣли весь почти супъ, соусъ, жареное и покончили даже хлѣбъ и огурцы. Послѣ ужина барышни и Татьяна Ивановна, простившись съ хозяевами, отправились на верхъ. Антону Ѳедотычу, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, повелѣно было спать въ залѣ на диванѣ, съ строжайшимъ запрещеніемъ сорить. Пашетъ и Анетъ, не простившись съ сестрою, ушли къ себѣ наверхъ въ общую ихъ спальню. Татьянѣ Ивановнѣ было постлано въ кабинетѣ Мари на кушеткѣ. Гостья за причиненные хлопоты еще разъ извинилась передъ Катериною Архиповною, которая не утерпѣла и пришла поцѣловать и перекрестить своего идола.

— Ахъ, какія вы, Марья Антоновна, хорошенькія, сказала Татьяна Ивановна, когда дѣвушка раздѣлась. Та, улыбнувшись, прыгнула въ постель и начала укутываться въ теплое одѣяло.

— Я къ вамъ съ порученіемъ, начала Татьяна Ивановна, подойдя къ кровати. Я принесла вамъ отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили, прибавила она, подавая конвертъ.

Мари сначала съ какимъ-то испугомъ взглянула

на посредницу, а потомъ, вся вспыхнувъ, схватила пакетъ и спрятала его подъ подушки.

Татьяна Ивановна хотѣла было говорить, но Мари показала ей на сосѣднюю комнату сестеръ, и положила въ знакъ молчанія пальчикъ къ губамъ. Татьяна Ивановна поняла, что́ это значитъ: она кивнула головой, отошла отъ кровати и улеглась на своемъ ложѣ. Прошло болѣе часа въ совершенномъ молчаніи. Татьянѣ Ивановнѣ показалось, что Мари заснула, ее самое началъ сильно склонять сонъ. Вдругъ видитъ, что дѣвушка, потихоньку вставъ съ постели, начала прислушиваться; Татьяна Ивановна захрапѣла. Мари, видно, этого и поджидавшая, потихоньку встала съ постели, вынула изъ-подъ подушекъ дневникъ и на цыпочкахъ подошла къ лампадѣ. Дрожащими руками она распечатала пакетъ, поцѣловала тетрадку и быстро начала читать. Съ каждою строчкою волненіе ея увеличивалось; щеки ея то блѣднѣли, то горѣли яркимъ румянцемъ. Она, кажется, готова была заплакать. Дочитавъ до конца, она схватила себя за голову и потомъ снова начала перечитывать. Въ срединѣ тетрадки, а именно на томъ самомъ мѣстѣ, какъ могла замѣтить Татьяна Ивановна, гдѣ были написаны знакомые намъ стихи, она еще разъ поцѣловала листокъ. Прочитавъ въ другой разъ, дѣвушка опять на цыпочкахъ подошла къ своей кровати и улеглась въ постель; но не прошло четверти часа, она снова встала и принялась будить Татьяну Ивановну, которая, будто съ просонья, открыла глаза.

— Возьмите, сказала шопотомъ Мари, подавая ей тетрадку.

— А что же? спросила Татьяна Ивановна.

— Здѣсь сестрицы найдутъ.
— Да вы сами-то напишите ему что-нибудь.
— Не могу.
— Такъ что же мнѣ ему сказать?
— Скажите, что mercі.

Проговоря это, дѣвушка сунула дневникъ подъ подушку Татьянѣ Ивановнѣ, и тотчасъ же улеглась въ постель.

— Какая миленькая и умненькая дѣвушка, проговорила сама съ собою Татьяна Ивановна, и совершенно осталась довольна своимъ успѣхомъ; она все видѣла и все очень хорошо поняла.

Возвратившись домой раннимъ утромъ, дѣвица Замшева тотчасъ же разбудила своего милашку Сергѣя Петровича и пересказала ему все до малѣйшей подробности, и даже съ нѣкоторыми прибавленіями.

III.

Четвертаго декабря, то есть въ Варваринъ день, Хозаровъ, вмѣстѣ съ Татьяною Ивановною, былъ въ большихъ хлопотахъ: ему предстоялъ утренній визитъ съ поздравленіемъ и танцовальный вечеръ въ домѣ Мамиловыхъ, знакомствомъ которыхъ онъ такъ дорожилъ. Туалетомъ своимъ онъ занялся съ самаго утра, въ чемъ приняла, по своей дружбѣ, участіе и Татьяна Ивановна. Первая забота Хозарова была направлена на завивку волосъ, коими уже распоряжялась не Марѳа, а подмастерье отъ парикмахера, который дѣйствительно и завилъ мастерски. Дѣвица Замшева, исполненная дружескихъ чувствованій къ Хозарову, несмотря на

свойственную ея полу стыдливость, входила во всѣ подробности мужскаго туалета.

— Что хотите, Сергѣй Петровичъ, говорила она, а сорочка нехороша: полотно толсто и сине; декосъ гораздо былъ бы виднѣе.

— Какія вы, Татьяна Ивановна, говорите несообразности! возразилъ Хозаровъ, кто-же носитъ декосъ?

— Всѣ носятъ: я жила въ одномъ графскомъ домѣ; тамъ вездѣ декосъ.

— Ошибаетесь, почтеннѣйшая, вѣрно батистъ: это другое дѣло.

— Слава Богу, ужь этого-то мнѣ не знать, просто декосъ,—декосъ и на графѣ,—декосъ и на графинѣ.

— Заблуждаетесь, почтеннѣйшая, и сильно заблуждаетесь. Голландское полотно лучше всего.

— Лучше бы вы, Сергѣй Петровичъ, не говорили мнѣ про полотно, возразила Татьяна Ивановна; полотно — полотно и есть: никакого виду не имѣетъ.... Въ какомъ вы фракѣ поѣдете? спросила она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе коихъ постоялецъ ея нафабривалъ усы.

— Разумѣется, въ черномъ, отвѣчалъ тотъ.

— Надѣньте коричневый; вы въ томъ нарядѣе, да у чернаго у васъ что-то сзади оттопыриваетъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, вы въ мужскомъ нарядѣ, извините меня, просто ничего не понимаете, сказалъ Хозаровъ. Нынѣче люди порядочнаго тона цвѣтное рѣшительно перестаютъ носить.

— Что и говорить! вы мужчины очень много понимаете, отвѣчала Татьяна Ивановна: а не одинъ не умѣетъ къ лицу одѣться. Хотите дамъ булавку; у меня есть брилліантовая.

— Нѣтъ, не нужно; а лучше дайте мнѣ денегъ, хоть рублей десять; не шлютъ, да и только изъ деревни,—что прикажете дѣлать! нужно еще другія перчатки купить.

— Право, нѣтъ ни копѣйки.

— Ни-ни-ни, почтеннѣйшая, не извольте этого и говорить.

— Да мнѣ-то гдѣ взять, проказникъ этакой, говорила Татьяна Ивановна, опуская впрочемъ руку въ карманъ.

— Очень просто: взять, да вынуть изъ кармана, отвѣчалъ постоялецъ.

— Ахъ, какой вы уморительный человѣкъ, сказала она, пожавъ плечами; какія вамъ послать? прибавила она.

— Къ Ліону, почтеннѣйшая, къ Ліону; въ два цѣлковыхъ, отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо. Скоро будете одѣваться?

— Сейчасъ.

— Ну, такъ прощайте.

— Adieu, почтеннѣйшая!

— Зайдете показаться одѣтые?

— Непремѣнно.

— А туда заѣдете?

— Нѣтъ.

— Прекрасно.... очень хорошо. Ахъ, вы мужчины, мужчины, вѣтренники этакіе; не стоите, чтобы васъ такъ любили. Сегодня же пойду и насплетничаю на васъ.

— Ну, нѣтъ, почтеннѣйшая, вы этого не дѣлайте.

— То-то и есть, испугались! А, въ самомъ дѣлѣ, что сказать?... я сегодня думаю сходить... Катерина Архиповна очень просила придти помочь барышнямъ собираться на вечеръ. Она сего-

дня будетъ въ розовомъ-газовомъ и, должно быть, будетъ просто чудо! къ ней очень идетъ розовое.

— Вы скажите, почтеннѣйшая, что я цѣлый день сегодня мечтаю о балѣ?

— Хорошо.... впрочемъ вы, кажется, все лжете, Сергѣй Петровичъ!

— Вотъ чудесно.... не дай Богъ вамъ, Татьяна Ивановна, такъ лгать. Я просто безъ ума отъ этой дѣвочки.

— Ну, ужь меньше, чѣмъ она, позвольте сказать; она не говоритъ, а въ сердцѣ обожаетъ. Прощайте.

— Adieu, почтеннѣйшая; да кстати, пошлите извощика нанять.

— Какого?

— Пошлите къ Ванькѣ Неронову; онъ у Тверскихъ воротъ стоитъ: рыжая этакая борода, или постойте: я къ нему записочку напишу:

«Иванъ Семенычъ! сдѣлай, братъ, дружбу! пришли мнѣ на день сани съ полостью, и хорошо, если бы одолжилъ сѣраго рысака, въ противномъ же случаѣ—непремѣнно вороную кобылу, чѣмъ несказанно меня обяжешь.—Хозаровъ.

P. S. О деньгахъ, дружище, не безпокойся; на слѣдующей недѣлѣ разочтусь совершенно.»

Взявъ эту записочку, и еще разъ попросивъ постояльца зайдти и показаться одѣтымъ, Татьяна Ивановна ушла. Хозаровъ между тѣмъ принялся одѣваться. Туалетъ продолжался около часа. Натянувъ перчатки и взявъ шляпу, Хозаровъ началъ разыгрывать какую-то мимическую сцену. Сначала онъ отошелъ къ дверямъ, и началъ отъ нихъ подходить къ дивану, прижавъ обѣими руками шляпу къ груди, и немного, и постепенно

наклоняя голову; потомъ сѣлъ на ближайшій стулъ, и сѣлъ не то, чтобы развалясь, и не въ струнку, а свободно и прилично, какъ садятся порядочные люди, и началъ затѣмъ мимическій разговоръ съ кѣмъ-то сидящимъ на диванѣ: кинулъ нѣсколько словъ къ боковому сосѣду, заговорилъ опять съ сидящимъ на диванѣ, сохраняя, въ продолженіе всего этого времени, самую пріятную улыбку. Посидѣвъ немного, всталъ, поклонился сидящему на диванѣ, кинулъ общій поклонъ прочимъ, должно быть, гостямъ, и началъ выходить.... Прекрасно, безподобно! это была репетиція грядущаго визита, и она, какъ видитъ самъ читатель, удалась моему герою какъ нельзя лучше.

Въ домѣ Мамиловыхъ, тоже съ ранняго утра, происходили хлопоты: натирали воскомъ полы, выбивали мебель, заливали масломъ кенкетки, вставляли въ люстру свѣчи, офиціантъ раскладывался въ особо отведенной комнатѣ съ своею посудою. Въ одной только спальнѣ хозяйки происходила не совсѣмъ праздничная сцена. Варвара Александровна Мамилова, по словамъ Хозарова, красавица и философка, въ утреннемъ капотѣ и чепчикѣ, сидѣла и плакала; передъ ней лежало развернутое письмо и браслетъ. Варвара Александровна, дама лѣтъ около тридцати, дѣйствительно была хорошенькая; по-крайней-мѣрѣ имѣла очень нѣжныя черты лица, прекрасные и чисто-небеснаго цвѣта голубые глаза; но главное: она владѣла удивительно-маленькой, и какъ бы совершенно безъ костей, ручкою и таковыми же ножками. Лежавшее передъ ней письмо было отъ мужа, отъ этого страшнаго богача, занимающагося въ южныхъ губерніяхъ торговыми операціями, и оно-то заста-

вило имянинницу плакать. «Поздравляю васъ, другъ мой, Варвара Александровна, писалъ супругъ, со днемъ вашего ангела и посылаю вамъ какой только могъ найдти лучшій браслетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнымъ нахожусь, хотя это вамъ будетъ и непріятно, высказать мое неудовольствіе. Начну съ прошедшаго: во-первыхъ, записывали во мнѣ вы, а не я въ васъ; во-вторыхъ, въ самый день сватовства я объяснилъ, что желаю видѣть въ женѣ только семьянинку, и вы поклялись быть такою; я, сорокапятилѣтній простакъ, повѣрилъ, потому что и вамъ уже было за двадцать-пять; въ женихахъ вы не зарылись; кромѣ того, я зналъ, что вы не должны быть избалованы, такъ какъ жили у вашего отца въ положеніи какой-то гувернантки за его боковыми дѣтьми, а сверхъ того вы и сами вначалѣ показывали ко мнѣ большую привязанность; но какія же теперь всего этого послѣдствія? чрезъ какой-нибудь годъ вы заболѣли нервною болѣзнію, хотя по лицу этого совершенно было незамѣтно, и начали ко мнѣ приступать, чтобы я переѣхалъ съ вами къ Москву, — я и это сдѣлалъ. Столичный воздухъ пришелся вамъ, какъ нельзя лучше, по комплекціи: съ другой же недѣли мы стали ѣздить по собраньямъ и по театрамъ. Такого рода жизнь, хотя была и убыточна, но при мнѣ позволительна; теперь же другое дѣло: вы живете однѣ и повторяете то же самое и безъ меня; открыли даже въ вашемъ домѣ, какъ я слышалъ, на цѣлую зиму вечера, и въ два мѣсяца прожили пять тысячъ рублей. Во избѣжаніе всего этого съ будущей весны, то есть, по окончаніи квартирнаго контракта, я намѣренъ переѣхать съ вами на постоянное житье въ К....., гдѣ

сосредоточу всѣ мои дѣла. Цѣлуя васъ, пребываю— такой-то....»

Вотъ какое было поздравительное письмо страшнаго богача, и, конечно, всякой согласится, что это дерзкое и оскорбительное посланіе могло заставить плакать даму и съ болѣе крѣпкими нервами, чѣмъ Варвара Александровна. Сначала она бросила было на полъ присланный ей въ подарокъ браслетъ и велѣла отказать офиціанту, которому заказанъ былъ вечеръ; но потомъ, проплакавшись, распорядилась снова о вечерѣ и подняла съ полу браслетъ, а часу въ первомъ, одѣвшись, и одѣвшись очень мило и къ лицу, надѣла даже и браслетъ и вышла въ гостиную, чтобы принимать пріѣзжающихъ гостей съ поздравленіемъ. Впрочемъ, впечатлѣніе письма было, видно, довольно сильно, потому что, какъ Варвара Александровна ни старалась переломить себя, все-таки оставалась нѣсколько грустна и взволнована. Всѣ почти перебывали у ней изъ ея круга; былъ и Бобыревъ, образованный купецъ, и статскій совѣтникъ Желюзовъ, и пріѣзжали трое офицеровъ вмѣстѣ; наконецъ прислала и Катерина Архиповна своего супруга поздравить имянинницу.

Антонъ Ѳедотычъ, вымытый, выбритый, напомаженный и весь, такъ сказать, по волѣ супруги, обновленный, то есть въ новой фрачной парѣ, въ жилетѣ съ иголочки и даже въ новыхъ сапогахъ, не замедлилъ показать себя новой знакомой и на особый вопросъ, который Варвара Александровна сдѣлала ему о Мари, потому что та нравилась ей болѣе изъ всего семейства, онъ не преминулъ пояснить, что воспитаніе Мари стоило имъ десять тысячъ.

Послѣ всѣхъ пріѣхалъ мой герой Хозаровъ. Мило было посмотрѣть какъ вошелъ молодой человѣкъ въ своемъ черномъ фракѣ, бархатномъ жилетѣ и лакированныхъ сапогахъ! какія у него были прекрасныя перчатки! какъ свободно, какъ даже граціозно онъ раскланялся, даже гораздо лучше, чѣмъ сдѣлалъ это на репетиціи. Кромѣ того, онъ былъ такъ свѣжъ, такіе имѣлъ миленькіе усы, такъ кстати заговорилъ съ хозяйкою о погодѣ, что, конечно, читатель мой, глядя на него, вы никакъ бы не догадались, что онъ выѣхалъ изъ нумеровъ Татьяны Ивановны, по ея только великодушію имѣлъ перчатки и писалъ дружескую записку къ извощику о снабженіи его экипажемъ; вы скорѣе бы подумали, что заговаривать по-французски и дѣлать утренніе визиты— его нарочно возили учиться въ Парижъ. Родятся же люди съ подобными свѣтскими способностями. Ну, какое, напримѣръ, особое получилъ воспитаніе мой герой? Сначала родители держали его въ деревнѣ, и то больше въ дѣвичьей или въ лакейской; потомъ на десятомъ или одиннадцатомъ году отдали въ корпусъ, гдѣ онъ почти самоучкой выучился немного говорить по-французски и въ совершенствѣ овладѣлъ танцовальнымъ искусствомъ; но, вѣдь, только и всего! Потомъ поступилъ онъ въ полкъ, гдѣ, конечно, старался постоянно быть въ хорошемъ обществѣ и, стремясь докончить свое воспитаніе, читалъ очень много романовъ, и романовъ по преимуществу переводныхъ, чтобы уже имѣть окончательно ясное понятіе о свѣтско-европейской жизни.

Варвара Александровна въ этотъ разъ обратила на молодаго человѣка должное вниманіе. От-

личнымъ танцоромъ она знала его и прежде; но разговаривать съ нимъ ей какъ-то еще не удавалось. Поговоря же съ нимъ въ настоящій визитъ, она увидѣла, что онъ необыкновенно милый и даже умный молодой человѣкъ, потому что Хозаровъ такъ мило ей разсказалъ повѣсть Бальзака—*Старикъ Горіо*, что заинтересовалъ ее этимъ романомъ до невѣроятности.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете? спросила она гостя.

— Дома, отвѣчалъ тотъ.

— Voulez-vous manger notre soupe?

— Avec grand plaisir, отвѣчалъ Хозаровъ.

— Mais, outre cela, passerez-vous avec nous la soirée?

— Votre très-humble serviteur!

Послѣ пріѣзжали еще кое-кто: являлся, между прочими, и толстякъ Рожновъ, внушавшій такія опасенія Хозарову, но никого хозяйка не удостоила приглашеніемъ на обѣдъ, и звала только на простенькій вечеръ.

Такимъ образомъ Сергѣй Петровичъ и Варвара Александровна обѣдали почти вдвоемъ, въ присутствіи только весьма молчаливой изъ нѣмокъ экономки.

Время шло очень пріятно; хозяйка окончательно развеселилась и была очень любезна съ гостемъ; бесѣда ихъ, какъ водится между образованными людьми, началась о театрѣ, о гуляньяхъ, о романахъ и, наконецъ, склонилась на любовь.

— Любви нѣтъ! сказалъ Хозаровъ.

— Отчего же вы такъ думаете? спросила хозяйка.

— Потому что женщины не умѣютъ любить!

— Скажите лучше: мужчины не въ состояніи чувствовать любви; они — эгоисты, грубы, необразованны: они въ женщинѣ хотятъ видѣть себѣ рабу, которая только должна повиноваться имъ, угождать ихъ прихотямъ и рѣшительно не имѣть собственныхъ желаній, или, лучше сказать, совершенно не жить.

— Однакожь мы видимъ, что всѣ мужчины угождаютъ женщинамъ?

— Да, это бывало во времена рыцарства, когда мужчины были нравственны, благородны, великодушны, храбры.

— Напротивъ... возразилъ было Хозаровъ.

— А какими вы женитесь, господа? перебила хозяйка: какими-то нравственными стариками, неспособными не только чувствовать, но даже понимать чувствъ! У васъ въ головѣ только дѣла и деньги! Вамъ дается молодое и свѣжее существо, которое стремится васъ любить, жить любовью, но вы, ахъ, Боже мой! и говорить смѣшно, что вы видите въ женѣ — комфортъ, удобство, ключницу!... что же остается бѣдной женщинѣ? съ кѣмъ ей раздѣлить свое сердце? гдѣ истратить эту юную жизнь, которая кипитъ въ ней... и вотъ она, разумѣется, кидается въ свѣтъ и начинаетъ утѣшать себя мишурными пустяками: нарядами, балами, театрами; но развѣ можетъ занять это ея умъ и сердце? она весела только по наружности, но внутри страдаетъ! Но этого еще мало: вы, мужья, хотите отнять у нихъ и эти воображаемыя развлеченія, вамъ жаль денегъ, которыми вы, по всѣмъ правамъ, должны бы были платить за отсутствіе чувствъ; вы, господа, называете насъ мотовками, вѣтренницами, и оканчиваете

тѣмъ, что увозите куда-нибудь въ глушь, въ деревню! и тогда прощай, бѣдное существо — оно заживо погребено!...

— Я на это имѣю другой взглядъ, возразилъ Хозаровъ; женщины сами скрываютъ свои чувства; онѣ сами холодны, или притворяются такими. Я знаю одну дѣвушку; она любитъ одного человѣка; онъ это знаетъ вѣрно; но до сихъ поръ эта дѣвушка себя маскируетъ: когда онъ написалъ къ ней письмо, она прочитала, цѣловала даже безчувственную бумагу, но все-таки велѣла въ отвѣтъ сказать одно холодное *merci*.

— Я не понимаю этого, сказала Мамилова, и думаю, что она не любитъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣрена, потому что, когда женщина любитъ, она вся—откровенность; не чувствуя сама, она выскажется во всемъ: во взглядѣ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже въ словахъ!

— Однакожь это случилось!

— Не съ вами ли?

— А если бы со мной?

— Жалѣю о васъ!

— Почему?

— Потому что васъ не любятъ.

— Можетъ быть! по-крайней-мѣрѣ я люблю.

— А если вы любите, такъ и спѣшите любить, не теряйте ни минуты; ищите, старайтесь нравиться, сватайтесь; а главное: не откладывайте въ дальній ящикъ, и женитесь; пройдетъ время, вы растеряете всѣ ваши чувства, мысли, всего самого себя; тогда будетъ худо вамъ, а еще хуже — вашей будущей женѣ.

— Я могу еще любить, возразилъ Хозаровъ.

— Можетъ быть, вы молоды... сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать-семь.

— Да!... но только ужь пора жениться — и очень пора!... пройдетъ годъ, другой, и вы будете похожи на другихъ. Боже мой! продолжала хозяйка одушевленнымъ голосомъ — даже на самыхъ первыхъ порахъ брака, какими вы бываете, мужчины! вамъ скучны ласки этого юнаго существа, и вотъ — вы начинаете обманывать; жалуетесь на желчь, на сплинъ; но пріѣзжаетъ пріятель, съ которымъ какія-нибудь у васъ есть дѣла, и сейчасъ все проходитъ; откуда является энергія, дѣятельность, потому что тутъ говоритъ ваша собственная корысть. Вы всѣми вашими помышленіями посвящены только вашей меркантильной жизни, а женѣ остается одинъ только трупъ, остовъ человѣка, безъ чувствъ, безъ мысли. Нашу любовь, нашу живость, нашу даже, если хотите, болтливость, вы не хотите понять; называете это глупостями, ребячествомъ, и на первыхъ порахъ тушите огонь страсти, который горѣлъ бы для васъ, и горѣлъ всю жизнь.

— Вы говорите все это весьма справедливо про браки, которые совершаются по разсчету; но другое дѣло бракъ по страсти.

— Но гдѣ вы возьмете въ сорокъ лѣтъ страсти? возразила хозяйка, когда уже вы въ тридцать лѣтъ чувствуете, какъ говорятъ иные, разочарованіе. И что такое ваше разочарованіе? это не усталость души поэта, испытавшей все въ жизни; напротивъ — матеріализмъ, загрубѣлость чувствъ, апатія сердца — и больше ничего!

— Въ отношеніи разочарованія я совершенно

съ вами согласенъ, сказалъ Хозаровъ — это такая нелѣпость, которой я рѣшительно не допускаю. Послѣднія слова герой мой произнесъ искренно; онъ дѣйствительно въ самомъ себѣ не чувствовалъ ничего подобнаго разочарованію; ему даже весьма не нравились знаменитые романы: *Онѣгинъ* и *Печоринъ*. Онъ всегда называлъ ихъ баснями. Долго еще разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ; наконецъ, хозяйка, кажется, утомилась резонерствовать. Хозаровъ, какъ свѣтскій человѣкъ, тотчасъ же замѣтилъ это, и потому раскланялся и уѣхалъ. Домой прибылъ онъ нѣсколько взволнованный; на него сильное впечатлѣніе произвела философка-имянинница. Раздѣвшись и усѣвшись въ свое волтеровское кресло, онъ погрузился въ тихую задумчивость. Вошла Татьяна Ивановна.

— А вы не будете обѣдать? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я обѣдалъ у имянинницы. Вотъ, Татьяна Ивановна, я встрѣтилъ женщину, такъ женщина!

— Кого это?

— Варвару Александровну Мамилову — чудо! вообразите себѣ, говоритъ, какъ профессоръ; что за чувства, что за страсти! и вмѣстѣ съ тѣмъ — эти синіе чулки бываютъ, обыкновенно, страшные уроды; а эта, представьте себѣ, красавица, образована и учена такъ, что меня просто въ тупикъ поставила.

Татьяна Ивановна покачала головою.

— Лучше вашей Мари никого нѣтъ на свѣтѣ, сказала она.

— Мари не йдетъ тутъ въ сравненіе, отвѣчалъ Хозаровъ; Мари ангелочикъ-дѣвочка: на ней можно жениться, любить ее, знаете, какъ жену; но

эта — другое дѣло; эту надобно слушать и удивляться.

— Лучше бы вы этого не говорили; досадно слушать! возразила Татьяна Ивановна, просто вы повѣса, волокита; вотъ бы вамъ завлечь бѣдную дѣвушку, потомъ бросить ее и влюбиться въ другую даму.

— Нѣтъ, это не то, проговорилъ Хозаровъ и снова задумался.

Посидѣвъ немного, Татьяна Ивановна простилась съ постояльцемъ и отправилась къ Катеринѣ Архиповнѣ помогать барышнямъ одѣваться. Мы оставимъ моего героя среди его мечтаній и перейдемъ вмѣстѣ съ почтеннѣйшею хозяйкою въ квартиру Ступициныхъ, у которыхъ была тоже страшная суетня. Двѣ старшія, Пашетъ и Анетъ, начали хлопотать еще съ самого обѣда о своемъ туалетѣ; онѣ примѣривали башмаки, мѣнялись корсетами, и почти до ссоры спорили, которой изъ нихъ надѣть на голову виноградъ съ французской зеленью: имъ обѣимъ его хотѣлось.

— Тебѣ совсѣмъ не йдетъ зелень, говорила Анетъ съ сѣрыми глазами: ты брюнетка; ты гораздо лучше будешь въ пунцовыхъ шу.

— Извините, я уже и то на трехъ вечерахъ была въ лентахъ, а вы всегда въ цвѣтахъ.

Споръ двухъ дѣвушекъ дошелъ до маменьки, которая ихъ помирила тѣмъ, что разломила виноградную вѣтку на двѣ, и каждой отдавъ по половинѣ, приказала имъ надѣть, вмѣстѣ съ зеленью, и пунцовые шу.

Обѣ сестры, споря между собою, вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовали страшное ожесточеніе противъ младшей сестры и имѣли на это полное право: Кате-

рина Архиповна еще за два дня приготовила своему идолу весь новый туалетъ; платье ей было сшито новое, газовое, на атласномъ чехлѣ; башмаки были куплены въ магазинѣ, а не въ рядахъ; а на голову была приготовлена прекрасная коронка отъ М-те Анетъ; но это еще не все: сегодня на вечеръ эта дѣвочка, какъ именовали ее сестры, явится и въ маменькиныхъ брилліантахъ, которые нарочно были передѣланы для нея по новой модѣ. Весьма естественно, что Мари имѣя въ виду такого рода исключительныя заботы со стороны матери, сидѣла очень спокойно въ залѣ и читала какой-то романъ. Антонъ Ѳедотычъ также, какъ и старшія дочери, былъ искренно озабоченъ своимъ туалетомъ: онъ самъ, лично — своею особою, наблюдалъ, какъ гладилась его манишка, которая и должна была составлять перемѣну въ его костюмѣ противъ того, въ которомъ онъ являлся къ имянинницѣ утромъ.

Между тѣмъ, какъ происходили всѣ эти хлопоты, и между тѣмъ, какъ волновались ими Пашетъ, Анетъ и Антонъ Ѳедотычъ, Катерина Архиповна сидѣла и разговаривала съ Рожновымъ.

— Что мнѣ дѣлать, Иванъ Борисычъ? говорила хозяйка.

— Я самъ не знаю, что дѣлать, и вамъ, и мнѣ, отвѣчалъ тотъ; но я вамъ опять повторю: я богатъ, не совсѣмъ глупъ, дочь ваша мнѣ нравится, а потому, можетъ быть, и съумѣю сдѣлать ее счастливою.

— Все это я знаю; но она еще замужъ не хочетъ, отвѣчала Катерина Архиповна...

— Нѣтъ-съ, это не то: она замужъ хочетъ, только не за меня.

— Я васъ очень хорошо понимаю, Иванъ Борисычъ, и очень была бы рада, отвѣчала Катерина Архиповна.

— Я знаю, что вы-то бы рады, отвѣчалъ Рожновъ, впрочемъ, подождемъ, не сдѣлаетъ ли чего время?

— Подите, поговорите съ ней, полюбезничайте, сказала старуха; вы къ ней очень невнимательны.

— Вотъ еще что выдумали; стану я любезничать. Она безъ того, кажется, видѣть меня равнодушно не можетъ, проговорилъ толстякъ и задумался.

Явилась Татьяна Ивановна. Мари, увидѣвъ свою повѣренную, взяла ее за руку и посадила около себя.

— Что вы не собираетесь?

— У меня все готово, отвѣчала дѣвушка.

— Какъ васъ ждетъ одинъ человѣкъ, такъ просто ужасъ: сегодня цѣлое утро только и говорилъ, какъ увидѣться съ вами, сказала Татьяна Ивановна.

Дѣвушка покраснѣла, однако ничего не отвѣчала и принялась читать романъ. Татьяна Ивановна начинала нѣсколько разъ опять заговаривать о Хозаровѣ, но отвѣтомъ ей было только смущеніе, и потому дѣвица Замшева рѣшилась отправиться къ двумъ старшимъ. Здѣсь она нашла обширное поле для своей дѣятельности. Обѣ дѣвицы были въ совершенномъ отчаяніи отъ дурно выглаженныхъ кисейныхъ платьевъ, но Татьяна Ивановна взялась помочь горю: съ свойственнымъ только ей искусствомъ спрыснула весьма обильно платья, начала ихъ гладить черезъ тонкую простыню, и такимъ образомъ платья вышли отлич-

ныя. Часа за два началось одѣванье трехъ сестеръ. Татьяна Ивановна безпрестанно перебѣгала изъ комнаты двухъ старшихъ въ кабинетъ младшей, которую впрочемъ одѣвала сама мать. Толстякъ все это время сидѣлъ одинъ въ залѣ. Антонъ Ѳедотычъ тоже одѣвался; старуха, одѣвъ своего идола, снарядилась сама очень скоро, — и къ девяти часамъ всѣ были готовы. Рожновъ предложилъ всему семейству ѣхать въ его возкѣ, а самъ, съ Антономъ Ѳедотычемъ, отправился на извощикѣ. Татьяна Ивановна проводила всѣхъ до крыльца, и на этотъ разъ, не боясь мошенниковъ, отправилась домой.

Когда семейство Ступицыныхъ, въ сопровожденіи Рожнова, вошло въ залу Варвары Александровны, тамъ было уже довольно гостей: Хозаровъ стоялъ, прислонясь къ косяку дверей въ гостиную, и рисовался. Среди всей этой новоприбывшей семьи, по преимуществу кинулась всѣмъ въ глаза Мари; она была очень мила въ своемъ розовомъ новомъ платьѣ и въ маменькиныхъ передѣланныхъ брилліантахъ. Двѣ старшія, поздоровавшись съ хозяйкою, тотчасъ же адресовались къ моему герою, и адресовались такъ провинціально, съ такими непріятными и странными ужимками, что Хозаровъ совершенно сконфузился, и сдѣлавъ, сколько возможно, насмѣшливую улыбку, пробормоталъ нѣсколько словъ и ретировался въ залу; но и здѣсь ему угрожала опасность: Антонъ Ѳедотычъ схватилъ его за обѣ руки и началъ изъявлять, тоже весьма глупо и неприлично, восторгъ, что съ нимъ увидѣлся. Хозаровъ окончательно растерялся и не нашелъ ничего болѣе сдѣлать, какъ выдти вонъ изъ залы. По возвраще-

ніи его. кадриль уже началась. Двѣ старшія дѣвицы Ступицыны были ангажированы офицерами; слѣдовательно отъ нихъ не могла ему угрожать опасность. Его безпокоилъ одинъ только Антонъ Ѳедотычъ, который стоялъ въ противоположномъ углу и, съ улыбкою, посматривалъ на всю публику. Увидѣвъ Хозарова, онъ, видимо, замышлялъ подойти къ нему, но къ счастію сего послѣдняго, Ступицынъ былъ со всѣхъ сторонъ заставленъ стульями, а потому не могъ тронуться съ мѣста и ограничился только тѣмъ, что не спускалъ съ Хозарова глазъ и улыбался ему.

— Какое милое существо, а въ какомъ дурацкомъ семействѣ родилось, подумалъ про себя Сергѣй Петровичъ, глядя на хорошенькую Мари, танцующую съ третьимъ офицеромъ. Осмотрѣвъ внимательно ея роскошный станъ, ея пухленькія ручки, и наконецъ замѣтивъ довольно таинственные и многоговорящіе взгляды, онъ не выдержалъ, подошелъ къ ней и позвалъ ее на кадриль.

Между тѣмъ, хозяйка, осматривавшая въ лорнетъ всѣхъ гостей, увидѣла во второй кадрили Хозарова, танцующаго съ Мари, и съ той поры исключительно занялась наблюденіемъ надъ ними. Она видѣла все; но ни Хозаровъ, ни Мари не замѣтили ничего. Въ героѣ моемъ вдругъ воскресла, на время усыпленная впечатлѣніемъ Варвары Александровны, страсть къ Мари тѣмъ болѣе, что онъ, взявъ ручку *грёзовской головки*, почувствовалъ, что эта ручка дрожала.

— Вы меня ненавидите, сказалъ поручикъ, становясь съ своей дамой на избранное мѣсто.

Мари ничего не отвѣчала; она только взглянула на него, но взглянула такъ, что Сергѣй Пе-

тровичъ понялъ многое, и потому слегка пожалъ ея ручку. Ему отвѣчали тоже легкимъ пожатіемъ.

— Вы не сердитесь на меня за мою тайну, которую писалъ я вамъ въ дневникѣ? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка.

— А вы знаете о комъ я писалъ?

— Не знаю.

— О васъ.

Мари вся вспыхнула.

— Могу я васъ любить? спросилъ онъ шопотомъ.

— Да, отвѣчала тоже шопотомъ дѣвушка.

— А вы?

Молчаніе...

— А вы? повторилъ Хозаровъ.

— Да..... едва проговорила она и стремительно бросилась дѣлать шенъ.

По окончаніи кадрили, Хозаровъ, разстроенный, и разстроенный въ такой мѣрѣ, что даже взъерошилъ свою прическу, всталъ опять у косяка. Къ нему подошла хозяйка.

— Я все видѣла, сказала она; васъ любятъ; вы напрасно сомнѣваетесь, и любятъ васъ такъ, какъ только умѣетъ любить молоденькая дѣвушка; но знаете, что мнѣ тутъ отрадно. Вы сами любите, вы сами еще не утратили прекрасной способности любить. Поздравляю, и радуюсь за васъ.

Хозаровъ, на такого рода лестные отзывы, ничего не могъ даже отвѣтить; и только молча и съ внутреннимъ самодовольствомъ прижалъ къ груди своей шляпу и поклонился.

Ступицыны скоро уѣхали съ вечера. Катерина Архиповна замѣтила, что идолъ ея немного поблѣднѣлъ, и потому тотчасъ же пристала къ Мари

съ разспросами: что такое съ ней? Мари объявила, что у нея голова болитъ, и что ей бы очень хотѣлось ѣхать домой. Старуха тотчасъ же повелѣла всей остальной семьѣ собраться. Какъ это ни было горько Пашетѣ и Анетѣ, такъ какъ обѣ онѣ были приглашены тѣми же офицерами на мазурку; какъ, наконецъ, ни непріятно было такое распоряженіе супруги Антону Ѳедотычу, который присѣлъ уже къ статскому совѣтнику Желюзову и началъ-было ему разсказывать, какіе у него въ деревнѣ сформированы прекрасные музыканты, однако всѣ они покорились безотмѣнному повелѣнію Катерины Архиповны и отправились домой.

IV.

Спустя недѣлю послѣ Варварина дня, Ступицынъ вознамѣрился, всѣмъ знакомымъ Катерины Архиповны, сдѣлать визиты; многое породило въ головѣ Антона Ѳедотыча подобное желаніе: во-первыхъ, ему хотѣлось еще разъ показать почтеннѣйшей публикѣ свой новый фракъ; во-вторыхъ, поговорить съ некоротко-знающими его лицами и высказать имъ нѣкоторыя свои душевныя убѣжденія и, наконецъ, въ-третьихъ, набѣжать гдѣ-нибудь на завтракъ или на закуску съ двумя сортами водки, съ какимъ-нибудь канальскимъ портвейномъ и накуриться табаку. Послѣдняя причина едва ли была не главная, потому что завѣтный погребецъ его, увы! давно уже былъ безъ содержанія; наполнить же его не было никакой возможности: разсчетливая Катерина Архиповна, сшивъ супругу новое платье, такъ какъ въ старомъ невозможно уже было показать его добрымъ лю-

дямъ, поклялась пять лѣтъ не давать ему ни копѣйки, и даже не покупала для него табаку. Рѣшившись, на основаніи вышеупомянутыхъ причинъ, дѣлать визиты, Антонъ Ѳедотычъ имѣлъ въ виду одно только не совсѣмъ пріятное обстоятельство: онъ долженъ былъ ходить пѣшкомъ, потому что Катерина Архиповна и на извощика не давала денегъ. Это заставило Ступицына рѣшиться посѣтить не вдругъ всѣхъ, а дѣлать визита по два или по три въ день, разсказывая при этомъ случаѣ, что ему докторъ велѣлъ каждое утро ходить верстъ по пяти пѣшкомъ. Въ первый день зашелъ онъ къ статскому совѣтнику Желюзову, но здѣсь его не приняли, и онъ направилъ стопы къ Хозарову; можетъ быть его и здѣсь не приняли бы, но онъ вошелъ вдругъ и засталъ хозяина за туалетомъ.

— Боже мой!... извините вы меня, вскрикнулъ Хозаровъ, запахивая халатъ и стараясь прибрать туалетныя принадлежности.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь, возразилъ гость; иначе я лишу себя пріятнаго удовольствія побесѣдовать съ вами и уйду.

— Какъ это возможно! возразилъ съ своей стороны хозяинъ, но все-таки мнѣ очень совѣстно: я теперь живу на бивакахъ, мое отдѣленіе передѣлываютъ; я сюда перешелъ на время въ этотъ сарай.

— Я этого не скажу, говорилъ Ступицынъ, усаживаясь на ближайшій къ хозяину стулъ. Комната мнѣ нравится — очень веселенькая. Обоями нынче все больше оклеиваютъ!

— Да, но это что за помѣщенье?... Семейство ваше какъ въ своемъ здоровьѣ?

— Благодарю васъ, слава Богу; Мари что-то все хмурится. Позвольте мнѣ попросить у васъ трубки.

— Ахъ, сдѣлайте милость! вскрикнулъ хозяинъ и самъ было бросился набивать гостю трубку, но тотъ, конечно, не допустилъ его и самъ себѣ выбралъ самую огромную трубку, старательно продулъ ее, наложилъ, закурилъ и сѣлъ съ цѣлью вполнѣ насладиться любимымъ, но не всегда доступнымъ ему удовольствіемъ.

— Безподобный табакъ! сказалъ онъ, втягивая дымъ.

— Очень радъ, что вамъ нравится.

— Какъ, однако, свѣжо на дворѣ, сказалъ гость, усладившись куреніемъ, я хожу, вѣдь, пѣшкомъ: докторъ велѣлъ; нельзя, знаете, безъ моціону,— такія ужь лѣта; чего добраго, пожалуй, и ударъ хватитъ.

— Такъ на дворѣ, вы изволите говорить, холодно?

— Весьма свѣжо. Я такъ, знаете, прозябъ, что даже и теперь не могу согрѣться.

— Не прикажете ли чаю, или кофе?

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно; то и другое мнѣ строжайше запрещено докторомъ: рюмку водки, если есть, позвольте!

— Ахъ, пожалуйста! сказалъ хозяинъ и вышелъ, чтобы попросить у Татьяны Ивановны для гостя водки. Дѣвица Замшева, услышавъ, что у Хозарова Антонъ Ѳедотычъ, и желаетъ выпить водочки, тотчасъ захлопотала.

— Дайте водки, почтеннѣйшая, да нѣтъ ли графинчика получше, да и закусить чего нибудь — сыру или сельдей и, знаете, подайте понаряднѣе:

на подносъ велите постлать салфетку, и хлѣбъ нарѣзать, и разложить покрасивѣе.

— Знаю, Сергѣй Петровичъ, знаю, ужь не безпокойтесь, велю подать водки, миногъ, сыру и колбасы; да не худо бы винца какого-нибудь?

— Очень хорошо, и винца — рубля въ полтора серебромъ бутылку, отвѣчалъ Хозаровъ. Ахъ, вы, милѣйшая моя хозяюшка, говорилъ онъ, трепля ее по плечу.

— То-то и есть, отвѣчала Татьяна Ивановна, дай вамъ Богъ другую нажить такую: вотъ посмотримъ, какъ-то вы отблагодарите меня какъ женитесь.

— Тысячу рублей подарю вамъ, отвѣчалъ Сергѣй Петровичъ.

— Хорошо, посмотримъ, отвѣчала хозяйка и побѣжала хлопотать о закускѣ. Хозаровъ между тѣмъ возвратился къ гостю, который закурилъ уже другую трубку и, развалясь на диванъ, пускалъ мастерскія кольцы.

— Извините меня, сказалъ хозяинъ, я захлопотался; вотъ наша холостая жизнь: вообразите себѣ, двое у меня людей въ горницѣ, и ни одного на лицо нѣтъ, такъ что принужденъ былъ просить подать завтракъ хозяйскую дѣвушку.

— Это часто случается и у насъ; у меня вотъ здѣсь немного людей, а въ деревнѣ ихъ человѣкъ пятнадцать, а случается иногда, что, даже, по цѣлому дню, трубки некому приготовить.

Въ это время Марѳа, одѣтая, по распоряженію Татьяны Ивановны, въ новое ситцевое платье, принесла закуску, водку и вино.

— Прошу покорнѣйше, сказалъ хозяинъ.

— А я васъ прошу не безпокоиться: распоря-

жусь, отвѣчалъ гость и залпомъ выпилъ рюмку водки, закусивъ миногою.

— Прекрасная эти миноги закуска! и кисловато, и пріятно, сказалъ онъ, прожевавъ кусокъ; говорятъ, это маленькія змѣи?

— Не знаю. Не прикажете ли винца?

— Нѣтъ, позвольте мнѣ еще рюмку водки: все какъ-то не могу хорошенько согрѣться! Это штритеровская?

— Нѣтъ, домашняя.

— Скажите, какая прекрасная, замѣтилъ гость, закусывая сыромъ. Теперь можно трубки покурить и винца потомъ выпить, проговорилъ онъ, и закуривъ трубку хотѣлъ было налить себѣ въ рюмку.

— Не прикажете ли лучше въ стаканъ? это вино совѣстно пить рюмками, сказалъ хозяинъ, желавшій угостить гостя и замѣтивъ, что сей послѣдній не не любитъ выпить.

— Не много ли будетъ—стаканчиками, сказалъ гость, выпивъ рюмку. Вы сами не кушаете; надобно начинать, вѣдь, съ хозяина.

— А вотъ, я и самъ выпью, сказалъ тотъ, наливъ стаканъ и ставя его передъ Ступицынымъ, а себѣ рюмку.

Антонъ Ѳедотычъ пришелъ въ совершенно блаженное состояніе отъ такого любезнаго пріема.

— Какъ мнѣ пріятно, что я имѣлъ честь съ вами познакомиться. Съ перваго раза, изволите ли помнить, какъ мы встрѣтились, я почувствовалъ къ вамъ какое-то особенное влеченіе.

— Благодарю васъ покорно; я съ своей стороны также дорожу знакомствомъ вашимъ и всего вашего милаго семейства.

— Да-съ, я могу похвалиться моимъ семей-

ствомъ, началъ Ступицынъ, у котораго въ головѣ начало уже шумѣть, одно только... ахъ, какъ мнѣ тутъ непріятно! даже и говорить про это больно!

— Что такое-съ?

— Такъ, знаете-съ: свои семейныя несообразности.

— Но... въ чемъ же?

— Это, я вамъ доложу, большая исторія, проговорилъ Ступицынъ, вздыхая и махнувъ рукою. Я пожалуй, вамъ разскажу; но прежде, нежели начну, позвольте мнѣ васъ попросить, выпить со мной по стаканчику мадеры.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ хозяинъ и налилъ себѣ и гостю по стакану вина, которыми они чокнулись и выпили.

— Я, васъ, Сергѣй Петровичъ, съ перваго раза полюбилъ, какъ сына, а потому могу открыть вамъ душу. Катерина Архиповна моя, я про нее ничего не могу сказать, семьянинка прекрасная, только неровна къ дочерямъ: двухъ старшихъ не любитъ, а младшую боготворитъ.

— Скажите пожалуйста.

— Да-съ, вотъ какой случай; а что прикажете дѣлать?-я хоть и отецъ, а помочь не могу. Короче вамъ сказать: была у насъ двоюродная бабка, и замѣтьте, бабка съ моей стороны; препочтеннѣйшая, я вамъ скажу, старушка; меня просто обожала, всего своего имущества, еще при жизни, хотѣла сдѣлать наслѣдникомъ, но, вѣдь, я отецъ: куда же бы все пошло?... все бы конечно дѣтямъ,— только бы поровну, никто бы изъ нихъ обиженъ-то не былъ. Такъ, какъ бы вы думали что сдѣлала супруга? Передъ самою почти смертію подбилась къ старухѣ, да уговорила ее, обойдя меня,

отдать одной младшей Машетъ. а мы и сидимъ теперь на бобахъ. Вотъ что значитъ неравная-то любовь! Но, вѣдь, я отецъ: мнѣ горько и обидно... и себя конечно жалко, да и старшія-то чѣмъ же согрѣшили?

— Скажите пожалуйста, произнесъ Хозаровъ: и большое имѣніе?

— Триста душъ въ кружкѣ, какъ на ладони, да каменная усадьба!

— И всѣмъ ужь теперь владѣетъ Марья Антоновна?

— Давно, по всѣмъ актамъ; но это еще мало: имѣніе теперь подъ опекою у матери: ни копѣйки, сударь ты мой, изъ доходовъ не издерживаетъ, все въ ломбардъ, да въ ломбардъ на имя идола: тысячъ тридцать ужь засыпано.

— Тридцать тысячъ! воскликнулъ въ восхищеніи Хозаровъ.

— Ровнёхонько тридцать. Но, вѣдь, мнѣ горько: я отецъ... я равнодушно видѣть старшихъ не могу, хуже чѣмъ сироты. Ну-хоть бы съ воспитанія взять: обѣихъ ихъ въ деревнѣ сама учила, ну что она знаетъ? а за эту платила въ пансіонъ по тысячѣ рублей; но и это еще не все....

— Что-же еще такое? спросилъ Хозаровъ, болѣе и болѣе начинавшій интересоваться разсказомъ Ступицына.

— И это еще не все: нашла ей жениха; почти насильно влюбила его въ нее; онъ полгода уже какъ интересовался старшей; передѣлала, сударь ты мой, это дѣло въ свою пользу — да и только! теперь тотъ неотступно сватается къ Машенькѣ.

— Сватается къ Марьѣ Антоновнѣ?

— Неотступно! Сюда за ними нарочно пріѣхалъ: вы вѣрно его знаете, — Рожновъ!

— Этотъ толстякъ! восклинулъ Хозаровъ.

— Да что такое толстякъ? тысяча, вѣдь, душъ съ... человѣкъ добрѣйшій... умница такая. что у насъ въ губерніи никто съ нимъ и не схватывается.

— Такъ, стало быть, Марья Антоновна помолвлена?

— Кажется еще нѣтъ; я, признаться, и не знаю, потому что я и входить не хочу въ ихъ дѣла: грустно, знаете, очень грустно, право; а нечего дѣлать: мать!... кто ее можетъ судить и разбирать. А и теперь Пашетъ и Анетъ все я содержу — это я могу прямо сказать; но у меня небольшое состояніе: всего сто душъ, я самъ еще люблю пожить; ну, вотъ, напримѣръ, въ карты играю, и играю по большой; до лошадей охотникъ, и знакомыхъ тоже имѣю; а она изъ своихъ ста душъ, ни синя пороха не даетъ старшимъ, а все на своего идола. Обидно, Сергѣй Петровичъ, невыносимо обидно! позвольте мнѣ еще водки выпить.

Ступицынъ выпилъ еще водки и началъ немного покачиваться.

— Что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть? разсуждалъ онъ, какъ бы самъ съ собою: къ несчастію, онѣ и собой-то хуже той, но, вѣдь, я отецъ: у меня сердце равно лежитъ ко всѣмъ. Вы теперь еще не понимаете, Сергѣй Петровичъ, этихъ чувствъ, а вотъ возьмемъ съ примѣра: пять пальцевъ на рукѣ; который ни тронь — всѣ больно. Жаль мнѣ Пашетъ и Анетъ, а онѣ предобрыя, да что дѣлать, — родная мать! Вы извините меня, можетъ быть, я васъ обезпокоилъ.

— Ахъ, какъ вамъ не совѣстно; напротивъ, мнѣ очень пріятно, отвѣчалъ хозяинъ.

Гость принялся-было отыскивать картузъ, но остановился.

— Не могу идти домой; не могу видѣть неравенства, и въ комъ же? въ родной матери, которая носила всѣхъ въ утробѣ своей девять мѣсяцевъ... Здѣсь Ступицынъ немного остановился: Сергѣй Петровичъ, милый вы человѣкъ! продолжалъ онъ, я обожаю васъ, т. е. кажется, готовъ за васъ умереть; позвольте мнѣ васъ поцѣловать?

— Съ большимъ удовольствіемъ...

Новые пріятели облобызались.

— Сергѣй Петровичъ! позвольте мнѣ у васъ отдохнуть, не могу видѣть неравенства.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ Хозаровъ, въ душѣ обрадованный такому намѣренію Ступицына, потому что тотъ, придя въ такомъ видѣ домой, можетъ въ оправданіе свое разсказать, что былъ у него, и такимъ образомъ поселить въ семействѣ своемъ не весьма выгодное о немъ мнѣніе. Онъ предложилъ гостю лечь на постель; тотъ сейчасъ же воспользовался предложеніемъ и скоро захрапѣлъ.

Въ какой мѣрѣ были справедливы вышесказанныя слова Ступицына, мы увидимъ впослѣдствіи; но Хозаровъ имъ повѣрилъ.

— Триста душъ, тридцать тысячъ и каменная усадьба, недурно, очень недурно, повторилъ онъ самъ съ собой, и между тѣмъ, какъ гость его начиналъ уже храпѣть на третью ноту, Хозаровъ отправился къ Татьянѣ Ивановнѣ.

— Ну, что, ушелъ? спросила хозяйка.

— Нѣтъ, пьянъ напился, и водку, и вино,—все

выпилъ и легъ спать, отвѣчалъ постоялецъ. Богъ дастъ какъ женюсь, такъ и въ лакейскую къ себѣ не стану пускать: пренесносная скотина! Впрочемъ, Татьяна Ивановна, намъ, въ отношеніи Мари, угрожаетъ опасность, и большая опасность.

— Что вы это? какая опасность?

— Да такая опасность, что врядъ ли она не помолвлена!

— Не можетъ быть, ой, не можетъ быть; да за кого, Сергѣй Петровичъ. не за кого быть помолвленной.

— А за Рѣжнова?

— За этого толстаго господина! Постойте, батюшка, Сергѣй Петровичъ, пожалуй, это и на дѣло не хоже. Когда онѣ сбирались на вечеръ, Марья Антоновна была такая грустная, а этотъ господинъ сидѣлъ съ Катериной Архиповной и все шопотомъ разговаривали....

— Это скверно, произнесъ Хозаровъ; впрочемъ, у нихъ въ этотъ день ничего не могло быть рѣшительнаго, потому что я въ этотъ же вечеръ объяснился ей въ любви и получилъ признаніе.

— Ну, вотъ, видите, стало быть, пустяки: можетъ быть мнѣ только такъ показалось; она не вѣтренница какая-нибудь: этого про нее. кажется, никто не скажетъ, но только, все-таки, Сергѣй Петровичъ, скажу вамъ: напрасно теряете время, пропустите вы эту красотку.

— Не слыхали ли вы, Татьяна Ивановна, что у нея есть усадьба?

— Какъ не быть усадьбы — отличнѣйшее помѣстье. Нынче одни дворы конюшенные выстроить стоило пять тысячъ; хлѣбъ родится самъ десять.

— И это вѣрно вы знаете?

— Какъ самое-себя.

— Вы, дѣйствительно, почтеннѣйшая, говорите справедливо, сказалъ Хозаровъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія. Я глупо и безразсудно теряю время.

— Глупо, Сергѣй Петровичъ, и совершенно безразсудно, повторила Татьяна Ивановна.

— Помолюсь-ко я Богу, да пойду, объясняюсь съ Катериной Архиповной. Этому болвану и говорить нечего: онъ, кажется, ничего не значитъ въ семействѣ.

— Именно такъ, утвердила Татьяна Ивановна.

Хозаровъ нѣсколько времени ходилъ по комнатамъ въ задумчивости.

— Знаете что мнѣ пришло въ голову: я сдѣлаю предложеніе письмомъ; говорить объ этихъ вещахъ какъ-то щекотливо.

— Письмомъ гораздо лучше, — и они пунктуальнѣе отвѣтятъ, отвѣчала Татьяна Ивановна.

— Жалко, что у меня въ комнатѣ эта свинья спитъ. Развѣ идти въ кофейную Печкина и оттуда послать съ человѣкомъ? тамъ у меня есть пріятель-мальчикъ, чудный малый! славно такъ одѣтъ и собой прехорошенькой. Велю назваться моимъ крѣпостнымъ камердинеромъ; оно будетъ очень кстати, даже можетъ произвести выгодный эффектъ: явится, знаете, франтоватый камердинеръ; можетъ быть станутъ его разспрашивать, а онъ ужъ себя не ударитъ въ грязь лицомъ: мастерски говоритъ.

— Превосходно вы выдумали, сказала Татьяна Ивановна. А то отсюда, даже, и послать некого: вѣдь, не Маруту же? въ этакомъ дѣлѣ черную дѣвку посылать и неловко.

— Ну, куда ваша Марѳутка годится! ей въ пору и въ лавочку бѣгать. Я думалъ-было попросить васъ, но какъ-то не йдетъ, не принято въ свѣтѣ.

— Мнѣ совершенно невозможно. Я бы конечно душой рада, да не принято; послѣ, пожалуй, схожу, хоть сегодня вечеркомъ, и поразузнаю, какъ между ними это принято; можетъ быть и сами скажутъ что-нибудь.

— Это, дѣйствительно, вы сходите и поразвѣдайте. Adieu, почтеннѣйшая!

Возвратясь въ свой нумеръ, Хозаровъ тотчасъ же одѣлся, взялъ съ собою почтовой бумаги, сургучъ, печать, и отправился въ кофейную, гдѣ въ самой отдаленной комнатѣ сочинилъ предложеніе, которое мы прочтемъ впослѣдствіи. Письмо было отправлено съ чуднымъ малымъ, которому поручено было назваться крѣпостнымъ камердинеромъ и просить отвѣта; а если что будутъ спрашивать, то ни себя, ни барина не ударить лицомъ въ грязь.

Между тѣмъ какъ Антонъ Ѳедотычъ, подгулявъ у Хозарова, посвящалъ его во всѣ семейныя тайны, и какъ тотъ, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній, рѣшился въ тотъ же день просить руки Марьи Антоновны, Рожновъ лежалъ въ кабинетѣ и читалъ какой-то англійскій романъ. Прислуга толстяка сидѣла въ лакейской и пила чай: у него ихъ было человѣка три въ горницѣ и человѣка четыре въ кухнѣ, и то потому только, что выѣхалъ въ Москву на-легкѣ, а не со всѣмъ еще домомъ. Про лакеевъ Рожнова, обыкновенно, говорили въ губерніи, что этакихъ оболтусовъ и никуда негодныхъ лѣнтяевъ надобно заводить вѣками,

а то вдругъ, какъ будто бы какой кабинетъ рѣдкостей, не составишь. Въ настоящее время вся эта братья хохотала во все горло надъ молодымъ, съ глуповатою физіономіею, парнемъ, который въ свою очередь хотя тоже смѣялся. но видимо былъ чѣмъ-то оконфуженъ.

— Эй, сеньёры! чему вы тамъ смѣетесь? сказалъ баринъ. Отвѣта не было.

— Григорій, а Григорій!

— Чего-съ? отозвался, наконецъ, голосъ изъ лакейской.

— Соблаговолите, сеньёръ, сюда пожаловать.

Появился самый младшій изъ лакеевъ.

— Чему вы тамъ смѣялись? спросилъ Рожновъ.

— Надъ форейторомъ, отвѣчалъ тотъ и снова захохоталъ во все горло.

— Чѣмъ же это онъ васъ насмѣшилъ?

— Влюбленъ-съ, едва выговорилъ отъ смѣху лакей.

— Скажите, пожалуйста, какой злодѣй, сказалъ Рожновъ, въ кого же онъ влюбился?

— Въ горничную Марьи Антоновны. Все спрашиваетъ насъ, скоро ли вы изволите на нихъ жениться.

— А она что же?

— И она неравнодушна-съ: большія между собой откровенности имѣютъ, отвѣчалъ лакей. Она меня тоже все спрашиваетъ, скоро ли будетъ ваша сватьба, а не то, говоритъ, у барышни есть другой женихъ, какъ его проклятаго, Хозаровъ что ли? въ котораго она влюблена.

— Влюблена въ Хозарова? спросилъ толстякъ.

— Должно быть такъ, отвѣчалъ лакей.

Рожновъ тотчасъ же всталъ, въ нѣсколько ми-

нутъ одѣлся, сѣлъ въ сани и очутился у Катерины Архиповны, которая сидѣла у себя въ комнатѣ одна.

— То, что я предугадывалъ, началъ Рожновъ, случилось: Мари влюблена въ эту восковую рожу — Хозарова.

— Мари влюблена въ Хозарова? что это... съ чего это пришло вамъ въ голову? откуда вы почерпнули эти извѣстія? сказала Катерина Архиповна, нѣсколько даже обиженнымъ голосомъ.

— Не могу вамъ сказать именно, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ эти свѣдѣнія, но все-таки повторяю, что это вѣрно; вѣрно по моему собственному наблюденію, вѣрно и по слухамъ, которые до меня дошли.

— Мари влюблена... ребенокъ, который еще ничего не понимаетъ: она влюблена? говорила мать.

— Вотъ это-то мнѣ досаднѣе всего, возразилъ Рожновъ: какъ же вы женщина, и не понимаете другую женщину, и еще дочь свою. Хоть бы, напримѣръ, себя-то припомнили: неужели въ осьмнадцать лѣтъ вы ничего не понимали?

— Она, исключеніе, Иванъ Борисычъ, перебила Катерина Архиповна, это необыкновенный еще ребенокъ; въ ней до сихъ поръ я не замѣчала кокетства, а еслибы вы знали, какія вещи она иногда спрашиваетъ, такъ мнѣ совѣстно даже разсказывать.

— Все-таки я вамъ разъ скажу, что она влюблена! Но, впрочемъ, что же я васъ предостерегаю. Можетъ быть, вамъ самимъ нравится эта наклонность?

— Вамъ грѣхъ это думать, Иванъ Борисычъ; вы, очень хорошо, знаете, что мое единственное

желаніе, чтобы Мари была вашею женою. Можетъ быть, нѣтъ дня, въ который бы я не молила объ этомъ Бога со слезами. Я знаю, что вы сдѣлаете ее счастливою; но что мнѣ дѣлать? Она еще такъ молода, что боится одной мысли быть чьей-либо женой.

Въ продолженіе этой рѣчи у старухи навернулись слезы.

— Ну, полноте, не огорчайтесь, сказалъ толстякъ, я это сказалъ такъ... пускай ее теперь влюбляется въ кого угодно; авось придетъ очередь и до меня.

— Мамаша! записочка отъ Сергѣя Петровича, сказала, входя въ комнату Анетъ и подавая матери письмо. Камердинеръ ихъ пришелъ и проситъ отвѣта, прибавила она и вышла.

Старуха и Рожновъ вздрогнули; та принялась читать, но на половинѣ письма остановилась, поблѣднѣла, какъ полотно, и передала его Рожнову, который, прочитавъ посланіе моего героя, тоже смутился.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Старуха какъ будто бы не помнила сама себя. Рожновъ тоже; но, впрочемъ, онъ скоро опомнился и, взглянувъ насмѣшливо на Катерину Архиповну, началъ снова перечитывать письмо.

— Вы со вниманіемъ ли прочли это прекрасное посланіе? сказалъ онъ.

— Я еще опомниться, Иванъ Борисычъ, не могу; этакой наглости, этакого безстыдства я вообразить не могла; Мари въ него влюблена! скажите пожалуйста, Мари дала ему слово!

— Мари, дѣйствительно, въ него влюблена, и дѣйствительно дала ему слово, перебилъ Рожновъ,

только мы-то съ вами, маменька, немного поошиблись въ разсчетѣ: Мари, видно, не ребенокъ, и надобно полагать, что не боится выдти замужъ. Я не знаю, чему вы тутъ удивляетесь; но, по-моему, все это очень въ порядкѣ вещей.

— Но, Иванъ Борисычъ, я этого не желаю, возразила Катерина Архиповна.

— Да, если вы не желаете, это другое дѣло; но, впрочемъ, дѣйствительно ли вы не желаете, когда желаетъ этого Марья Антоновна? однако погодите! Я намѣренъ вамъ вслухъ прочитать это письмо; оно такъ прекрасно написано, что можетъ быть и убѣдитъ васъ перемѣнить ваше намѣреніе. «Милостивая государыня, Катерина Архиповна! началъ читать толстякъ: робкою и несмѣлою рукою берусь я за перо, чтобы начертить эти роковыя для меня строки. Давно, очень давно, Катерина Архиповна, люблю я вашу младшую дочь; сердце мое меня не обмануло: она меня тоже любитъ, и уже почти мнѣ дала слово.»

— Удивительно какъ красно написано! сказалъ толстякъ, остановясь читать. Неужели эти «роковыя строки» не трогаютъ вашего материнскаго сердца, Катерина Архиповна?

Старуха ничего не отвѣчала и сидѣла какъ уличенная преступница. Толстякъ продолжалъ читать: «ваше слово, ваше слово, почтеннѣйшая Катерина Архиповна! одного вашего слова не достаетъ только для того, чтобы обоихъ насъ сдѣлать блаженными.»

— Перестаньте, Иванъ Борисычъ, пожалуйста, перестаньте, перебила Катерина Архиповна: лучше скажите что мнѣ дѣлать?

— Сдѣлать ихъ блаженными.

*

— Имѣйте, Иванъ Борисычъ, сожалѣніе къ моимъ чувствамъ, возразила старуха. Гдѣ же тутъ любовь съ вашей стороны? это, я думаю, и до васъ касается, а вы вмѣсто того, чтобы посовѣтовать мнѣ, только смѣетесь.

— Что же мнѣ вамъ совѣтовать?

— Да вѣдь, я должна что-нибудь рѣшительно отвѣтить; мнѣ должно отказать, а я теперь ничего и не понимаю.

— А вы думаете отказать?

— Конечно отказать.

— А! это другое дѣло; я берусь, даже, вамъ продиктовать письмо.

— Сдѣлайте божескую милость, войдите въ мое положеніе, сказала Катерина Архиповна и, тотчасъ же, принялась подъ диктовку толстяка писать письмо къ моему герою. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, Сергѣй Петровичъ! За ваше предложеніе я изъ вѣжливости благодарю васъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю пояснить вамъ, что я не могу изъявить на него моего согласія, такъ какъ вполнѣ убѣждена въ несправедливости вашихъ словъ о данномъ будто бы вамъ моею дочерью словѣ, и считаю ихъ за клевету съ вашей стороны, во избѣжаніе которой прошу васъ прекратить ваши посѣщенія въ мой домъ, которыя уже конечно не могутъ быть пріятны ни вамъ, ни моему семейству.»

Вотъ какой отвѣтъ получилъ мой герой съ чуднымъ малымъ, и сначала, пришедъ въ сильное ожесточеніе, тотчасъ же вознамѣрился ѣхать къ Катеринѣ Архиповнѣ и объясниться съ ней, но,

сѣвъ въ сани, раздумалъ и велѣлъ себя везти къ Мамиловой.

Варвара Александровна была дома и сидѣла въ своемъ кабинетѣ одна. Она очень обрадовалась пріѣзду гостя.

— Какъ вы милы, monsieur Хозаровъ, сказала хозяйка, что посѣтили затворницу.

Monsieur Хозаровъ на этотъ разъ не былъ, по обыкновенію, любезенъ; потому что, поклонившись, и поклонившись, разумѣется, довольно граціозно, сѣлъ и задумался.

— Что съ вами? спросила внимательная хозяйка.

— Сегодня одна изъ лучшихъ надеждъ моихъ лопнула и взорвана на воздухъ, сказалъ онъ, и прибавилъ: о люди! люди!

— Вы хандрите; ха, ха, ха! и васъ посѣтила желчь. Поздравляю вашу будущую жену, сказала Мамилова.

— Я не хандрю, но я ожесточенъ.

— Проигрались вѣрно, замѣтила хозяйка; мужчины всегда приходятъ въ отчаяніе, когда проигрываютъ.

— Я проигрывалъ въ жизнь мою полсостоянія; но оставался также спокоенъ, какъ издержавъ цѣлковый! отвѣчалъ Хозаровъ съ благороднымъ негодованіемъ; но сегодня я проигралъ мою лучшую надежду.

— Не понимаю васъ, сказала хозяйка.

— Потому что вы не вѣрите въ чувства мужчинъ, возразилъ Сергѣй Петровичъ.

— Да, я и забыла: вы влюблены... Скажите, Бога ради, что съ вами? мнѣ очень интересно узнать, какъ мужчины страдаютъ отъ любви. Я

объ этомъ читала только въ романахъ но, признаюсь, никогда не видала въ жизни.

— Если вамъ угодно будетъ говорить въ этомъ тонѣ, то вы, конечно, ничего не узнаете отъ меня: я буду молчаливъ, какъ могила.

— Ну, не сердитесь, я знаю, что вы лучше другихъ, лучше многихъ. Вы еще молоды. Скажите, что васъ такъ растрогало?

— Вы знаете мое отношеніе къ Мари Ступицыной?

— Да, знаю: она влюблена въ васъ!

— Можетъ быть; но сегодня я узналъ, что ее хотятъ выдать замужъ, и знаете ли за кого? за Рожнова, котораго она терпѣть не можетъ, который скорѣе походитъ на быка, нежели на человѣка, и все оттого, что у него до тысячи душъ.

— Но что же вы-то дѣлаете?

— Что же мнѣ дѣлать? я, любя ее и желая спасти отъ этого ужаснаго для нея брака, сегодня же сдѣлалъ ей предложеніе.

— Браво!... такъ и слѣдуетъ поступить благородному человѣку! какой же результатъ?

— Результатъ... стыдно и говорить, прочтите сами, сказалъ Хозаровъ, подавая Варварѣ Александровнѣ письмо.

— Результатъ обыкновенный, сказала она, прочитавъ письмо. Вотъ вамъ отцы и матери — какъ они безумно располагаютъ счастіемъ дочерей: тысяча душъ — и довольно! что имъ за дѣло, что это бѣдное существо можетъ задохнуться въ этомъ бракѣ. Какъ не быть счастливой при тысячѣ душахъ! что за дѣло, что нѣтъ тысячи первой души, которая одна только и нужна для счастія женщины. А эту любовь, которая живетъ въ ней, она

должна умертвить ее!... ничего, это очень легко; все равно, что снять башмакъ... и что такое значитъ разлучить на вѣки два существа, которыя, можетъ быть, созданы другъ для друга!... на этихъ словахъ Варвара Александровна остановилась и задумалась.

Сергѣй Петровичъ, созданный для Марьи Антоновны, впродолженіи всего этого монолога, сидѣлъ, тоже задумавшись.

Долго еще Варвара Александровна говорила въ томъ же тонѣ. Она на этотъ разъ была очень откровенна. Она разсказала исторію одной молодой дѣвушки, съ прекраснымъ, пылкимъ сердцемъ и съ умомъ образованнымъ, которую родители выдали замужъ, по разсчету, за человѣка богатаго, но отжившаго, желчнаго, въ которомъ только и были двѣ страсти: честолюбіе и корысть, — и эта бѣдная дѣвушка, какъ южный цвѣтокъ, пересаженный изъ-подъ роднаго неба на бѣдный свѣтъ оранжереи, сохнетъ и вянетъ съ каждымъ днемъ.

Варвара Александровна такъ живо разсказала эту исторію, что герой мой положительно догадался, что этотъ южный цвѣтокъ ни кто иной, какъ она сама.

Прощаясь съ гостемъ, Мамилова обѣщалась побывать на другой день у Ступицыныхъ и поговорить тамъ о немъ.

Молодой человѣкъ съ чувствомъ благодарности пожалъ руку у новаго своего друга.

Въ нумерѣ своемъ онъ нашелъ маленькую записку отъ Ступицына слѣдующаго содержанія: «Душевно благодарю васъ за угощеніе и надѣюсь, что все останется между нами втайнѣ.

А. Ступицынъ.»

Кромѣ того онъ засталъ тамъ Татьяну Ивановну.

— Сергѣй Петровичъ, что это у васъ надѣлалось, начала хозяйка, видно чѣмъ-то весьма взволнованная, я сегодня такой странный пріемъ получила у Катерины Архиповны, что просто понять не могу: меня совсѣмъ не пустили въ домъ; а этотъ толстякъ Рожновъ подъ носомъ у меня захлопнулъ двери и сказалъ еще, что меня даже не велѣно принимать.

— Все кончено, Татьяна Ивановна, сказалъ герой мой, садясь въ кресла.

— Нѣтъ, не кончено и не можетъ быть кончено, возразила Татьяна Ивановна. Марья Антоновна будетъ ваша, если захотите.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто... увезите.

— Увезти?... да, конечно, можно, но, впрочемъ, утро вечера мудренѣе, мнѣ очень хочется спать.

Герой мой, утомленный ощущеніями дня, дѣйствительно очень усталъ, и потому, выпроводивъ Татьяну Ивановну, тотчасъ же раздѣлся, бросился въ постель и скоро заснулъ.

V.

Существуетъ на свѣтѣ довольно-старинное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма справедливое мнѣніе, — мнѣніе, доказанное многими романами, что для любви нѣтъ ни запоровъ, ни препятствій, ни даже враждебныхъ стихій; — все она побораетъ и надъ всѣмъ торжествуетъ. Это старинное мнѣніе подтвердилось еще разъ и въ настоящемъ моемъ разсказѣ,

Послѣ сдѣланнаго Хозарову отказа, Катерина

Архиповна долго еще совѣщалась съ Рожновымъ, и между ними было положено: предложеніе молодаго человѣка скрыть отъ всѣхъ, а главное отъ Мари; сдѣлать это, какъ казалось имъ, было весьма возможно. Хозарову уже отказано отъ дому и теперь только надобно было выпроводить Татьяну Ивановну, которая, пожалуй, будетъ переносить какія нибудь вѣсти. Почтеннѣйшая дѣвица не замедлила явиться въ этотъ же день, — и Рожновъ взялся самъ отказать гостьѣ и, видно, исполнилъ это дѣло весьма добросовѣстно, потому что Татьяна Ивановна, послѣ довольно громкаго разговора, который имѣла съ нимъ первоначально въ залѣ, потомъ въ лакейской и наконецъ на крыльцѣ, вдругъ выскочила оттуда, какъ съумасшедшая, и цѣлые почти два переулка бѣжала, какъ будто бы за ней гналась цѣлая стая бѣшеныхъ собакъ.

Мало этого: чтобы прекратить всякую возможность для Мари видѣться съ Хозаровымъ и въ постороннихъ домахъ, Катерина Архиповна рѣшилась притвориться на нѣкоторое время больною и никуда не выѣзжать съ семействомъ. Но что значатъ человѣческія усилія противъ могущества все преборающей и надъ всѣмъ торжествующей любви. Между тѣмъ, какъ мать и влюбленный толстякъ думали, что они предостерегли себя со всѣхъ сторонъ отъ опасности, опасность эта имъ угрожала отвсюду.

Проснувшись на другой день, Хозаровъ внимательнѣе разсмотрѣлъ свое положеніе. Во-первыхъ, онъ убѣдился въ томъ, что рѣшительно влюбленъ въ Мари; во-вторыхъ, тридцать тысячъ, каменная усадьба и триста душъ, — какъ хотите, это вовсе не такого рода вещи, отъ которыхъ можно бы

было отказаться равнодушно. Но что предпринять? На совѣщаніе о томъ — что предпринять, была приглашена Татьяна Ивановна, очень хорошо еще помнившая ужасный пріемъ въ домѣ Ступицыныхъ, вслѣдствіе чего и была противъ всѣхъ ихъ, разумѣется, кромѣ Мари, въ какомъ-то ожесточенномъ состояніи: она совѣтовала Хозарову увезти Мари и подать просьбу на мать за управленіе имѣніемъ, а Рожнова сама обѣщалась засадить въ тюрьму за то, что будто бы онъ обругалъ ее—благородную дѣвицу, и обругалъ такими словами, которыхъ она даже и не слыхивала.

Но Хозаровъ смотрѣлъ на это съ другой стороны и хотѣлъ дѣйствовать въ болѣе логическомъ порядкѣ. Первоначально, ему хотѣлось написать къ Мари письмо и получить отъ нея отвѣтъ.

Но какимъ образомъ передать письмо? Татьянѣ Ивановнѣ, какъ видитъ и самъ читатель, не было уже никакой возможности идти къ Ступицынымъ; но она такъ ненавидѣла Катерину Архиповну, такъ была оскорблена на ея крыльцѣ, что, на зло ей, готова была рѣшиться на все, и взялась доставить письмо. Какъ не вѣрилъ Хозаровъ въ способность Татьяны Ивановны передавать письма, но все-таки онъ пожелалъ знать, какое именно она избираетъ для этого средство. Оказалось, что средство было очень легкое и весьма надежное: у дѣвицы Замшевой есть пріятельница—то же дѣвица—торговка, которая ходитъ почти во всѣ дома, и была уже нѣсколько разъ у Ступицыныхъ, и будто бы очень дружна съ горничною Марьи Антоновны и даже кой-что про эту голубушку не совсѣмъ хорошее знаетъ. Объ остальномъ догадаться не трудно: стоитъ Хозарову написать письмо, вру-

чить его дѣвицѣ—торговкѣ,—а та уже свое дѣло сдѣлаетъ и принесетъ даже отвѣтъ, и за весь этотъ подвигъ возьметъ какіе нибудь два цѣлковыхъ.

— Вы напишите ей письмо почувствительнѣе; а главное дѣло, напишите ей про мать: какая она ей злодѣйка! и какого счастія лишаетъ ее на всю жизнь!

— Знаю, какъ написать, отвѣчалъ Хозаровъ и, разставшись съ хозяйкою, тотчасъ же принялся сочинять посланіе, на изложеніе котораго героемъ моимъ былъ употребленъ добросовѣстный трудъ. Три листа почтовой бумаги были перемараны и, наконецъ, уже четвертый, розовый и надушеный, удостоился остаться бѣловымъ. Письмо было написано съ большимъ чувствомъ и прекраснымъ языкомъ.

Вотъ оно:

«Мари! я осмѣливаюсь называть васъ этимъ отраднымъ для меня именемъ, потому что вашимъ наивнымъ *да*, сказавшимъ на вечерѣ у Мамиловой, вы связали вашу судьбу съ моею; но люди хотятъ расторгнуть насъ; ваша мать приготовила другого жениха; вы его, конечно, знаете, и потому я не хочу въ этихъ строкахъ называть его ужаснаго для меня имени, оно, конечно, ужасно и для васъ, потому что въ немъ заключается ваша и моя погибель.»

«Вчерашній день, я не знаю, сказано ли вамъ, я просилъ вашей руки. Простите, что сдѣлалъ это, не сказавъ предварительно вамъ, но когда любишь, то вѣришь и надѣешься. Мнѣ отказано, Мари! отказано самымъ жесточайшимъ манеромъ!... О Мари! Мнѣ отказано въ надеждѣ владѣть вами,

мой ангелъ! отказано и въ домѣ.... не знаю, какъ остался я вчерашній день въ своемъ умѣ и имѣю сегодня силы начертить эти грустныя строки. Теперь все зависитъ отъ васъ. Васъ не отдаютъ мнѣ люди, отдайте мнѣ сами себя и напишите мнѣ отвѣтъ. Одно слово, моя ненаглядная Мари, одно слово твое воскреситъ въ душѣ моей умершія надежды. Остаюсь влюбленный Х.....въ.».

P. S. «Таже женщина, которая доставитъ вамъ это письмо, можетъ принести мнѣ отвѣтъ вашъ.»

Не меньшая опасность для сердца Мари,—и сердца уже нѣсколько, какъ мы видѣли изъ предъидущихъ сценъ, влюбленнаго, угрожала и съ другой стороны; это со стороны Варвары Александровны. Въ самое то утро, какъ Хозаровъ писалъ письмо къ предмету его любви, Мамилова писала таковое же къ предмету ея дружбы, какой-то двоюродной сестрѣ, съ которою она была въ постоянной перепискѣ. Такъ какъ письмо это было написано тоже прекраснымъ перомъ и отличалось глубиною мыслей, а главное, близко относилось къ предмету моего разсказа, то я и его намѣренъ здѣсь изложить съ буквальною точностію.

«Ma chère Claudine!

Давно я не писала къ тебѣ, потому что писать было нечего; ты знаешь, что я не имѣю собственной жизни: сердце мое, это нѣкогда страстное и пылкое сердце, оно, какъ будто бы, перестало уже биться; я ѣзжу въ оперу, даю вечера, наряжаюсь, если хочешь, но это только одни пустыя разсѣянія, а жизни, самой жизни — нѣтъ и нѣтъ.... тысячу разъ: нѣтъ!... Ты конечно бы теперь не узнала меня; я сдѣлалась какая-то мизантропка; но я

люблю людей, я могу жить счастіемъ другихъ, этимъ единственнымъ утѣшеніемъ для людей лишенныхъ собственнаго счастія, и вотъ тебѣ примѣръ: есть у меня одинъ знакомый, нѣкто Monsieur Хозаровъ; представь себѣ, chère Claudine, юношу, въ полномъ значеніи этого слова, хорошенькаго собой, съ пылкими и благородными чувствами, которыя у него выражаются, даже, въ его прекрасныхъ черныхъ глазахъ; онъ влюбленъ, и влюбленъ страстно въ молоденькую дѣвушку, Мари Ступицыну, которая тоже, кажется, его *обожаетъ*, и знаешь, какъ обыкновенно *обожаютъ* пансіонерки. Чего, подумаешь ты, не достаетъ для того, чтобы, для обоюднаго счастія связать этихъ людей, созданныхъ одинъ для другого, узами брака; но ихъ расторгаютъ, расторгаютъ съ тѣмъ, чтобы одну продать за золотой мѣшокъ сороколѣтнему толстяку, въ которомъ столько же чувствъ, какъ и въ мраморной статуѣ: а другого.... другого заставить, въ порывѣ отчаянія, можетъ быть, броситься въ омутъ порока и утратить тамъ свою молодость, здоровье, сердце и умъ, однимъ словомъ: все, все что есть въ немъ прекраснаго. Но я, испытавшая горе на самой себѣ, я буду дѣйствовать на мать и на отца дѣвушки, на нее самоё, на молодаго человѣка, чтобы только заставить сберечь ихъ въ сердцахъ своихъ эту любовь, эту дивную любовь, которая можетъ усыпать цвѣтами ихъ жизненный путь.

«Прощай, ma chère, пиши чаще! остаюсь твоя Barbe.»

Написавъ это письмо, Мамилова въ тотъ же вечеръ рѣшилась отправиться къ Ступицынымъ и начать дѣйствовать въ пользу двухъ существъ,

созданныхъ одинъ для другого. Слуга, пойдя докладывать о ея пріѣздѣ, долго не возвращался, а возвратившись, объявилъ, что въ домѣ должно быть что нибудь случилось, и потому что онъ едва добился толку, но приказали впрочемъ просить. Первый человѣкъ, встрѣтившій гостью, былъ самъ Антонъ Ѳедотычъ, который подошелъ къ ней на цыпочкахъ, поцѣловалъ ея руку и шопотомъ просилъ ее пожаловать въ комнату Катерины Архиповны.

— Что такое у васъ? спросила гостья.

— Машетъ больна, съ четырехъ часовъ въ истерикѣ, отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Я этого ожидала, сказала Варвара Александровна и вошла въ слѣдующую комнату, гдѣ увидѣла хозяйку и двухъ старшихъ дочерей ея, смиренно сидящихъ по угламъ. Всѣ онѣ тоже шопотомъ поздоровались съ гостьею.

— Что съ вашей Мари? спросила она у старухи.

— Сама не понимаю что случилось, отвѣчала мать, съ самого утра въ ужасной истерикѣ и ничто не помогаетъ. Я думаю, съ полчаса рыдала безъ слезъ, такъ что начало дыханье захватываться.

— Должно быть испугъ, замѣтилъ Антонъ Ѳедотычъ; она крысъ очень боится, вѣроятно, крысы испугалась.

Мамилова сомнительно покачала головой.

— Вы, я думаю, Катерина Архиповна, знаете, или, по-крайней-мѣрѣ, догадываетесь о причинѣ болѣзни Мари; можетъ быть, еще и не то будетъ!... проговорила она.

Катерина Архиповна посмотрѣла нѣсколько минутъ на гостью, какъ бы желая догадаться что та

хочетъ сказать и къ чему именно склоняетъ разговоръ.

— Я не понимаю васъ, Варвара Александровна, сказала она.

— По моему мнѣнію очень немудрено, подхватилъ Ступицынъ, она у насъ, знаете, этакой нервной комплекціи.

— Перестаньте, пожалуйста, вы съ вашими мнѣніями, перебила Ступицына, лучше бы посидѣли въ залѣ: можетъ быть, кто нибудь подъѣдетъ, а тамъ никого нѣтъ, потому что Ивана я послала за флёръ д'оранжемъ. Антонъ Ѳедотычъ поднялся со стула; Пашетъ и Анетъ подите на верхъ въ вашу комнату, продолжала старуха, и послушайте, покойно ли спитъ Мари.

Получивъ таковое приказаніе, папенька и двѣ старшія тотчасъ же отправились къ своимъ постамъ.

Катерина Архиповна съ умысломъ распорядилась такимъ образомъ, чтобы остаться наединѣ съ гостьею и послушать что она еще скажетъ про Мари.—и если это про сватовство Хозарова, то отдѣлать эту госпожу хорошенько, такъ какъ страстная мать вообще не любила участія постороннихъ людей въ ея семейныхъ дѣлахъ, и особенно въ отношеніи идола, за исключеніемъ впрочемъ участія Рожнова, въ разсужденіи котораго, она, какъ мы знаемъ, имѣла свою особую цѣль.

— Я все слышала, начала Мамилова, тотчасъ же, какъ онѣ остались наединѣ, и признаюсь, отъ васъ, Катерина Архипова, и тѣмъ болѣе въ отношеніи Мари, я никогда этого не ожидала: очень натурально, что она—бѣдненькая страдаетъ, узнавъ какъ жестоко вчерашній день рѣшена ея участь.

— А, вы это говорите, сказала Ступицына самымъ обидно-насмѣшливымъ голосомъ, про это глупое предложеніе этого мальчишки—Хозарова: ужь не оттого ли, вы полагаете, Мари больна, что я вчерашній день отказала этому вертопраху даже отъ дому. Въ такомъ случаѣ, я могу сказать вамъ, что вы ошибаетесь, Варвара Александровна: Мари даже не знаетъ ничего; я не сочла даже за нужное говорить ей объ этомъ.

— Вы ей не говорили, возразила съ своей стороны тоже довольно насмѣшливо гостья, но она знаетъ. Повѣрьте мнѣ: женщинѣ, которая любитъ, говоритъ ея инстинктъ, ея предчувствіе.

— Мнѣ очень странно, Варвара Александровна, сказала мать, слышать отъ васъ такое, даже обидное для дѣвушки, заключеніе, тѣмъ болѣе, что Мари еще ребенокъ, который даже, можетъ быть, и не понимаетъ этого.

— Не сердитесь на меня, Катерина Архиповна, и поймите что я хочу вамъ сказать: дочь ваша любитъ,—и любитъ до безумія, и вы, страстная мать, припомните мои слова: вы сведете ее въ могилу.

— Сдѣлайте милость, Бога ради, прошу васъ, не говорите подобныхъ ужасныхъ вещей! перебила мать, начавшая уже выходить изъ терпѣнія.

Но Мамилова продолжала:

— Я говорю что чувствую; выслушайте меня и взгляните на предметъ какъ онъ есть. Я знаю: вы любите вашу Мари, вы обожаете ее,— не такъ-ли? но какъ же вы устроиваете ея счастіе, ея будущность? Хорошо, покуда вы живы: я ни слова не говорю — все пойдетъ прекрасно, но если, чего не дай Богъ слышать! съ вами что нибудь

случится,— что тогда будетъ съ этими бѣдными сиротами и особенно съ бѣдною Мари, которая еще въ такихъ лѣтахъ, что даже не можетъ правильно управлять своими поступками.

— Я опять вамъ скажу, Варвара Александровна, что я не понимаю, къ чему вы все это говорите, возразила Катерина Архиповна. Мнѣ пророчите смерть, дочь мою, говорите, я сведу въ могилу, и Богъ знаетъ что такое! Я мать, и если отказала какому нибудь жениху,—то имѣю на это свои причины.

— Мнѣ извѣстны эти причины, сказала гостья. У васъ въ виду другой женихъ: старый, толстый, богатый. Но что такое значитъ богатство? что такое деньги? Это ядъ, который отравляетъ жизнь женщины. Не губите, Катерина Архиповна, вашей дочери, не продавайте ее за деньги, если не хотите отравить ея жизнь.

Катерина Архиповна потеряла уже всякое терпѣніе и готова была выдти изъ границъ приличія, въ которыхъ старалась себя держать, какъ хозяйка дома.

— Я не продавала и не продамъ моей дочери, Варвара Александровна, и не хочу ее губить. Для васъ, кажется, наши семейныя дѣла должны бы быть постороннія, и потому прошу васъ прекратите этотъ, непріятной для меня, разговоръ.

— Извольте, если онъ вамъ непріятенъ, я прекращу; но все-таки скажу, что дочь ваша любитъ Хозарова.

— А я вамъ скажу, что она его не любитъ, потому что получила не такое романическое и ученое воспитаніе. Нельзя же, Варвара Александровна, по себѣ судить о другихъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, Катерина Архиповна, что вы, бывъ такой страстной матерью, не умѣли отъ вашей дочери заслужить довѣрія.

— Я двадцать пятой годъ, какъ мать, и мать троихъ дочерей. Вы, я полагаю, не можете и судить объ этихъ чувствахъ, потому что никогда не имѣли дѣтей.

— Не смѣю и равняться съ вами въ этомъ отношеніи, и сказала только изъ желанія счастія Мари.

— Никто, конечно, какъ мать, не пожелаетъ болѣе счастья дочери.

— И съ этимъ я вполнѣ согласна, что онѣ желаютъ, но всегда ли умѣютъ устроить это счастіе дѣтей. Впрочемъ я, дѣйствительно, можетъ быть, дурно поступаю, что вмѣшалась въ совершенно постороннее для меня дѣло.

— Оно конечно, Варвара Александровна, вамъ будетъ гораздо лучше, предоставить мнѣ самой знать мои дѣла.

— Совершенно согласна и прошу у васъ извиненія, сказала опять насмѣшливымъ голосомъ Варвара Александровна.

— И меня тоже извините, отвѣчала хозяйка, и я, какъ мать, можетъ быть, сказала вамъ что нибудь лишнее.

Здѣсь разговоръ двухъ дамъ прекратился. Варвара Александровна изъ приличія просидѣла нѣсколько минутъ у Ступицыныхъ, и потомъ уѣхала, давъ себѣ слово не переступать впередъ даже порога въ этотъ необразованный домъ. Вечеромъ къ ней явился Хозаровъ; онъ былъ счастливъ и несчастливъ: онъ получилъ съ торговкою

отъ Мари отвѣтъ — короткій, но исполненный отчаянія и любви.

«Я васъ буду любить всю жизнь, писала она; мамашѣ какъ угодно; я не пойду за этого гадкаго Рожнова. Васъ, ни за что въ свѣтѣ, не забуду, стану писать къ вамъ часто, и вы тоже пишите. Я сегодня цѣлый день плачу, и завтра тоже буду плакать, и ничего не буду ѣсть. Пускай мамаша посмотритъ что она со мной дѣлаетъ.»

— Не правда ли, сказалъ Хозаровъ, прочитавъ это письмо Варварѣ Александровнѣ: по видимому это письмо небольшое, но какъ въ немъ много сказано!

— Тутъ неподдѣльный языкъ природы и наивность сердца, отвѣчала та; впрочемъ, продолжала она, вамъ все-таки надобно отказаться отъ вашей страсти, потому что это такое дикое, такое необразованное семейство! Я даже не воображала никогда, чтобы въ наше время могли существовать люди съ такими ужасными понятіями.

— Все семейство никуда не годится; но Мари между ними исключеніе: она не похожа ни на кого изъ нихъ.

— Это правда, отецъ еще ничего — очень глупъ и собою уродъ, сестры тоже ужасныя провинціалки и очень глупы и гадки, но мать, — эта Архиповна, я не знаю съ чѣмъ ее сравнить! И какъ въ то же время дерзка: даже мнѣ наговорила колкостей; конечно, надъ всѣмъ этимъ я смѣюсь въ душѣ, но во всякомъ случаѣ знакома уже больше не буду съ ними.

— Но что же я долженъ предпринять? возразилъ Хозаровъ.

*

— Не знаю. Entre nous soit dit, вамъ, остается одно — увезти.

— Увезти! да, это правда!

— Непремѣнно увезти, подхватила Мамилова, вы даже обязаны это молоденькое существо вырвать изъ душной атмосферы, которая теперь ее окружаетъ, и въ которой она можетъ задохнуться; и знаете ли, какъ вамъ обоимъ будетъ отрадно вспомнить впослѣдствіи этотъ смѣлый вашъ шагъ.

— Знаю, Варварва Александровна, очень хорошо знаю; но теперь еще покуда есть препятствіе для этого.

— Для любви не можетъ быть препятствія, не можетъ быть препонъ; ну, скажите мнѣ, въ чемъ вы видите препятствіе?

— Препятствіе въ томъ отношеніи, что если жена моя послѣ будетъ чувствовать раскаяніе, будетъ укорять меня.

— Никогда! парирую моею жизнію, никогда. Женщины раскаиваются только въ тѣхъ бракахъ, въ которые они вступаютъ по разсчету, а не по любви. Въ чемъ ваша Мари будетъ чувствовать раскаяніе?

— Конечно...

— Нѣтъ, вы скажите, въ чемъ и почему именно она будетъ раскаяваться?

Герой мой не нашелъ что отвѣчать на этотъ вопросъ. Говоря о препятствіи, онъ имѣлъ въ виду весьма существенное препятствіе, а именно: рѣшительное отсутствіе въ карманѣ презрѣннаго металла, столь необходимаго для всѣхъ романическихъ предпріятій, но, не желая покуда открыть этого Варварѣ Александровнѣ, свернулъ на какое-то раскаяніе, которого, какъ и самъ онъ былъ

убѣжденъ, не могла бы чувствовать ни одна въ мірѣ женщина, удостоившаяся счастія сдѣлаться его женою.

Пріѣхавъ домой, Хозаровъ имѣлъ съ Татьяной Ивановной серьёзный разговоръ и именно въ отношеніи этого предмета, то есть, какимъ бы образомъ достать подъ вексель презрѣннаго металла. Сообразительная Татьяна Ивановна первоначально стала въ тупикъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула она потомъ, голосомъ, исполненнымъ радости и самой тонкой и далекой прозорливости. Ахъ, Боже мой! повторила она, совсѣмъ изъ головы вонъ, нельзя ли напасть на Ѳерапонта Григорьича; ихъ человѣкъ мнѣ сказывалъ, что они отдаютъ капиталъ въ вѣрныя руки.

— Но дастъ ли онъ? замѣтилъ недовѣрчиво Хозаровъ.

— Да отчего бы, какъ я по себѣ сужу, не дать? Вы вѣроятно, какъ женитесь, такъ не возьмете на свою совѣсть.

— Конечно, но знаете, онъ, какъ я могъ замѣтить, долженъ быть ужасный провинціалъ; пожалуй потребуетъ залога, а гдѣ его вдругъ возьмемъ? У меня есть и чистое имѣнье, да въ недѣлю его не заложишь.

— Это, пожалуй, можетъ случиться, замѣтила Татьяна Ивановна; нынче въ этакихъ случаяхъ ужасно стало дурно: прежде, когда я жила въ графскомъ домѣ, я въ одинъ день достала, у одной моей знакомой, десять тысячъ, а нынче десяти рублей напросишься. Но что за дѣло, — попробуйте!

— Именно попробую, и попробую сейчасъ же, сказалъ Хозаровъ, вставая.

— Что-жь? можно и сейчасъ, подтвердила Татьяна Ивановна, онъ дома; только чай еще началъ пить.

Герой мой, довольно опытный въ дѣлѣ заниманія денегъ, рѣшился дѣйствительно тотчасъ же приступить къ этому дѣлу. Съ этою цѣлію, одѣвшись сколь возможно франтоватѣе, онъ, нимало немедля, отправился къ старому милашкѣ Татьяны Ивановны и засталъ того за самоваромъ.

— Честь имѣю представиться, сказалъ, входя, Хозаровъ.

— А!... наше вамъ почтеніе, отвѣчалъ Ѳерапонтъ Григорьичь,

— Я давно желалъ имѣть честь быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ почтеніе, но, знаете, столица... удовольствія... дѣла... По-крайней-мѣрѣ теперь, если я буду не въ тягость...

— Помилуйте-съ... ничего... прошу покорно садиться... не угодно ли чаю?

— Благодарю, — я пилъ. Какъ вы проводите время?

— По немногу. Вы, кажется, К...й помѣщикъ?

— Точно такъ, т. е. имѣніе мое тамъ, но самъ я живу рѣдко.

— Большое ваше имѣніе?

— Нельзя сказать, что большое, пять сотъ душъ.

— А... однако, пять сотъ душъ. А здѣсь вы изволите по какимъ причинамъ проживать?

— Какъ вамъ сказать? я живу теперь здѣсь по причинамъ, если можно такъ выразиться, сердечнымъ: я женюсь!

— Въ бракъ изволите вступать? А... доброе дѣло: нашего полка прибудетъ. Я самъ также женатый человѣкъ; пятнадцать лѣтъ живу семьяниномъ.

Въ дальнѣйшемъ за тѣмъ разговорѣ Хозаровъ видимо старался поддѣлаться подъ тонъ помѣщика. Онъ разспросилъ его подробно о его семействѣ и самъ о своемъ тоже разсказалъ довольно подробно; переговорили и объ охотѣ, и о лошадяхъ, и о какомъ-то общемъ знакомомъ Вондюшинѣ, который, по мнѣнію обоихъ собесѣдниковъ, былъ прекрасный человѣкъ для общества, но очень дурной для себя. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ Хозаровъ объ этомъ прекрасномъ для общества человѣкѣ, сей послѣдній былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что для пропитанія своего, игралъ на гитарѣ и плясалъ по трактирамъ.

Герой мой замѣтно началъ нравиться Ѳерапонту Григорьичу своими интересными разговорами.

— Я къ вамъ имѣлъ бы одну маленькую просьбу, началъ довольно смѣло Хозаровъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Въ чемъ могу служить? спросилъ помѣщикъ.

— Вы, кажется, имѣете свободныя деньги?

— То есть, какъ деньги? спросилъ удивленный Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— По случаю женитьбы, я имѣю надобность въ деньгахъ; не можете ли вы мнѣ ссудить тысячи три на ассигнаціи? проговорилъ Хозаровъ опять довольно смѣло, устремивъ на сосѣда испытующій взоръ, такъ что тотъ потупился.

— Съ большимъ бы удовольствіемъ, но я не

имѣю денегъ, отвѣчалъ, придя нѣсколько въ себя, Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— Можетъ быть, вы сомнѣваетесь, началъ снова Хозаровъ; такъ какъ я еще имѣю честь такъ мало времени пользоваться вашимъ знакомствомъ, но я могу представить вамъ поруку.

— Нѣтъ-съ... помилуйте, вовсе не потому; но я вовсе не имѣю денегъ, и даже самъ-бы у васъ съ большимъ удовольствіемъ занялъ.

— Но это, сами согласитесь, Ѳерапонтъ Григорьичъ, пустяшная сумма, я могу вамъ представить благонадежную поруку и дать хорошіе проценты.

— Помилуйте-съ... я не понимаю къ чему вы такъ безпокоитесь; честію моей завѣряю, что я не имѣю денегъ.

— Но какъ же мнѣ говорили?

— Вѣроятно съ вами пошутили!

— Какъ же пошутили: подобными вещами не шутятъ.

— Нѣтъ-съ, иногда шутятъ, мало ли есть проказниковъ. Да не хозяйка-ли вамъ наврала! она ужасная врунья... Не прикажете ли трубки?

— Благодарю... я курилъ, позвольте вамъ пожелать покойной ночи.

— Уже?

— Спать пора.

— Не смѣю удерживать, благодарю за посѣщеніе; завтрашній день постараюсь быть у васъ.

— Весьма много обяжете. До пріятнаго свиданія.

— И съ моей стороны также, проговорилъ помѣщикъ, раскланиваясь.

— Этакой, подумаешь, московскій франтъ, сказалъ онъ самъ съ собой, по уходѣ Хозарава. Ви-

дишь на какихъ колесахъ подъѣхалъ: дай ему, чу, денегъ — пустяшную сумму три тысячи рублей, а самому, я думаю, перекусить нечего. Ну — Москва!... этакой здѣсь отчаянный народъ... приломилъ къ совершенно незнакомому человѣку и на горло наступаетъ: дай ему денегъ въ заемъ; поручителя, говоритъ, представляю; хорошъ долженъ быть поручитель; какой-нибудь франтъ безъ штановъ! ай да Москва! нечего сказать — бьетъ съ носка!... Удивительно, какой здѣсь смѣлый живетъ народъ!

— Это такой скотина вашъ Ѳерапонтъ Григорьичь, сказалъ Хозаровъ, входя къ Татьянѣ Ивановнѣ, что уму невообразимо! Какой онъ дворянинъ... онъ, чертъ его знаетъ что такое! Какой-то кулакъ... выжима. Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣчалъ? Въ подобныхъ вещахъ порядочные люди, если и не желаютъ дать, то отговариваются какъ нибудь поделикатнѣе; говорятъ обыкновенно, позвольте подумать... я скажу вамъ дня чрезъ два, и тому подобное, а этотъ медвѣдь, съ перваго слова заладилъ: нѣтъ денегъ, да и только.

— Скажите, какой странный человѣкъ, сказала Татьяна Ивановна; я и прежде замѣчала, долженъ быть скупецъ, и скупецъ жадный.

— Онъ мало, что скупецъ, онъ человѣкъ нетерпимый въ обществѣ. Мнѣ очень жаль, что я ходилъ къ нему, а все по милости вашей.

— Да вѣдь я, Сергѣй Петровичъ, этого не думала, что онъ такъ поступитъ. Я навѣрное думала, что онъ дастъ; къ нему какъ пристанешь, такъ онъ даетъ. Хорошо ли вы просили? надобно съ нимъ говорить поубѣдительнѣе.

— Вотъ прекрасно! обыкновенно, какъ берутъ деньги въ заемъ: не въ ноги же ему кланяться,

мнѣ еще не до зарѣзу пришло; я найду денегъ; завтрашній же день возьму на какіе нибудь мѣсяцы у Мамиловой.

— Чего же вамъ лучше... и прекрасно! сказала Татьяна Ивановна. Давно бы вамъ это придумать.

— Конечно такъ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо благороднѣе; онѣ какъ-то деликатнѣе, лучше понимаютъ эти вещи, а ужь про Barbe Мамилову и говорить нечего: это какой-то феноменъ-женщина, и по сердцу и по уму — совершенный феноменъ.

Хозаровъ еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ Татьяной Ивановной, и между ними положено было подождать нѣсколько времени; къ Мари написать завтрашній день записку; а, между тѣмъ, во всевозможнымъ мѣстахъ стараться занять денегъ.

Въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ двухъ дней, Марья Антоновна сдержала свое обѣщаніе, то есть: плакала, лежала въ постелѣ и ничего не ѣла. До сихъ поръ я еще ничего, съ своей стороны, не говорилъ о героинѣ моего романа, и не говорилъ, долженъ признаться, потому, что ничего не могу рѣзкаго и опредѣлительнаго сказать о ней. Что можно сказать о характерѣ женщины, которая не совсѣмъ еще сформировалась? А Мари, дѣйствительно, была ребенокъ, и весьма многого не понимала. Учившись въ пансіонѣ, напримѣръ, она рѣшительно не понимала, ни второй части ариѳметики, ни грамматики, и даже не понимала что это такое за науки, и для чего ихъ учатъ. Бывши разъ въ театрѣ, она съ удивленіемъ смотрѣла на даму, сидѣвшую въ сосѣдней ложѣ, которая обливалась горькими слезами, глядя на покой-

наго Мочалова въ Гамлетѣ. Простодушная Мари ничего тутъ не понимала и ей было даже скучно до тѣхъ поръ, пока въ послѣднемъ актѣ не начали биться на рапирахъ: тогда ей сдѣлалось страшно. Въ музыкѣ, Мари, тоже не совсѣмъ все понимала и любила больше обращать вниманія на веньетки и рисунки, которыми обыкновенно украшаются нотныя обертки. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы вполнѣ можемъ согласиться съ Катериной Архиповной, что Мари еще развивалась, и покуда была совершенный ребенокъ. Противъ одного только я протестую, что будто-бы молодая дѣвушка не имѣла никакого кокетства, до сихъ поръ не знаетъ что такое любовь и боится одной мысли выдти, за кого бы-то ни было, замужъ. Во-первыхъ, она имѣла кокетство, потому что еще съ двѣнадцати лѣтъ очень любила вертѣться передъ зеркаломъ и умѣла весьма лукаво потуплять глаза, когда въ танцъ-классъ привозили какого нибудь Васиньку или Ваничку, не по днямъ, а по часамъ выростающихъ изъ сшиваемыхъ имъ курточекъ. Въ настоящее время она очень любила читать романы и весьма ясно понимала любовь; еще года два тому назадъ она была влюблена въ учителя исторіи, котораго, впрочемъ, обожалъ весь классъ, но Мари исключительно. Во всю бытность въ пансіонѣ она постоянно рисовала голову Париса, на которую походилъ обожаемый учитель. Къ Хозарову она чувствовала страсть, и только о томъ и помышляла, какъ бы выдти за него замужъ. Узнавъ, что Катерина Архиповна отказала ему, она очень разсердилась на мать и дала себѣ слово, во чтобы ни стало, заставить старуху перемѣнить свое намѣреніе. Впрочемъ Ма-

ри была, право, добраго характера; она умѣренно пользовалась исключительною любовію матери, не весьма часто капризничала, сестеръ своихъ она не ненавидѣла, какъ ненавидѣли тѣ ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно любила кошекъ. Но обратимся къ моему разсказу. Я уже прежде сказалъ, что идолъ другіе сутки ничего не ѣлъ. Страстная мать была какъ съумасшедшая: она рѣшительно не знала что ей дѣлать и что предпринять. Старуха очень хорошо догадывалась, что бѣдное дитя сердится на нее за то, что она отказала Хозарову, но ей — матери-другу ничего не говоритъ. Горько и обидно было ея материнскому сердцу; цѣлыя ночи она проплакивала и промаливалась, а по днямъ всѣ свои огорченія принималась вымѣщать на старшихъ дочеряхъ, а главное — на Антонѣ Ѳедотычѣ. Пашетъ и Анетъ начинали тоже приходить въ отчаяніе, и проплакавъ, послѣ маменькиной натаціи, цѣлое утро, онѣ принимались потихоньку въ своей комнатѣ ругать маменьку, папеньку и по преимуществу чертенка Машетъ, изъявляя общее желаніе, чтобы она поскорѣе или замужъ выходила, или умирала. Антону Ѳедотычу просто житья не было: мало того, что ему строжайшимъ образомъ было запрещено курить трубку, на томъ основаніи, что будто бы табачный дымъ проходитъ наверхъ къ идолу и безпокоитъ его; мало того, что Катерина Архиповна всей семьѣ, вмѣсто обѣда, предоставила одну только три дня тому назадъ жареную говядину — этого мало: у Антона Ѳедотыча былъ отобранъ даже матрасъ и положенъ подъ перину Машетъ; про выговоры и говорить нечего; его бранили за все, и за то, что онъ говоритъ громко и каблуками стучитъ, и да-

же за какое-то безсмысленное выраженіе лица, совершенно неприличное для отца, у котораго такъ больна дочь. Все это Антонъ Ѳедотычъ переносилъ первоначально со свойственнымъ ему терпѣніемъ, и даже, стараясь принять участіе въ семейныхъ хлопотахъ, самъ бѣгалъ, по нѣскольку разъ въ день, въ аптеку, но, наконецъ, не выдержалъ и, махнувъ рукой, куда-то отправился на цѣлый день. Катерина Архиповна, въ самомъ дѣлѣ, была не похожа сама на себя: она даже наговорила дерзостей добряку Рожнову, когда тотъ началъ было ее утѣшать и успокоивать. Она прямо ему сказала, что онъ никогда не былъ матерью, и потому не можетъ понимать ея горя, и что если онъ и любитъ Мари, то любитъ ее какъ мужчина.— Рожновъ замолчалъ и скоро уѣхалъ. Такимъ образомъ страстная мать была оставлена всѣми. На третій день поутру, она, наконецъ, рѣшилась объясниться съ дочерью и узнать что такое съ нею. Въ переводѣ это значило: узнать чего хочется идолу и исполнить по ея желанію.— Что дѣлать? Такова ужь натура всѣхъ страстныхъ матерей!

— Что, душа моя, лучше ли тебѣ? сказала Катерина Архиповна, тихонько входя въ комнату больной и садясь на ближайшій стулъ.

— Не знаю, отвѣчалъ идолъ, повернувъ голову въ подушку.

— Ты бы покушала чего нибудь, а то желудокъ ослабнетъ, повторила мать.

— Не хочу-съ.

— Но, другъ мой! что такое съ тобою, — позволь мнѣ послать за докторомъ.

— Не хочу-съ.

— Но... другъ мой!

— Не хочу-съ... пожалуй посылайте! я ничего не буду принимать и только еще буду плакать больше.

— Но за что же ты, Машенька, на меня сердишься, что же я тебѣ, другъ мой, сдѣлала? сказала мать почти сквозь слезы.

— Я не сержусь.

— Нѣтъ, ты сердишься — я вижу: если ты что нибудь чувствуешь, такъ кому же ты можешь сказать, какъ не матери: ты вспомни, мой другъ, когда я тебѣ въ чемъ отказывала. Мнѣ горько, Машенька, что ты такъ перемѣнилась ко мнѣ. — Другъ мой, что такое съ тобою? проговорила Катерина Архиповна, уже совершенно въ слезахъ и, взявъ руку дочери, поцѣловала ее.

Мари тоже поцѣловала руку матери, но не говорила ни слова. На глазахъ ея опять показались слезы.

— Ну, полно, другъ мой, Бога ради, не плачь, а то, пожалуй, опять начнется истерика,— я сдѣлаю, какъ хочешь, ты только скажи. Развѣ онъ тебѣ очень нравится?

— Да, мамаша.

— Но отъ кого ты узнала, что онъ сватался?

— Онъ мнѣ самъ сказалъ.

— Гдѣ же онъ тебѣ сказалъ?

— Не помню гдѣ.

— Ты выслушай меня, другъ мой, но только не плачь,— это я говорю не серьезно, а такъ: — онъ совершенно неизвѣстный человѣкъ; можетъ быть, онъ какой-нибудь развратный... мотъ... можетъ быть, даже тебя обманываетъ?

— Нѣтъ, извините, мамаша, онъ меня любитъ.

— Развѣ онъ тебѣ говорилъ?

— Говорилъ.

— Гдѣ же?

— Не помню гдѣ.

Старуха задумалась.

— Вы ему напишите, мамаша, записочку, чтобы онъ пріѣхалъ сегодня; а то онъ очень разсердится... Пожалуй, не будетъ къ намъ и ѣздить.

— Но, другъ мой, къ чему это поведетъ: неужели ты хочешь выдти за него замужъ?

— Непремѣнно за него, мамаша! Кромѣ его, ни за кого не пойду.

— А Иванъ Борисычъ, Машенька?... за что ты этого человѣка хочешь лишиться? Онъ очень добрый и благородный человѣкъ... тысяча душъ, другъ мой... ты будешь счастлива съ нимъ,— тебѣ и теперь уже всѣ завидуютъ.

— А вы что мнѣ, мамаша, обѣщали, чтобы никогда не говорить про этого гадкаго человѣка: я опять плакать начну.

— Ну, ну! я замолчу, не стану говорить, только ты встань, другъ мой, и покушай...

— Нѣтъ, мамаша, не хочу.

— Но если я напишу ему записочку и буду звать къ себѣ,— встанешь?

— Встану.

Старуха вздохнула, и глубоко вздохнула: всѣ надежды ея рушились. Долѣе уже не въ состояніи была она продолжать разговора съ дочерью, и прійдя въ свою комнату, зарыдала и почти безъ чувствъ упала на голыя доски кровати Антона Ѳедотыча. Живое и ясное предчувствіе говорило ей, что въ этомъ бракѣ ея идолу угрожаетъ погибель, и что она сама отрываетъ дочь свою отъ счастія, которое суждено бы ей было въ

бракѣ съ Рожновымъ, и сама отдаетъ ее какому-то пустому щеголю, и отдаетъ, можетъ быть, на бѣдность, на нелюбовь и тому подобное. Велико ли состояніе Мари? Всего сто душъ послѣ бабки, да тысячь десять деньгами: десять тысячь, накопленныя ея бережливостію. Изъ имѣнія идола, дѣйствительно, какъ говорилъ Ступицынъ, не издерживала Катерина Архиповна ни копѣйки. Отказывая во всемъ себѣ, Антону Ѳедотычу и двумъ старшимъ дочерямъ, страстная мать изъ своихъ малыхъ средствъ воспитывала Машеньку въ пансіонѣ, одѣвала ее гораздо лучше прочихъ и даже исполняла ея пустыя прихоти, но за кого теперь она принуждена выдать свою любимицу — что это за человѣкъ? Вотъ что занимало теперь старуху послѣ разговора ея съ дочерью: остаться въ прежнемъ намѣреніи, то есть, отказать Хозарову, она уже не имѣла силъ, она уже не въ состояніи была видѣть, какъ Машенька плачетъ, страдаетъ и ничего не ѣстъ. Но отъ кого бы, по-крайней-мѣрѣ, узнать поподробнѣе о женихѣ? Поручить Антону Ѳедотычу, но онъ не умѣетъ, да и налжетъ. Долго старуха думала, и наконецъ рѣшилась обратиться къ Рожнову. Она и въ этомъ случаѣ разсчитывала на великодушіе отверженнаго искателя и полагала, что его можно будетъ упросить, съѣздить и разъузнать о счастливомъ соперникѣ. Съ этою цѣлію она сама поѣхала къ толстяку и застала его, по обыкновенію, лежащимъ на диванѣ и читающимъ книгу.

— А! сердитая маменька, сказалъ тотъ, приподнимаясь: какими судьбами?

— Я къ вамъ съ просьбой.

— Слушаю-съ.

— Вы такъ любите наше семейство, я такъ обязана много вами, что даже не въ состояніи, кажется, и отблагодарить васъ, и надѣюсь, что вы не откажете въ моей просьбѣ.

— У васъ нѣтъ денегъ? сказалъ толстякъ.

— Ахъ, нѣтъ, но у меня Маша очень страдаетъ.

— Ваша Маша не страдаетъ, а сентиментальничаетъ; — страдаете тутъ вы... ну-съ, что же вамъ угодно?

— Я къ вамъ съ просьбою.

— Это я слышалъ.

— Она любитъ его.

— То есть: она влюблена въ него, и это я знаю.

— Что мнѣ дѣлать?

— Выдать ее за того, въ кого она влюблена.

— Пожалуйста, не говорите такъ.

— Какъ же мнѣ говорить?

— Вы говорите очень насмѣшливо.

— Прикажете плакать?

— Ахъ, нѣтъ... что вы это говорите: мнѣ хотѣлось бы узнать что это за человѣкъ?

— Зачѣмъ же вамъ это знать?

— Что это вы говорите, Иванъ Борисычъ, зачѣмъ мнѣ знать? я мать!

— Послушайте, Катерина Архиповна, въ подобныхъ вещахъ нужно выбирать два полюса: или рѣшительно не выдавать дочь, если это не выгодно по вашимъ понятіямъ, или выдавать безъ всякого размышленія, а такъ, потому только, что дочкѣ этого желается.

— Но мнѣ хочется узнать что это за человѣкъ. Узнайте, Иванъ Борисычъ, и скажите, я вамъ вѣрю.

— Премного благодаренъ за ваше довѣріе; только я не поѣду узнавать.

— Но какъ же я узнаю?

— Это ужь ваше дѣло.

— Вы сердитесь, Иванъ Борисычъ, но чѣмъ же я-то виновата?

— И я не сержусь,— и вы не виноваты, отвѣчалъ онъ, но только не поѣду.

— Иванъ Борисычъ!

— Не поѣду-съ.

У старухи покатились сначала слезы, потомъ она начала даже рыдать.

— О чемъ же вы плачете? спросилъ толстякъ.

— Всѣ меня оставили; никто не хочетъ мнѣ помочь, говорила она, никто не хочетъ даже узнать что это за человѣкъ?

— Да зачѣмъ же вамъ?

— Какъ зачѣмъ!...

— Ну, а если я вамъ скажу, что онъ мерзавецъ.

— Какъ же это мерзавецъ?

— Да такъ, какъ обыкновенно бываютъ мерзавцы.

— Какъ вы это такъ говорите, въ такомъ дѣлѣ, Иванъ Борисычъ; это, я думаю, на всю жизнь.

— Ну, не вѣрите и прекрасно; вы оставайтесь при своемъ убѣжденіи, а я при своемъ.

Катерина Архиповна больше не возражала: она догадалась, что Рожновъ не могъ быть безпристрастнымъ исполнителемъ ея порученія, и потому тотчасъ же отправилась домой.

Толстякъ, оставшись одинъ, нѣсколько времени ходилъ, задумавшись, взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Григорій! закричалъ онъ.

Явился лакей.

— Вели сбираться.

— Куда-съ? спросилъ тотъ.

— Въ деревню.

— Вотъ тебѣ на... да зачѣмъ-съ?

— А тебѣ зачѣмъ знать, дуралей! вскрикнулъ, сверхъ обыкновенія, разсердившійся баринъ.

— Извѣстное дѣло что мнѣ; да коляска-то еще у кузнеца.

— Я дамъ вамъ у кузнеца, остолопы! чтобъ сегодня же у меня было все готово.

— Да что вы на меня кричите: спрашивайте съ кучеровъ; мнѣ что? — мое дѣло сѣсть, да поѣхать.

— Ну, не разсуждать. Пошелъ... собирайтесь.

Слуга впрочемъ не пошелъ собираться, а надѣвъ шапку и позвавъ другого лакея, отправились вмѣстѣ въ трактиръ.

Впрочемъ, какъ прислуга ни лѣниво сбиралась, какъ ни представляла барину тысячу препятствій, но на другой день въ одной изъ московскихъ заставъ былъ записанъ выѣхавшимъ: Надворный Совѣтникъ Рожновъ въ К...

VI.

На другой же день послѣ описанной въ предъидущей главѣ сцены, Катерина Архиповна, наконецъ, рѣшилась послать мужа къ Хозарову съ тѣмъ, чтобы онъ первоначально осмотрѣлъ хорошенько, какъ молодой человѣкъ живетъ и, поразузнавъ стороною о его чинѣ и состояніи, передалъ бы ему отъ нея письмо. Страстная мать уже окончательно не въ состояніи была бороться съ желаніемъ дочери, тѣмъ болѣе, что Мари все еще ничего не ѣла и лежала въ постелѣ. Посланіе Ка-

терины Архиповны, если не высказывало полнаго согласія на предложеніе моего героя, то въ тоже время было совершенно написано въ другомъ духѣ, чѣмъ прежнее ея письмо,—это была ласковая пригласительная записка пріѣхать и переговорить объ интересномъ и важномъ дѣлѣ. Цѣлый день былъ употребленъ на отысканіе Антона Ѳедотыча, скрывавшагося гдѣ-то отъ семейныхъ непріятностей; наконецъ, онъ былъ найденъ у трехъ офицеровъ, жившихъ на одной квартирѣ. Первоначально онъ, какъ водится, получилъ достодолжный выговоръ за свое, ни съ чѣмъ не сообразное поведеніе, а потомъ уже ему было объявлено и самое порученіе, которому Антонъ Ѳедотычъ, съ своей стороны, очень обрадовался. Пояснивъ супругѣ, что онъ все очень хорошо понялъ, и потому прекрасно обдѣлаетъ это дѣло, тотчасъ же отправился къ Хозарову, и даже отправился, сверхъ ожиданія, по распоряженію Катерины Архиповны, на извощикѣ.

Въ этотъ же самый день, часу въ четвертомъ по полудни, Хозаровъ вбѣжалъ такъ нечаянно и такъ быстро въ нумеръ Татьяны Ивановны, что она, лежавъ въ это время на своей кровати и начавъ уже не много засыпать послѣ-обѣденнымъ сномъ, даже испугалась и вскрикнула.

— Что это, почтеннѣйшая, вы изволите такъ бездѣйствовать, тогда какъ я обдѣлываю великія дѣла! вскрикнулъ онъ, стаскивая хозяйку за руку съ постели. Онъ былъ, видно, въ весьма хорошемъ расположеніи духа и, какъ кажется, немного на-веселѣ.

— Постойте, проказникъ, дайте поправиться.

Ахъ! какой, вы шалунъ! ну, что такое тамъ у васъ случилось?

— Случился случай случайнѣйшій. Во-первыхъ: voyez vous, madame! сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана футляръ и раскрывъ его передъ глазами Татьяны Ивановны.

— Ахъ, какіе прекрасные брилліянты. Батюшка, ай, батюшка, посмотрите, средній-то съ орѣхъ... Какія отличнѣйшія вещи! гдѣ это вы взяли, купили что ли?

— Это еще не все, мадамъ; я вамъ сказалъ прежде во-первыхъ, но теперь во-вторыхъ: voyez! и онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, въ которомъ было положено съ тысячу рублей ассигнаціями.

— Да что вы, проказникъ этакой, кладъ что-ли нашли?

— Погодите, погодите, терпѣніе, мадамъ, это еще не все: regardez! И онъ сдернулъ перчатку съ руки, на большомъ пальцѣ которой красовался богатый перстень.

— Ахъ, какой отличный солитеръ! батюшка, Сергѣй Петровичъ, да гдѣ вы всѣ эти богатства пріобрѣли?

— Ужь конечно не у вашего скота, Ѳерапонта Григорьича, позаимствовался. Всѣмъ этимъ богатствомъ, что видите, наградила меня занмообразно моя милая фея, моя безцѣнная Barbe Мамилова.

— Варвара Александровна? скажите, какая превосходнѣйшая женщина!

— Да-съ, найдите-ка другую въ нашемъ свѣтѣ! Съ перваго слова, что только заикнулся о нуждѣ въ трехъ тысячахъ, такъ даже сконфузилась, что нѣтъ у ней столько наличныхъ денегъ; принесла

свою шкатулку и отперла. «Берите, говоритъ, сколько тутъ есть.» Вотъ такъ женщина! вотъ такъ душа! истинно будешь благоговѣть передъ ней, потому что она, кажется, — то существо, о которомъ именно можно сказать словами Пушкина: «*въ ней все гармонія, все диво, все выше міра и страстей.*»

— Ну, я думаю, и вещи тоже цѣнныя? сказала Татьяна Ивановна; ахъ, какая прелестная работа... продолжала она, съ любопытствомъ разсматривая баулъ.

— Да-съ, я вамъ скажу — что для этой женщины нѣтъ словъ на языкѣ, чтобы выразить всѣ ея добродѣтели: мало того, что отсчитала чистыми деньгами тысячу рублей; я бы, безъ сомнѣнія, и этимъ удовлетворился, и это было бы для меня величайшее одолженіе, такъ нѣтъ, этого мало: принесла еще вещи и говоритъ: «возьмите и достаньте себѣ денегъ подъ нихъ; это, я полагаю, говоритъ, самое лучшее употребленіе, какое только можетъ женщина сдѣлать изъ своего украшенія.» А?... какъ вамъ покажется? сколько въ этихъ словахъ благородства, великодушія? Я, разумѣется, намѣренъ ей отплатить тѣмъ же, и потому тотчасъ же поѣхалъ къ маклеру и написалъ ей въ три тысячи вексель; такъ, даже, и этого не хотѣла взять. Я убѣдилъ ее только тѣмъ, что я человѣкъ, и человѣкъ смертный, могу умереть, и потому за ея великодушіе не хочу на тотъ свѣтъ унести черной неблагодарности. Вотъ какова эта женщина, Татьяна Ивановна!

— Прекрасная должна быть дама! Вотъ, какъ я, по всѣмъ словамъ вашимъ, вижу, такъ, должно быть, предобрѣйшее она имѣетъ сердце!

— И говорить нечего, она выше всякихъ словъ. Но постойте, я никогда и нигдѣ не позволялъ себѣ забывать людей, сдѣлавшихъ мнѣ какое-либо одолженіе: сегодняшнее же первое мое дѣло будетъ, хоть часть, заплатить моей Татьянѣ Ивановнѣ, и потому не угодно ли вамъ взять покуда полтораста рублей! сказалъ Хозаровъ. Примите, почтеннѣйшая, съ моею искреннею благодарностью, продолжалъ онъ, подавая хозяйкѣ пачку ассигнацій, и за тѣмъ первоначально сжалъ ея руку, а потомъ поцѣловалъ въ щеку.

— Что это, безстыдникъ какой, какъ это вамъ не совѣстно?.. сказала, сконфузившись, но съ яв-нымъ удовольствіемъ, дѣвица Замшева: да постойте еще, повѣса этакой, расплачиваться, дайте прежде сосчитаться.

— Безъ счетовъ, почтеннѣйшая! воскликнулъ Хозаровъ, сегодня для меня такой веселый и торжественный день, что я рѣшительно не могу вести никакого рода счетовъ. Будемъ жить и веселиться, не надолго жизнь дана! произнесъ онъ и вскочивъ, схватилъ Татьяну Ивановну и началъ съ нею вальсировать по комнатамъ.

— Перестаньте, проказникъ этакой! Ай, батюшки, завертѣли... посмотрите, гребенка выпала, говорила сорокалѣтняя дѣвица, дѣлая быстрые туры съ ловкимъ танцоромъ.

— C'est assez, M-me, merci, grand merci, сказалъ Хозаровъ, останавливая и сажая даму на стулъ.

Походя по комнатѣ, онъ остановился передъ хозяйкой.

— Мнѣ пришла въ голову прекрасная идея

сказалъ онъ; я хочу вашимъ постояльцамъ дать маленькую вечеринку.

— Ой, Сергѣй Петровичъ, не совѣтовала бы я вамъ, возразила Татьяна Ивановна; народъ-то, знаете, такой, все пустой, не вашего сорта люди; да и зачѣмъ вамъ?

— Нѣтъ, очень есть зачѣмъ; у меня тутъ есть особые виды. Вотъ, напримѣръ, если я вздумаю увезти Мари, а это очень можетъ случиться, въ такомъ случаѣ эти господа могутъ оказать мнѣ великую помощь; то есть, одни будутъ свидѣтелями, другой господскимъ кучеромъ, третій лакеемъ. Подобныя вещи всегда дѣлаются въ присутствіи благородныхъ людей, а во-вторыхъ, если будетъ оттуда, для спроса обо мнѣ, какой нибудь подсылъ, то теперь они на меня могутъ, Богъ знаетъ что наболтать; но побывавъ на пирушкѣ другое дѣло; тутъ они увидятъ, что я живу не по-ихнему, и невольно, знаете, по чувству этакого уваженія и даже благодарности; отзовутся въ пользу мою. Я намѣренъ позвать ихъ всѣхъ, кромѣ этого свиньи, вашего Ѳерапонта Григорьича.

— Позовите и его: онъ хорошій человѣкъ, только, знаете, этакой деревенской, грубъ немного на словахъ.

— Ну, и то дѣло, — зла ненадобно помнить.

— А музыканта позовете? спросила Татьяна Ивановна не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Непремѣнно; какъ же могу я его не позвать? это было бы, кажется, низко и не благородно съ моей стороны.

— Онъ прекрасный человѣкъ, и васъ чрезвычайно любитъ. Ревнуетъ даже меня къ вамъ.

— Скажите, какой Отелло, сказалъ Хозаровъ съ улыбкой.

— Вы, мужчины, всѣ таковы... Что же у васъ будетъ на вечеринкѣ?... Когда думаете, такъ ужь время приготовляться.

— Да, это правда. Впрочемъ я большаго не думаю: подать сперва чай, потомъ сварю жженку, а тутъ можно подать мороженное и какіе нибудь фрукты.

— Ой, негодится... совсѣмъ негодится... вовсе будетъ не по гостямъ вечеръ. Это вѣдь хорошо для какихъ нибудь модныхъ дамъ, а этимъ гораздо будетъ приличнѣе, велѣть приготовить чаю съ ромомъ, да послѣ велѣть подать закуску съ водкой и винца побольше.

— Но это будетъ какъ-то гадко, пошло... что-то такое купеческое.

— Вовсе не купеческое, а такъ, какъ обыкновенно между мужчинами бываетъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, между мужчинами другого сорта это бываетъ не такъ. Но впрочемъ хорошо... будь по вашему; однако все-таки безъ шампанскаго нельзя.

— Ну, шампанское, конечно, будетъ очень прилично.

— И такъ, почтеннѣйшая, первоначально отправляйтесь и возмите, сколько, по вашему соображенію, нужно будетъ вина и извольте готовить чай, а я между тѣмъ пойду сзывать братію, и вотъ еще кстати: свѣчей возмите по-больше, чтобы освѣщеніе было приличное, я терпѣть не могу темноты. A propos: мнѣ пришла въ голову счастливая мысль! По всѣмъ нумерамъ таскаться и всякого звать особо — скучно; да и не принято въ свѣтѣ,

а потому я всѣмъ этимъ господамъ напишу пригласительныя записки, какъ обыкновенно это дѣлается.

— Чтоже, можно и такъ, сказала Татьяна Ивановна. Ахъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я вотъ посмотрю на васъ, живали вы видно въ богатствѣ, видали вы людей.

— Да, почтеннѣйшая моя, живалъ и видалъ людей, да и опять такъ заживу... Однако скажите мнѣ имена и фамиліи этихъ господъ: на адресѣ надобно будетъ означить имена ихъ и фамиліи.

— А какъ ихъ фамиліи-то. Въ первомъ нумерѣ: сибариту — Викторъ Прохорычъ Казаненко; во-второмъ — Семенъ Дмитричъ Мазеневскій; въ третьемъ... этого вы знаете, — Ѳерапонтъ Григорьичъ Телятинъ; въ четвертомъ ужь и позабыла, да! черноволосый, Разумникъ Антіохычъ Рушевичъ, а бѣлокурый — Эсперъ Аркадьичъ Нумизмацкій. Но впрочемъ лучше бы вы не приглашали ихъ... непріятный такой народъ.

— Нельзя, почтеннѣйшая, этого между порядочными людьми не принято: если приглашать, такъ приглашать всѣхъ. Дальше?...

— Да что дальше?... этотъ, я думаю, не придетъ... больной человѣкъ.

— Но все-таки, какъ его?...

— Клементій, кажется, Иванычъ или Кузмичъ; должно быть, Иванычъ.

— Ну, положимъ Иванычъ, а фамилія?

— Фамилія — Сидоровъ.

— Ну, Сидоровъ, такъ Сидоровъ. Прощайте, почтеннѣйшая, хлопочите и приготовляйте, проговорилъ Хозаровъ и, соображаясь съ составленнымъ реэстромъ, придя въ свой нумеръ, на-

чалъ писать пригласительные билеты, утвердившіе заключеніе Татьяны Ивановны касательно знанія свѣтской жизни, знанія, которымъ безспорно владѣлъ мой герой. Во-первыхъ, эти билеты, какъ повелѣваетъ приличіе свѣта, были всѣ одинаковаго содержанія; а во-вторыхъ, они были написаны самымъ краткимъ, но правильнымъ и удобопонятнымъ языкомъ, именно:

«Сергѣй Петровичъ Хозаровъ покорнѣйше проситъ васъ пожаловать къ нему, сего же числа, на холостую пирушку, въ семь часовъ вечера.» На оборотѣ были написаны, какъ водится, имена и фамиліи приглашаемыхъ. Такого рода распоряженіе Хозарова, исполненное тонкой, свѣтской вѣжливости, произвело на его сожильцевъ довольно странное и весьма разнообразное впечатлѣніе. Сибаритъ, прочитавъ пригласительную записку, сначала очень обрадовался. Ему уже заранѣе началъ представляться холостой вечеръ съ винами, съ ужиномъ, но вдругъ задумался, потому что всякому хозяину недостаточно было пригласить сибарита, но ему надобно было вмѣстѣ съ тѣмъ прислать гостю сюртукъ, галстухъ и нѣкоторыя другія принадлежности мужскаго костюма. Позови Хозаровъ такъ, просто, не по билетамъ, сибаритъ къ нему рискнулъ бы отправиться въ своемъ единственномъ другѣ — шинели. Но этотъ вечеръ долженъ быть, хотя и холостой, но парадный. Всю свою надежду гость возложилъ на Татьяну Ивановну и рѣшился покорнѣйше просить ее доставить ему отъ Хозарова приличный костюмъ и такимъ образомъ дать ему возможность быть на вечерѣ.

Секретный милашка Татьяны Ивановны — музыкантъ, по скромности характера, на своемъ лицѣ,

покрытомъ угрями, не выразилъ ни какого чувства по прочтеніи пригласительнаго билета, а только лаконически отвѣтилъ: «прпду» и принялся писать ноты. Ѳерапонтъ Григорьичъ, получивъ приглашеніе, расхохотался. «А... каковъ въ Москвѣ народецъ,» началъ онъ разсуждать самъ съ собой, «вчера денегъ просилъ взаймы, а сегодня вечеръ даетъ... Ну — мотыга же видно! Еще не мошенникъ ли какой нибудь? нѣтъ, братъ, не надуешь, не пойду: пожалуй и въ карманъ залезутъ.

— Ванька! не слыхалъ ли ты что такое у этого франта?

— Балъ даетъ, сказывала хозяйка... Меня звали служить; — полтинникъ, говорятъ, дадутъ-съ, отвѣчалъ, возившійся около чемодана, Ванька.

— Ну, такъ что-жь? ступай дуракъ, — коли ты будешь, такъ и я схожу, сказалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ; да смотри у меня не зѣвай; посматривай на меня, и какъ мигну тебѣ, такъ не выдавай!

— Зачѣмъ выдавать, отвѣчалъ лакей.

— Схожу.... ничего, схожу... и посмотрю, что тамъ такое, говорилъ Ѳерапонтъ Григорьичъ. Этакія, подумаешь, на свѣтѣ есть ухорскія головы! вчера безъ копѣйки былъ, а сегодня вечеръ даетъ, и Богъ его знаетъ, гдѣ взялъ: можетъ быть, кого нибудь ограбилъ?...

Двѣ неопредѣленныя личности тоже не обратили должнаго вниманія на приглашеніе, по-крайнемѣрѣ въ первую минуту его полученія. Это, можетъ быть, произошло вслѣдствіе того, что черноволосый, остававшійся прежде почти въ постоянномъ выигрышѣ, на этотъ разъ заремизился, а потому очень разгорячился. Бѣлокурый, въ надеждѣ выиграть, тоже разгорячился.

По окончаніи пульки, они, хотя довольно односложно, но переговорили о вечерѣ.

— Это зовутъ, сказалъ черноволосый.

— Да, отвѣчалъ бѣлокурый.

— Будутъ ли картишки-то, замѣтилъ черноволосый.

— Я думаю.... только ты смотри, дѣлай пальцами-то этакъ знаки.

— Извѣстное дѣло, — не маленькій, понимаю немного игру-то. Ты пойдешь въ пальто?

— Въ пальто.

— Ну, ладно, а я во фракѣ.

Радушнѣе всѣхъ принялъ приглашеніе танцовальный учитель: не смотря на сильную ломоту, которую чувствовалъ во всемъ тѣлѣ, онъ, прочитавъ записку, тотчасъ же вскочилъ съ одра болѣзни и началъ напѣвать извѣстный куплетъ:

«Кума шенъ, кума крестъ;
«Кума дальше отъ комоду;
«Кума чашки разобьешь,

выдѣлывая въ то же время мастерскіе па изъ французской кадрили. Но духъ его, стремящійся къ разсѣянію, недолго торжествовалъ надъ болѣющимъ тѣломъ. Ревматизмъ отъ сильнаго движенія разъигрался: учитель повалился на постель и началъ первоначально охать, потомъ стонать и наконецъ заплакалъ.

Почтеннѣйшая Татьяна Ивановна, не ограничивая свои заботы хозяйственными приготовленіями, успѣла обѣжать всѣ нумера и всѣмъ объявить, что у Хозарова будетъ пріятельская пирушка, потому что онъ скоро женится на милліонеркѣ, и потому хочетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ угостить. Сибариту достала сюртукъ; даже въ Θерапонтѣ

Григорьичѣ успѣла поселить совершенно другое мнѣніе о Хозаровѣ; а милашкѣ музыканту, не знаю почему, сочла за нужное весьма подробно объяснить, сколько и какого именно рода приготовлено винныхъ питій. На лицѣ, покрытомъ угрями, появилось самое пріятное выраженіе.

Между тѣмъ хозяинъ, задумавшись, сидѣлъ въ своемъ нумерѣ.

Ему было грустно, что у него такая дрянная квартира, а потому онъ не можетъ дать вечера своимъ знакомымъ дамамъ, какъ дѣлывалъ это нѣсколько разъ въ полку.

Настоящую же пирушку онъ затѣвалъ такъ, безъ всякаго особаго удовольствія, потому только, что привыкъ жить хорошо и, почувствовавъ въ карманѣ деньги, хотѣлъ показать себя этой дряни въ настоящемъ свѣтѣ.

Татьяна Ивановна, просто, совершала чудеса: зная наклонность своего милашки имѣть все въ порядочномъ видѣ, она достала гдѣ-то подсвѣчники изъ накладнаго серебра и серебряную сахарницу; у Ѳерапонта Григорьича выпросила, на свое собственное имя, совершенно новенькій судокъ для водки и, у одной знакомой, достала гирную и прекрасную скатерть и дюжины полторы салфетокъ.

Въ восемь часовъ все было готово. Хозаровъ принималъ всѣхъ въ легонькомъ пальто и, какъ надобно ожидать отъ свѣтскаго человѣка, былъ очень вѣжливъ къ гостямъ. Сибариту, одѣтому въ его собственный сюртукъ, онъ сжалъ дружески обѣ руки, съ музыкантомъ даже поцѣловался; Ѳерапонту Григорьичу, поблагодаря за лакея, какъ и слѣдуетъ, оказалъ исключительное почтеніе и тотчасъ же просилъ его сѣсть на диванъ. У ка-

ждой изъ неопредѣленныхъ личностей пожалъ по рукѣ съ прибавленіемъ: «очень радъ васъ видѣть, господа!» Что касается до гостей, то Ѳерапонтъ Григорьичъ сохранялъ какую-то насмѣшливую мину и былъ очень важенъ; музыкантъ немного дикъ: поздоровавшись съ хозяиномъ, онъ тотчасъ же усѣлся въ уголъ; двѣ неопредѣленныя личности, одна въ тепломъ пальто, а другая во фракѣ бутылочнаго цвѣта, были таинственны; сибаритъ веселъ, и только немного женировался тѣмъ, что хозяйскій сюртукъ былъ не совсѣмъ въ пору и сильно тянулъ его руки назадъ. Ванька, въ сопровожденіи Татьяны Ивановны, внесъ чай со стаканами, между которыми уже красовалась бутылка съ ромомъ.

— Прямо пригласите пуншемъ, шепнула Хозарову Татьяна Ивановна, знавшая лучше его наклонности своихъ жильцовъ.

Хозаровъ сдѣлалъ гримасу.

— Господа, прошу начинать съ пунша, сказалъ онъ, я человѣкъ холостой; у меня чай дурной, но ромъ долженъ быть порядочный. Ѳерапонтъ Григорьичъ, сдѣлайте одолженіе.

— Нѣтъ-съ, благодарю; я не пью пуншу, отвѣчалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ. «Нѣтъ, братъ, не надуешь, думалъ онъ самъ про себя, ты пожалуй напоишь, да и обдѣлаешь. Этакой здѣсь народецъ, продолжалъ разсуждать самъ съ собой помѣщикъ, осматривая гостей; какія у всѣхъ рожи-то нечеловѣческія: образина на образинѣ!—хозяинъ лучше всѣхъ съ лица: хватъ малый; только должно быть страшная плутина!» Другіе гости не отказались, подобно Ѳерапонту Григорьичу; они всѣ сдѣлали себѣ по пуншу и принялись пить.

Хозаровъ, какъ человѣкъ порядочнаго тона, началъ чувствовать скуку въ подобномъ обществѣ; съ досады на себя, что, ни съ того ни съ сего, затѣялъ подобный глупый зовъ, онъ и самъ рѣшился пить и спросилъ себѣ пуншу. Чрезъ нѣсколько минутъ стаканы были пусты, по окончаніи которыхъ почти у всѣхъ явилось желаніе покурить. Довольно полный комплектъ хозяйскихъ чубуковъ мгновенно былъ разобранъ, и комната въ нѣсколько минутъ наполнилась непроницаемымъ дымомъ. Между тѣмъ распорядительная Татьяна Ивановна поднесла гостямъ новый пуншъ, который тоже былъ принятъ всѣми и даже Ѳерапонтъ Григорьичъ соблазнился и рѣшился выпить съ *ромашкой*. Самъ хозяинъ тоже не отставалъ отъ гостей. Разговоръ оживился.

Черноволосая личность подошла къ Хозарову и просила составить для него и для бѣловолосаго пріятеля партію въ преферансъ. Хозаровъ съ своей стороны былъ готовъ, но только не отыскалось третьяго партнера. Сибаритъ началъ ходить по комнатѣ и мурлыкать какую-то пѣсню. Ѳерапонтъ Григорьичъ тоже оживился и, подозвавъ къ себѣ своего Ваньку, велѣлъ подать себѣ еще пуншу. Но неусыпная дѣвица Замшева видѣла и замѣчала все; она, сама, въ собственныхъ рукахъ, поднесла старому милашкѣ стаканъ съ крѣпчайшимъ пуншемъ, одѣля таковымъ же и прочую компанію. Всѣ сдѣлались непмовѣрно живы и веселы; всѣ закурили и заговорили, даже музыкантъ началъ что-то нашептывать на ухо Татьянѣ Ивановнѣ. Хозаровъ тоже замѣтно подгулялъ.

— Господа! сказалъ онъ, вставая съ своего мѣста, я вамъ очень обязанъ за сегодняшнее посѣ-

щеніе, и надѣюсь, что съ этого дня, могу васъ считать своими товарищами.

— Идетъ! отвѣчалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ, уже окончательно перемѣнившій свое мнѣніе о Хозаровѣ.

— Конечно можете, отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Господа! я, можетъ быть, на дняхъ буду имѣть нужду въ вашей помощи, потому что думаю увезти дѣвушку, и васъ, какъ товарищей, буду просить помочь мнѣ.

— Браво!... закричалъ сибаритъ, оканчивая уже третій стаканъ.

— Я готовъ, замѣтилъ разговорившійся музыкантъ, который, по расположенію Татьяны Ивановны, справлялся уже съ пятымъ стаканомъ.

— Пожалуй, проговорили вмѣстѣ двѣ неопредѣленныя личности.

— Ну, знаете, я бы и готовъ, но вѣдь, мнѣ быть... сказалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— Я не смѣю васъ и безпокоить. Вы женатый человѣкъ; а всѣ женатые для меня священныя особы: они не прикосновенны! Но дѣло въ томъ, что я въ одну прекрасную лунную ночь... На этомъ словѣ Хозаровъ остановился, потому что въ комнату вбѣжала Татьяна Ивановна.

— Антонъ Ѳедотычъ, сказала она.

— Бога ради, господа, ни слова о томъ что я говорилъ! Это отецъ моей невѣсты.

Едва успѣлъ проговорить эти слова хозяинъ, какъ въ дверяхъ нумера, сквозь табачный дымъ, обрисовалась колоссальная фигура Антона Ѳедотыча.

— Фу! какъ накурено, сказалъ гость, видно

что кавалерійская компанія. Здравія желаемъ, проговорилъ онъ, подходя къ хозяину. Мое почтеніе, господа, продолжалъ онъ, раскланиваясь съ гостями. Очень радъ, что имѣлъ удовольствіе застать васъ дома и, какъ вижу, въ такомъ пріятномъ обществѣ.

— Очень радъ, мой драгоцѣннѣйшій, Антонъ Ѳедотычъ, проговорилъ хозяинъ. Прошу садиться. Не прикажете ли трубки.... пуншу?

— Трубки и пуншу, т. е. того и другого?... можно-съ... произнесъ Ступицынъ. Извините, прибавилъ онъ, немного задѣвъ музыканта, который съ большимъ любопытствомъ осматривалъ новаго гостя и вертѣлся около него.

— Иванъ! трубки и пуншу сюда! сказалъ хозяинъ. Позвольте мнѣ вамъ представить: Ѳерапонтъ Григорьичъ Телятинъ!... Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ!... проговорилъ хозяинъ, желая познакомить двухъ помѣщиковъ.

— Очень пріятно, сказалъ Ступицынъ.

— Весьма радъ вашему знакомству, отвѣчалъ Телятинъ; и оба они помѣстились на диванѣ.

Антону Ѳедотычу сейчасъ были предоставлены и трубка, и пуншъ; но онъ на этотъ разъ былъ нѣсколько страненъ, потому что, вмѣсто того, чтобы приняться за пуншъ и войти въ разговоры съ Ѳерапонтомъ Григорьичемъ, онъ всталъ, кивнулъ какъ-то таинственно головою хозяину и вышелъ изъ комнаты. Хозяровъ, разумѣется, тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ.

— Извините меня, сказалъ Ступицынъ: я имѣю къ вамъ маленькій секретъ: я слышалъ — на дняхъ вы дѣлали честь моей младшей дочери, и жена моя ничего вамъ не сказала окончательнаго. Я, ко-

нечно, какъ только узналъ, тотчасъ все это рѣшилъ. Теперь она сама пишетъ къ вамъ и проситъ васъ завтрашній день пожаловать къ намъ... Съ этими словами Ступицынъ подалъ Хозарову записку Катерины Архиповны, который, прочитавъ ее, бросился обнимать будущаго тестя.

— Вамъ бы надобно было дѣйствовать не такъ, говорилъ Ступицынъ, вамъ бы прямо тогда же сказать мнѣ; я бы сдѣлалъ это сейчасъ; но, вѣдь, знаете, онѣ женщины — очень мнительны, боятся и сомнѣваются во всякихъ пустякахъ.

— Антонъ Ѳедотычъ! началъ съ чувствомъ Хозаровъ, я не могу теперь вамъ выразить, какъ я счастливъ, и какъ одолженъ вами; а могу только просить васъ выпить у меня шампанскаго. Сегодня я этимъ господамъ дѣлаю вечерокъ; хочется ихъ немного потѣшить: нельзя!... люди очень добрые, но бѣдные!... живутъ безъ всякого почти развлеченія... наша почти обязанность, — людей съ состояніемъ, — доставлять удовольствія этимъ бѣднякамъ.

— Я тоже такого характера, отвѣчалъ Ступицынъ, и мнѣ очень пріятно, что мы сходимся съ вами въ этомъ отношеніи. Богъ дастъ, со временемъ, мы будемъ затѣвать этакія, знаете, маленькія пирушки; это, по моему мнѣнію, очень пріятно.

— Послушайте, Антонъ Ѳедотычъ, я сегодня такъ счастливъ, такъ счастливъ, что даже ничего не понимаю. Пойдемте!... я надѣюсь, что вы у меня будете пить.

— Выпьемъ-съ, потому что я въ жизнь мою еще не отказывалъ ни въ чемъ моимъ знакомымъ; но только напередъ ваше честное слово: Катери-

на Архиповна велѣла непремѣнно просить васъ, завтрашній день откушать у насъ. Будете?

— Буду, конечно буду. Неужели же вы думаете, что я не буду. Меня зовутъ въ рай, а я не пойду... это было бы съумасшествіе съ моей стороны.

Будущій тесть и зять еще разъ поцѣловались и вошли въ нумеръ.

— Шампанскаго!... закричалъ Хозаровъ.

— Напередъ бы водки, замѣтилъ Ступицынъ, принимаясь за свой стаканъ пуншу.

— Ахъ, да... Татьяна Ивановна!... почтеннѣйшая!... пожалуйте намъ водки! Водка и закуска, конечно, были давно уже приготовлены, и приготовлены самымъ порядочнымъ образомъ: кромѣ того, что закуска состояла изъ калбасы, сельдей, сыру, миногъ, къ ней поданы были еще роскошное блюдо сосисекъ подъ капустою и полдюжины жареныхъ голубей. Антонъ Ѳедотычъ первый принялся за водку; пожелавъ всѣмъ гостямъ всякого счастія въ мірѣ, онъ залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки, затѣмъ рюмку вина, еще рюмку вина, и потомъ, освѣжившись рюмкою водки, принялся за роскошное блюдо съ сосисками. Прочіе гости тоже не положили охулки на руку. Два графина водки, четыре бутылки вина, калбаса, сельди и все прочее мгновенно было уничтожено. Очередь, наконецъ, дошла и до шампанскаго. Хозаровъ распорядился первоначально только на три бутылки вдовы Клико, но разгулявшись, велѣлъ принести еще полдюжины.—Антонъ Ѳедотычъ разговорился до-нельзя, и познакомившись на короткую ногу со всѣми и разсказавъ каждому что нибудь интересное про себя, объявилъ, что у него на дняхъ бу-

деть особенный случай, и что онъ тогда поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность просить всѣхъ господъ пожаловать къ нему откушать, надѣясь угостить ихъ удивительною бѣлорыбицею, купленною чрезъ одного давнишняго его коммиссіонера въ самомъ устьѣ Волги. Окончаніе вечера было очень весело: всѣ пѣли хоромъ; музыкантъ, единогласно, былъ избранъ въ регенты. Сибаритъ и Татьяна Ивановна тянули дисканта; двѣ неопредѣленныя личности пѣли теноромъ; хозяинъ изображалъ альта; Антонъ Ѳедотычъ и Ѳерапонтъ Григорьичъ, равнымъ образомъ, какъ и самъ регентъ, держали баса. Пѣли первоначально: *«въ старину живали дѣды»*, потомъ *«лучинушку»* и наконецъ *«мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ»*; все это несовсѣмъ удавалось хору, который однако весьма хорошо поладилъ на старинной, но прекрасной пѣснѣ: *«въ темномъ лѣсѣ, въ темномъ лѣсѣ»*, и проч. Антонъ Ѳедотычъ началъ отпускать удивительныя штуки: не ограничиваясь тѣмъ, что пилъ со всѣми очередную, онъ схватилъ цѣлую бутылку шампанскаго и взялся ее выпить, не переводя духа, залпомъ,—и дѣйствительно всю почти вытянулъ мгновенно; но на самомъ уже концѣ поперхнулся, фыркнулъ на всю честную компанію, пошатнулся и почти безъ памяти упалъ на диванъ. Къ Татьянѣ Ивановнѣ всѣ были необыкновенно вѣжливы: даже черноволосая личность началъ съ нею зангрывать; но ревнивый музыкантъ остановилъ его и чуть было не сочинилъ исторіи. Гости разошлись часу въ пятомъ. Антонъ Ѳедотычъ прежде всѣхъ уснулъ на диванѣ. Всѣ вообще были очень довольны: даже Ѳерапонтъ Григорьичъ ушелъ въ самомъ миротворномъ распо-

ложеніи духа и, при прощаніи, цѣловался со всѣми.

VII.

Какъ ни подгулялъ Антонъ Ѳедотычъ, но, озабоченный порученіемъ Катерины Архиповны, проснулся гораздо ранѣе своего хозяина и началъ ломать свою голову, какую бы выдумать передъ женой благовидную причину, вслѣдствіе которой онъ не ночевалъ дома. Но, увы! голова Антона Ѳедотыча имѣла то несчастное свойство человѣческихъ головъ, что, послѣ всякой пріятельской пирушки, не только не въ состояніи была ничего порядочнаго изобрѣсть, но даже съ толкомъ отвѣчать на вопросы. Долго Антонъ Ѳедотычъ дѣлалъ усиліе, чтобы заставить вмѣстилище разума мыслить, но оно не повиновалось и только болѣло во всевозможныхъ углахъ.

— Что будетъ, то будетъ, подумалъ Ступицынъ, и приведя, сколько возможно, свою наружность въ приличный видъ, отправился держать отвѣтъ передъ супругой.

Катерина Архиповна была въ сильномъ безпокойствѣ и страшномъ ожесточеніи противъ мужа, который вмѣсто того, чтобы, по ея приказанію, отдать Хозарову письмо и развѣдать акуратнѣе, какъ тотъ живетъ, есть ли у него состояніе, какой у него чинъ, — не только ничего этого не сдѣлалъ, но даже и самъ куда-то пропалъ. Ощущаемое ею безпокойство тѣмъ было сильнѣе, что и Мари, знавшая куда и за чѣмъ посланъ папенька, ожидала его возвращенія съ большимъ нетерпѣніемъ, и даже всю ночь, бѣдненькая, не спала, и заснула только къ утру.

Часу въ девятомъ Антонъ Ѳедотычъ, наконецъ, явился, и предчувствуя неминуемую грозу, хотѣлъ приласкаться къ Катеринѣ Архиповнѣ, и подошелъ было къ ея рукѣ, но рука была отдернута.

— Это что такое значитъ? откуда вы изволили пожаловать?... Боже мой! что это у васъ за лицо? посмотрите, пожалуйста, въ зеркало, какова ваша физіономія.

— Что физіономія?... спросилъ Ступицынъ.

— Да-то физіономія; совершенно, какъ у мужика послѣ праздника. Пили, что ли, вы всю ночь?

— Ничего физіономія.

— Вотъ прекрасно — ничего... весь опухъ... и ничего!

— Я угорѣлъ, отвѣчалъ, не вопадъ, Ступицынъ.

— Онъ угорѣлъ; скажите ради Бога, онъ угорѣлъ!... Гдѣ же это вы изволили угорѣть? гдѣ вы ночевали-то? Отчего вы домой не пришли?

— Угорѣлъ...

— Да что вы такое говорите! мнѣ кажется, вы ничего не понимаете; я васъ спрашиваю: гдѣ вы ночевали?

— У Хозарова.

— Да развѣ я васъ ночевать туда посылала?... Что я вамъ говорила? что поручила? помните ли вы это?... Отдали-ли, по-крайней-мѣрѣ, письмо, которое я съ вами посылала?

— Письмо?... письмо отдалъ.

— А узнали ли что я вамъ говорила?

— Извѣстно, что узналъ.

— Ну, разсказывайте!

Какъ ни ломалъ Антонъ Ѳедотычъ свою странную голову для того, чтобы изобрѣсть какой-нибудь приличный отвѣтъ, но ничего не могъ придумать.

— Что разсказывать-то?... произнесъ онъ.

— Господи Боже мой! воскликнула, всплеснувъ руками, Катерина Архиповна, это превосходитъ всякое терпѣніе: человѣкъ — вы или нѣтъ, милостивый государь? похожи-ли вы хоть на животное-то? и тѣ о щенкахъ своихъ попеченіе имѣютъ, а въ васъ и этихъ-то чувствъ нѣтъ... поди-те вы отъ меня куда нибудь; не терзайте по-крайней-мѣрѣ вашей физіономіей. Великое дѣло поручила отцу семейства: подробнѣе разсмотрѣть, какъ живетъ, гдѣ, и что, и какъ? такъ и этого-то не съумѣлъ и не хотѣлъ сдѣлать!

— Я вамъ говорю, что я разсмотрѣлъ... возразилъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Что же вы разсмотрѣли?

— Все разсмотрѣлъ, все отлично.

— Велика квартира?

— Велика.

— Сколько комнатъ?

— Одна.

— Какъ велика — и одна? да что вы такое городите? съ ума, что ли, вы сошли? или еще не проспались?

— Ну, ладно-съ! возразилъ Антонъ Ѳедотычъ, всталъ и пошелъ.

— Постойте!... куда же вы идете. Скажите по-крайней-мѣрѣ: будетъ ли Сергѣй Петровичъ сегодня?

— Будетъ, непремѣнно пріѣдетъ, отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ и вышелъ.

Странная голова его мало того, что ничего не понимала, но начала еще кружиться, такъ что Ступицынъ почувствовалъ необходимую потребность выдти на свѣжій воздухъ.

— Этакой отвратительный человѣкъ, говорила Катерина Архиповна: вѣроятно, тотъ обрадовался и послалъ за шампанскимъ, а этотъ безобразный уродъ и напился.

Часовъ въ десять Мари проснулась, и первый ея вопросъ, который она сдѣлала матери, былъ: возвратился ли папенька и пріѣдетъ ли сегодня Сергѣй Петровичъ?

— Пріѣдетъ, другъ мой, непремѣнно пріѣдетъ, отвѣчала старуха.

Мари тотчасъ встала, спросила себѣ чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ и потомъ начала одѣваться. Она потребовала себѣ свое любимое шелковое платье, и вообще туалетомъ своимъ очень много занималась: Пашетъ и Анетъ, интересовавшіяся знать что такое происходитъ между папенькой, маменькой и Мари, подслушивали то у тѣхъ, то у другихъ дверей и, наконецъ, начали догадываться, что врядъ ли дѣло идетъ не о сватовствѣ Хозарова къ Мари, и обѣ почувствовали страшную зависть; особенно Анетъ, которая все время оставалась въ пріятномъ заблужденіи, что Хозаровъ интересуется собственно ею. Катерина Архиповна ушла къ себѣ въ комнату, затворилась и начала молиться. Антонъ Ѳедотычъ, чѣмъ болѣе странная голова его приходила въ нормальное состояніе, тѣмъ яснѣе началъ сознавать, въ какой мѣрѣ онъ дурно исполнилъ возложенное на него порученіе, и что ему непремѣнно послѣдуетъ отъ супруги брань, и брань такого сорта, какой онъ никогда еще не получалъ, потому что дѣло шло объ идолѣ, а въ этомъ случаѣ Катерина Архиповна не любила шутить.

Пораздумавшись, онъ рѣшился на цѣлый день

дать куда нибудь тягу и явиться домой въ то время, какъ у Катерины Архиповны поуходится сердце.

Въ одинадцать часовъ всѣ дамы, въ ожиданіи торжественнаго представленія жениха, были одѣты наряднѣе обыкновеннаго и сидѣли по своимъ обычнымъ мѣстамъ. Всѣ онѣ, конечно, испытывали весьма различныя ощущенія. Старуха въ своей комнатѣ была грустна, Мари сидѣла съ нею; она была весела, но взволнована; въ сердцахъ Пашетъ и Анетъ, сидѣвшихъ въ залѣ, бушевала зависть и досада.

Женихъ подъѣхалъ въ щегольской парной каретѣ, изъ которой проворно выскочивъ и вбѣжавъ на крыльцо, сбросилъ свою шубу сопровождавшему его лакею и вошелъ. Пашетъ и Анетъ сухо ему поклонились; онъ прошелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ. При появленіи его, Мари вся вспыхнула; старуха силилась улыбнуться. Герой мой былъ тоже нѣсколько взволнованъ и даже сѣлъ на предлагаемый ему стулъ, не съ обычною ему ловкостію и свободою. Катерина Архиповна посмотрѣла на дочь; та поняла и вышла. Нѣсколько минутъ мать и женихъ сидѣли молча. Хозаровъ, очень хорошо уже понявъ, что въ семействѣ рѣшено дать ему слово, рѣшился не начинать первый; а старухѣ, кажется, было тяжело начать говорить о томъ, чего она не желала бы даже и во снѣ видѣть.

— Вы сердитесь на меня, Сергѣй Петровичъ, проговорила она.

— Напротивъ: я считаю за счастіе, отвѣчалъ Хозаровъ.

— Вы такъ меня тогда удивили, что я даже

вдругъ хорошенько сообразиться не могла и, какъ мать, даже испугалась.

— Я очень понимаю, Катерина Архиповна, ваши чувства — и даже самъ бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ точно такимъ же образомъ. Въ настоящемъ случаѣ позвольте мнѣ, Катерина Архиповна, попросить у васъ извиненія въ моей дерзости. Что дѣлать! любовь заставляетъ насъ иногда забывать общественныя условія.

— Скажите мнѣ одно, Сергѣй Петровичъ, вы любите Мари? спросила Ступицына.

— Катерина Архиповна! отвѣчалъ Хозаровъ, прижавъ руку къ сердцу: есть чувства, которыхъ человѣкъ не въ состояніи выразить словами. Мнѣ не выразить моихъ чувствъ словами; я могу только сознавать ихъ въ сердцѣ.

— Да постоянно ли вы будете любить ее, не перемѣнитесь ли?

— Перемѣна во мнѣ можетъ произойти тогда только, когда изъ этой груди вынутъ мое сердце, и вмѣсто его поставятъ чье нибудь другое.

— Это всѣ женихи, Сергѣй Петровичъ, говорятъ такъ, а какъ женятся, такъ и выходитъ другое.

— Зачѣмъ же смѣшивать себя съ толпою? почему же не быть исключеніемъ? Я, Катерина Архиповна, не мальчикъ; я много жилъ и много размышлялъ. Я видѣлъ уже свѣтъ и людей, и убѣдился, что человѣкъ можетъ быть счастливъ только въ семейной жизни... Да и неужели же вы думаете, что кто бы это ни былъ, женясь на Марьѣ Антоновнѣ, можетъ разлюбить это дивное существо: для этого надо быть не человѣкомъ, а какимъ-то звѣремъ безчувственнымъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, это и не звѣри,

а люди дѣлаютъ; мало ли мы видимъ примѣровъ: мужья разлюбляютъ прекрасныхъ жонъ и мѣняютъ ихъ, Богъ знаетъ, на кого.

— Клянусь моей любовью къ Марьѣ Антоновнѣ, которая, конечно, для меня дороже всего, клянусь этою любовью, что я всю жизнь буду любить ихъ, произнесъ Хозаровъ.

Разговоръ на нѣсколько времени прекратился.

— Вотъ еще что я хотѣла сказать, Сергѣй Петровичъ, начала старуха, мы небогаты: у Мари всего бабушкина усадьба съ какими нибудь...

— Бога ради, Катерина Архиповна, не говорите мнѣ объ этихъ вещахъ, которыхъ я и знать не хочу, перебилъ Хозаровъ, очень впрочемъ довольный, что услыхалъ о бабушкиномъ состояніи: я женюсь только на вашей дочери и желаю только владѣть ими, а больше мнѣ ничего ненадобно.

— Очень вѣрю, Сергѣй Петровичъ, вашему благородству, и повѣрьте, что я награжу Машеньку, и награжу больше, чѣмъ даже слѣдуетъ по нашему состоянію; но достаточно ли это будетъ для семейной жизни?... имѣете ли вы сами состояніе?

— Я имѣю и свое состояніе... вы видите, я живу, — и живу въ столицѣ, отвѣчалъ Хозаровъ, но этого мало: имѣю же я нѣкоторыя способности, которыя могу употребить на службу?... и наконецъ, у меня, Катерина Архиповна, двѣ здоровыя руки, которыя готовы носить каменья для того только, чтобы сдѣлать Марью Антоновну счастливою.

— Не обманывайте меня, Сергѣй Петровичъ, вся моя жизнь, все мое счастіе только въ ней. Я не знаю, что со мною будетъ, если увижу, что я ошиблась; она еще молода, она сама не по-

нимаетъ, какой дѣлаетъ теперь важный шагъ, но я мать; я должна ее руководить.

Въ продолженіе этой рѣчи, у старухи навернулись на глазахъ слезы. Хозаровъ тоже былъ, кажется, разстроенъ и прижалъ къ глазамъ платокъ.

— Я ничего не могу говорить и только благоговѣю передъ вашими материнскими чувствами, отвѣчалъ онъ.

— Поклянитесь мнѣ еще, что вы сдѣлаете ее счастливою, сказала Катерина Архиповна, взявъ героя моего за руку.

— Еще разъ клянусь моею любовію сдѣлать вашу дочь счастливою, произнесъ Хозаровъ.

— Берите ее — она ваша, сказала старуха и, зарыдавъ, упала на диванъ. Хозаровъ между тѣмъ взялъ руку будущей маменьки, и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ. Далѣе затѣмъ призвана была Мари. Катерина Архиповна, не переставая плакать, объявила дочери о предложеніи Хозарова. Мари сконфузилась и бросилась обнимать мать и потомъ подала жениху руку, которую тотъ, какъ водится, страстно поцѣловалъ. Въ слѣдующей затѣмъ бесѣдѣ Сергѣй Петровичъ, бывъ нѣженъ съ невѣстою, въ тоже время старался, какъ можно болѣе, изъявлять почтенія и глубокаго уваженія къ Катеринѣ Архиповнѣ и началъ ее уже именовать belle mère. Онъ не позабылъ также и своихъ будущихъ belles soeurs и съ ними, по родственному, очень мило шутилъ, обѣщаясь на будущее время подмѣчать, кто имъ нравится и нынѣшнею же зимою выдать ихъ замужъ. На это обѣ дѣвицы объявили, что онѣ еще не хотятъ замужъ; но Хозаровъ, по правамъ близкаго родственника, обѣщалъ, какъ дѣлалось это встарину,

выдать ихъ насильно и уморительно описалъ эту сцену, какъ повезетъ онъ ихъ съ связанными руками въ церковь вѣнчать. Обѣ дѣвицы, не смотря на чувствуемую зависть, расхохотались и утвердительно сказали, что не дадутъ себя связывать; однимъ словомъ, въ это утро, герой мой успѣлъ до невѣроятности всѣмъ понравиться. Невѣста, какъ мы и прежде еще знали, его обожала. Пашетъ и Анетъ остались весьма довольными его любезностію и вниманіемъ, даже сама Катерина Архиповна начала его понимать въ другомъ смыслѣ: изъ предъидущей сцены она убѣдилась, что будущій зять очень любитъ Мари, потому что онъ не только самъ не спросилъ о приданомъ, но и ей не далъ договорить объ этомъ предметѣ. Заискавъ такимъ образомъ во всѣхъ членахъ семейства, Сергѣй Петровичъ началъ просить позволенія, съѣздить на нѣсколько времени домой и распорядиться по нѣкоторымъ экстреннымъ, домашнимъ дѣламъ, обѣщаясь въ шесть часовъ вечера явиться на пріятнѣйшее для него дежурство у ногъ невѣсты.

Откровенно говоря, Хозаровъ не имѣлъ ни какихъ экстренныхъ дѣлъ; но ему хотѣлось побывать у Варвары Александровны, разсказать ей что съ нимъ случилось и порисоваться передъ нею своими пылкими чувствами.

Мамилова очень обрадовалась пріѣзду друга.

— Гдѣ вы и что съ вами? спросила она гостя, подавая ему руку.

— Судьба моя рѣшена — я женюсь, отвѣчалъ тотъ.

— Право? какимъ же образомъ это случилось?

— И самъ не знаю; вчера получилъ пригласительную записку, а сегодня дано и слово.

— Слава Богу, опомнились; это было бы съ ихъ стороны просто съумасшествіе — отказать вамъ. Ну, что же вы, счастливы теперь?

— Я не понимаю еще хорошенько что со мною: у меня какъ-то замерло сердце, и я ничего ясно не могу ни чувствовать, ни понимать.

— Вотъ вы мужчина, а говорите, что у васъ замерло сердце; что же должна чувствовать женщина въ эти страшныя для нея минуты! Что ваша невѣста — весела?

— Да, она очень весела; она еще очень молода и потому безпечна.

— Нѣтъ, это не потому, что молода, но она любитъ васъ... ахъ, какъ это первое время тяжело для тѣхъ женщинъ, которыя идутъ не по любви! послѣ какъ-то свыкнешься съ этою мыслію, но въ началѣ — это ужасно.

— Что вы, Варвара Александровна, чувствовали въ это время?

— Что я чувствовала?... отвѣчала, со вздохомъ и нѣсколько смутившись, хозяйка: я ничего не чувствовала; я была тогда глупа, слѣпа, нѣма; я выходила, или лучше сказать, это выходила замужъ не я, а кто-то другая; я не понимала, что я для жениха моего такъ, игрушка, временная забава, и уже послѣ, гораздо послѣ, когда воротить было невозможно, я поняла что такое мужчина, и особенно мужчина въ сорокъ лѣтъ. Но, впрочемъ, не спрашивайте меня: за чѣмъ вамъ знать исторію моего сердца, она скучна и неинтересна: я могу только сказать, что я не живу, а прозябаю.

— Знаете ли что я думаю? Вамъ, съ вашей

поэтической душой, не слѣдовало бы выходить замужъ.

— Это почему вы такъ думаете?

— Потому, что вы такъ умны; ваше сердце столько возвышено, что вамъ изъ мужчинъ нѣтъ равнаго: они всѣ ниже васъ.

— Ахъ, какъ вы ошибаетесь, Сергѣй Петровичъ! какъ мало нужно для моего великаго ума и для моего возвышеннаго сердца — одна любовь и больше ничего... любовь, если хотите, среди бѣдности, но живая, страстная любовь; чтобы человѣкъ понималъ меня, чувствовалъ каждое біеніе моего сердца, чтобы онъ, изъ симпатіи, скучалъ, когда мнѣ скучно, чтобы онъ былъ веселъ моимъ веселіемъ. Вотъ что бы надобно было, и я сочла бы себя счастливѣйшей въ мірѣ женщиной.

— Неужели же, Левъ Павловичъ, не отвѣчаетъ на ваши прекрасныя требованія? неужели онъ вашимъ благороднымъ стремленіямъ не сочувствовалъ?

— Левъ Павловичъ?... Левъ Павловичъ какъ и всѣ мужчины: онъ, съ самыхъ первыхъ поръ, или скучалъ, или даже смѣялся надъ моими стремленіями. Онъ окружалъ меня богатствомъ, удовлетворялъ мои прихоти, впрочемъ всегда съ оговорками, и потому полагалъ, что уже все сдѣлалъ, что я даже не должна смѣть ничего желать болѣе. Но, Бога ради, не спрашивайте меня: видьте во мнѣ вашего друга... старуху, которая вамъ желаетъ счастія... и больше ничего! Разскажите мнѣ лучше что-нибудь про себя: когда вы думаете назначить сватьбу?

— Я, съ своей стороны, буду настаивать, какъ можно скорѣе: знаете, любовь нетерпѣлива...

— Да, кончайте эту скучную процедуру скорѣе; будутъ толки, сплетни, и зачѣмъ вамъ допускать подобныя пошлости въ вашемъ бракѣ, который не долженъ походить на другія сватьбы? Гдѣ вы думаете послѣ жить?

— Безъ сомнѣнія въ Москвѣ, отвѣчалъ Хозаровъ. Неужели же ѣхать въ эту ужасную провинцію?

— Не забывайте вашихъ старыхъ друзей-съ, а въ томъ числѣ и меня, сказала Мамилова.

Хозаровъ всталъ и поцѣловалъ у ней руку.

— То что вы сдѣлали для меня, сказалъ онъ съ чувствомъ, такъ заключено глубоко въ моемъ сердцѣ, такъ срослось съ этимъ сердцемъ, что одна только смерть можетъ уничтожить чувства благодарности: одно это одолженіе деньгами....

— Не говорите, пожалуйста, объ этихъ пустякахъ, перебила хозяйка. Знаете ли что? Я не люблю денегъ и считаю ихъ рѣшительно за какіе-то пустяки: по моему, кажется, отдать кому деньги, или самому у кого-нибудь взять, — это такая обыкновенная вещь, о которой не стоитъ и думать.

— Я въ этомъ не согласенъ съ вами: деньги рычагъ всего. При деньгахъ можно все сдѣлать.

Мамилова сомнительно покачала головой.

— Не спорьте, Варвара Александровна, въ этомъ, а лучше скажите мнѣ: чего нельзя сдѣлать для своего удовольствія на деньги?

— А, напримѣръ, найдти, милостивый государь, друга, перебила рѣзко хозяйка. Найдите съ вашими всемогущими деньгами друга?

— Да, это другое дѣло; но впрочемъ, есть пословица, что съ деньгами и друзей много.

— Не друзей, Сергѣй Петровичъ, а льстецовъ,

вы хотите вѣрно сказать. Но друга, истиннаго друга, не купите вы на деньги.

— Зачѣмъ же такъ углубляться въ жизнь. Мы можемъ и льстецовъ считать за друзей; есть прекрасные на этотъ предметъ стихи: *«у дружбы есть двойчатка лесть: они съ лица отчасти схожи.»*

— Ну, Богъ съ ними,—и съ деньгами, и съ лестію,—все это не моего романа. Скажите лучше мнѣ, какъ вы думаете вести себя съ вашей будущей женой?

— То есть какъ? спросилъ Хозаровъ; какъ, обыкновенно, я полагаю, обращаются люди образованные, когда они любятъ.

— Бога ради, не обращайтесь такъ, какъ обращаются образованные и умные мужья. Это значитъ, съ перваго же раза, начать передѣлывать молоденькое и покорное существо на свой ладъ. Оно, конечно, будетъ повиноваться и поддѣлываться подъ ваши понятія; но въ то же время оно будетъ убивать самое-себя. Ведите себя просто, какъ Богъ васъ создалъ; занимайтесь съ этимъ молоденькимъ созданіемъ пустяками, которые ее занимаютъ, болтайте съ ней, играйте. Что вы смотрите на меня съ удивленіемъ? если вы любите ее, то вамъ самимъ будетъ весело; а если нѣтъ, то и говорить нечего. Повѣрьте мнѣ, что если вы хотите быть счастливымъ въ вашемъ бракѣ, то и не должны себя вести иначе.

— Я люблю мою невѣсту,—и изъ этого слова можете ясно заключить, какъ я буду вести себя.

Долго еще продолжалась бесѣда между женихомъ и Варварой Александровной. Брачныя отношенія были разобраны ими въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ: много, конечно, Варвара

Александровна, обладающая такимъ умомъ, высказала глубокихъ и серьезныхъ истинъ; много и герой мой, тоже обладавшій даромъ слова, сдѣлалъ прекрасныхъ замѣчаній; но я не рѣшаюсь передать во всей подробности разговоръ ихъ, потому что боюсь утомить читателя, и скажу только, что Хозаровъ отобѣдалъ у Мамиловой и уѣхалъ отъ нея часу въ шестомъ. Домой заѣхалъ онъ на минуту для того только, чтобы, пользуясь свободою жениха, перемѣнить свой фракъ на сюртукъ. Здѣсь, конечно, явилась къ нему, другой его другъ,—Татьяна Ивановна, и конечно, Сергѣй Петровичъ поставилъ себѣ въ обязанность и ей объяснить весьма подробно о всемъ томъ, что касалось до женитьбы.

— Вотъ ваше дѣло обдѣлалось, слава Богу, хорошо, сказала Татьяна Ивановна грустнымъ голосомъ; а я все-таки осталась обижена; меня, можетъ быть, не будутъ и въ домъ къ себѣ пускать.

— Вотъ пустяки, — кто изъ нихъ смѣетъ это подумать, я всѣхъ ихъ заставлю васъ уважать!

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, это невозможно, возразила Татьяна Ивановна.

— А вотъ посмотрите, отвѣчалъ Хозаровъ.

Въ шесть часовъ онъ отправился на пріятнѣйшее для него дежурство, гдѣ невѣста и Катерина Архиповна ожидали его съ величайшимъ нетерпѣніемъ; впрочемъ, герой мой, какъ слѣдуетъ влюбленному жениху, заѣхалъ первоначально къ Люкѣ и взялъ тамъ фунтовъ десять различныхъ сортовъ конфектъ. Пріѣхавъ, онъ былъ неимовѣрно милъ; зная изъ прежнихъ разговоровъ, что Катерина Архиповна очень любитъ грецкіе орѣхи въ саха-

рѣ, будущій зять не преминулъ въ кондитерской отобрать для тещи штукъ тридцать конфектъ именно этого сорта; невѣстѣ были привезены цѣлые пять фунтовъ, и сверхъ того въ прекрасномъ картонѣ; для Пашетъ и Анетъ у Хозарова тоже были приготовлены конфекты, но онъ имъ ихъ не показалъ, а объявилъ, что привезъ имъ женихов, которыхъ и держитъ покуда въ карманѣ. Пашетъ и Анетъ сначала помирали со смѣху, а потомъ приступили къ нему, чтобы онъ показалъ и не держалъ бы несчастныхъ женихов въ карманѣ.

Хозаровъ долго мучилъ любопытство двухъ дѣвицъ и, наконецъ, вынулъ и представилъ имъ женихов. Оказалось, что они были изъ краснаго леденца. Одинъ изъ нихъ, для Пашетъ, былъ, кажется, французскій кирасиръ въ шишакѣ и съ руками сложенными на груди крестообразно; для Анетъ же — въ круглой шляпѣ и держащій руки наподобіе ферта. Кромѣ сего къ обоимъ женихамъ было приложено по цѣлому фунту конфектъ.

Посмѣявшись и пошутивъ такимъ образомъ съ своими belles soeurs, Хозаровъ началъ заниматься съ невѣстою и вступилъ во всѣ права жениха. Первоначально онъ увелъ ее въ залу и, взявъ за талію, началъ съ нею ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Разговоръ между ними былъ слѣдующій:

— И такъ, Мари, наши желанія увѣнчиваются успѣхомъ, сказалъ Сергѣй Петровичъ, теперь я могу васъ спросить, давно ли вы меня любите?

— Давно... постойте.... это именно съ того вечера, какъ помните въ Ко.... на вечерѣ я танцовала съ вами польку.

— Вообразите, Мари, что значитъ симпатія! въ этотъ же вечеръ рѣшилась и моя участь: увидя

васъ, я какъ будто переродился; во мнѣ вдругъ явилось желаніе жениться, чего мнѣ прежде и не снилось.... вся моя прошлая жизнь показалась мнѣ такъ пошла, такъ глупа, что я возненавидѣлъ самого себя.

— Что это значитъ симпатія, спросила Мари.

— О! это слово имѣетъ большое въ жизни значеніе, сказалъ Хозаровъ; симпатія значитъ родство душъ; такъ что, если разторгнуть эти двѣ души, между которыми существуетъ симпатія, то жизнь ихъ будетъ неполна: въ каждой изъ нихъ какъ будто бы будетъ чего-то не доставать. Возьмите этотъ билетикъ, продолжалъ онъ, развертывая конфектный билетикъ; тутъ написано: «*Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ, до гроба ты хранитель мой.*» Тутъ есть полная мысль, но разорвите его пополамъ; на одной половинѣ остались: «*я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,* а на другой — *до гроба ты хранитель мой.*» Хоть въ каждой есть смыслъ, но неполный,—таковъ смыслъ и двухъ разрозненныхъ душъ, связанныхъ симпатическимъ родствомъ. Здѣсь герой мой остановился, замѣтя, что ужь черезъ-чуръ забрался въ отвлеченности, которыя Мари совсѣмъ не понимала, да и самъ онъ не очень ясно уразумѣвалъ то, о чемъ говорилъ.

— Кто живетъ на лунѣ? спросила вдругъ Мари, неужели и тамъ есть люди; имъ, я думаю, холодно.

— Ну, Мари, этотъ вопросъ могутъ рѣшить только ученые.

— Неужели же они знаютъ что тамъ дѣлается?... это очень далеко.

— У нихъ для этого есть трубы, въ которыя они наблюдаютъ.

— Кисъ, кисъ, кисъ!... вскрикнула Мари и, оставивъ жениха, бросилась къ двери, въ которой показался огромный рыжій котъ. Сергѣй Петровичъ, посмотрите, какіе у него маленькіе глазки— и какія онъ славныя пѣсни поетъ, прибавила она, взявъ кота на руки и поднося его къ Хозарову, который сначала погладилъ кота, а потомъ взялъ его за усы и потихоньку потянулъ. Котъ оскорбился и царапнулъ дерзкую руку. Хозаровъ отдернулъ. Маша покатилась со смѣху. Возня съ котомъ продолжалась около четверти часа: Мари гладила его, заставляла танцовать, поднявъ на заднія лапки и, наконецъ, повязала ему голову носовымъ платкомъ, отчего у кота дѣйствительно сдѣлалась преуморительная физіономія, такъ что даже Сергѣй Петровичъ расхохотался.

Послѣ исторіи съ котомъ, рѣчь зашла о новой полькѣ-мазуркѣ, которую Сергѣй Петровичъ уже щегольски танцовалъ, но невѣста еще не знала. Хозаровъ началъ ее учить, и оказалось, что Мари весьма способна и понятлива для танцовальнаго дѣла: съ двухъ, трехъ разъ она выдѣлывала пà правильно и отчетливо. Отъ танцевъ щечки ея разгорѣлись, шелковая мантилья спала и открыла полную, бѣлую шею и грудь; черные глазки разгорѣлись еще живѣе, роскошные волосы, распустившимися кудрями, падали на плеча и на лобъ. Герой мой затрепеталъ, созерцая свою невѣсту, и потому, на правахъ жениха, посадилъ ее съ собою на диванъ, обнялъ и началъ цѣловать ея ручки, щечки, глазки, шейку и грудь. Мари слабо сопротивлялась. Въ это время чрезъ залу прошла Катерина Архиповна. Женихъ и невѣста сконфузились.

Катерина Архиповна ничего имъ не сказала, но, пройдя въ другую комнату, кликнула Анетъ и велѣла той идти сидѣть въ залѣ, и если куда нужно будетъ выдти, то послать туда сестру. Когда Анетъ пришла въ залу, женихъ и невѣста сидѣли все еще рядомъ и Хозаровъ держалъ Мари за руку. Зависть, усыпленная на время любезностію Хозарова, снова закралась въ сердце дѣвушки: съ серьознымъ лицомъ усѣлась она на дальній стулъ и уставила свои глаза на оконный переплетъ, чтобы только не видѣть счастія другой — счастія, о которомъ она когда-то сама мечтала.

— Ma belle soeur! сказалъ Хозаровъ, что подѣлываетъ вашъ сладкій женихъ?

— Не знаю, отвѣчала сухо дѣвушка, я его куда-то засунула.

— А Павлы Антоновны?

— Она своему голову скусила, отвѣчала съ улыбкою Анетъ. Сергѣй Петровичъ и Мари померли со смѣху.

— O mon Dieu, mon Dieu, воскликнулъ Хозаровъ, какая же жалкая участь вашихъ жениховъ. Вы своего затеряли, а Павла Антоновна даже скусила своему голову! Не поступайте вы, Мари, со мною такъ жестоко, прибавилъ онъ, обращаясь къ невѣстѣ, которая, съ своей стороны, ничего не отвѣчала и только крѣпко пожала жениху руку.

Пашетъ въ самомъ дѣлѣ жестоко распорядилась съ подаркомъ Хозарова: наслѣдуя отъ папеньки прекрасный аппетитъ ко всему съѣдомому, она первоначально съѣла всѣ доставшіяся на ея долю конфекты, а потомъ принялась и за жениха; сначала откусила ему ноги; а потомъ, не утерпѣвъ,

покончила и всего, и послѣдній остатокъ — женихову голову въ шишакѣ, вѣроятно съ цѣлію продлить наслажденіе, очень долго сосала. Анетъ не засунула своего жениха; она его, вмѣстѣ со всѣми подаренными конфектами, прибрала далеко, въ самой потайной свой ящикъ, имѣя въ виду, со временемъ, показать ихъ какой-нибудь задушевной пріятельницѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать, что эти конфекты подарилъ ей одинъ человѣкъ, который любилъ ее, но теперь уже не любитъ, потому что умеръ. Намъ извѣстно, что Анетъ, какъ и папенька, любила сказать красное слово, то есть, задушевныя свои мечтанія выдать за дѣйствительность.

Далѣе, въ этотъ вечеръ, ничего уже не случилось болѣе достопримѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что Анетъ была смѣнена съ своего дежурства пришедшимъ папенькою, и потому тотчасъ же ушла къ себѣ наверхъ. — Антонъ Ѳедотычъ явился домой съ головою окончательно приведенною въ нормальное состояніе, и потому сильно трусилъ предстоящаго ему объясненія съ супругою. Увидѣвъ Хозарова, онъ очень обрадовался, потому что по опыту уже зналъ, что Катерина Архиповна, въ присутствіи постороннихъ, не входила въ крайности и ограничивалась только тѣмъ, что развѣ скажетъ ему небольшую колкость. Увидѣвъ, что Хозаровъ сидитъ рядомъ съ Мари и даже держитъ ее за руку, — онъ сообразилъ, что дѣло уже покончено, вслѣдствіе чего и рѣшился передъ будущимъ зятемъ немного поважничать.

— Здравствуйте, Антонъ Ѳедотычъ, сказалъ женихъ довольно фамильярно.

— А... наше вамъ почтеніе!... Отчего не накрываютъ на столъ; развѣ не знаютъ, что я въ один-

надцать часовъ ужинаю?... сказалъ Антонъ Ѳедотычъ, садясь на стулъ. Нѣтъ ли, Сергѣй Петровичъ, съ вами сигарокъ? Я свои захватилъ всѣ съ собою и потерялъ порт-сигаръ дорогой.

Хозаровъ подалъ тестю сигару, которую Антонъ Ѳедотычъ тотчасъ же и закурилъ.

— Ты не давай папенькѣ сигаръ, сказала шопотомъ Мари; маменька терпѣть не можетъ, чтобы онъ курилъ, потому что онъ все соритъ.

Ужинъ Ступицыныхъ на этотъ разъ не походилъ на обычные ихъ ужины. Катерина Архиповна распорядилась, чтобы къ нему были приготовлены котлеты изъ телятины, и вѣчно жареная говядина замѣнена тетерькою. Кромѣ того передъ ужиномъ была подана водка и потомъ поставлена на столъ бутылка съ мадерою. Антонъ Ѳедотычъ, разумѣется, воспользовался случаемъ: онъ почти залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки, заставя тоже сдѣлать и Сергѣя Петровича. За ужиномъ Ступицынъ очень боялся того, чтобы жена не начала выговаривать, но все-таки сохранилъ присутствіе духа и, вмѣстѣ съ Пашетой, уничтожилъ большую часть каждого блюда и выпилъ почти полбутылки вина. Прочіе ничего не ѣли: Хозаровъ пилъ мадеру и разговаривалъ съ невѣстой, которая, вѣроятно отъ волненія, тоже пила очень много воды. Катерина Архиповна и Анетъ были скучны.

VI.

«Chère Claudine,

«Опять я давно не писала къ тебѣ и опять по той же причинѣ, что нечего писать. Каждый день мой есть томительное повтореніе вчерашняго, а

вчерашніе дни мои ты знаешь очень хорошо. Послѣднее время меня развлекала и занимала сватьба Хозарова, о которой я тебѣ уже писала. Наконецъ они женились. Стыдно сказать, Claudine, но я любуюсь и завидую ихъ счастію. О, какъ должно быть полно это счастіе! Они такъ любятъ, такъ стоятъ другъ друга, они восторжествовали надъ препятствіями, которыя ставили имъ свѣтъ и люди. Вотъ уже болѣе недѣли, какъ они обвѣнчаны и живутъ въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ на Гороховомъ полѣ. Я у нихъ провожу почти цѣлые дни. Если хочешь, они немного смѣшны: представь себѣ, цѣлые дни цѣлуются; но я, опять повторяю тебѣ, радуюсь за нихъ; холодные свѣтскіе умы, можетъ быть, назовутъ это неприличнымъ; но Боже мой! неужели для этого несноснаго благоразумія мы должны приносить въ жертву самыя лучшія минуты нашей жизни!... а сколько на свѣтѣ людей, для которыхъ даже и не существовало и не будетъ существовать этого поэтическаго времени! Я моимъ птенцамъ сочувствую. Для самой меня, какъ я ни желала, какъ я ни мечтала объ этомъ, не существовало подобныхъ минутъ. На самыхъ первыхъ порахъ я сама была, да и заставили меня быть благоразумною и приличною! Прощай, мой другъ! твоя

Barbe Мамилова.»

Вскорѣ за симъ письмомъ, въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ, происходила, по-крайней-мѣрѣ въ началѣ, самая утѣшительная, самая отрадная семейная сцена. Это было вечеромъ: Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, въ бархатномъ халатѣ, сидѣлъ на краю мягкаго дивана, на которомъ полулежала Марья Антоновна, склонивъ прекрасную

головку свою на колѣни супруга, и дремала. Хозаровъ тоже полудремалъ. Одна только Катерина Архиповна бодрствовала и вязала чулокъ. Страстная мать уже переселилась къ молодымъ и спровадила Антона Ѳедотыча съ двумя старшими дочерями въ деревню.

— Мари, а Мари! вставай, другъ мой, сказалъ Хозаровъ, которому, видно, наскучило сидѣть въ положеніи подушки.

Мари открыла не надолго глаза, улыбнулась и опять задремала. Хозаровъ наклонился и поцѣловалъ жену.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичъ, тормошить ее... что это, какой вы странный! не дадите успокоиться, сказала Катерина Архиповна.

— Но что-жь такое, мамаша? я полагаю, что по вечерамъ спать очень вредно, возразилъ Хозаровъ.

— Какъ это вы смѣшно говорите: вредно! развѣ вы знаете, въ какомъ она теперь положеніи; можетъ быть, ей это даже нужно; можетъ быть, этого сама природа требуетъ.

— Мнѣ самому бы, мамаша, встать хотѣлось.

— Да, вотъ это справедливѣе, что вамъ самому скучно. Ну это, Сергѣй Петровичъ, не большое доказательство любви.

— Помилуйте, Катерина Архиповна, любовь доказывается не въ подобныхъ вещахъ.

— Къ чему же вы все это говорите такъ громко?... Вѣроятно, чтобы разбудить ее. Я этого, признаюсь, не ожидала отъ васъ, Сергѣй Петровичъ!

— Я не знаю, почему вамъ, мамаша, угодно такимъ образомъ перетолковывать мои слова.

— Я не перетолковываю вашихъ словъ, и очень

странно, если бы я, — мать, стала перетолковывать чтобы то ни было... А я все очень хорошо вижу и все очень хорошо понимаю.

— То есть, вамъ угодно видѣть и понимать все въ дурную сторону.

Катерина Архиповна хотѣла было возразить, но остановилась, потому что Мари проснулась и сѣла.

— Что ты, другъ мой, видѣла во снѣ, сказалъ Хозаровъ, беря жену за руку.

— Ничего... снились только премиленькіе — черные котятки — и пресмѣшные; я ихъ кормила все молокомъ, а они не ѣли.

— Развѣ ты думала, другъ мой, о котяткахъ?

— Нѣтъ, сегодня не думала.

— Ты ужасное еще, Мари, дитя, сказалъ Хозаровъ.

— Самъ ты дитя! почему же я дитя?

— Да такъ, мой другъ, ты дитя; но только милое дитя, даже во снѣ видишь котятъ, это очень мило и наивно!

— Сами вы наивный. Куда же ты всталъ?

— Мнѣ, другъ мой, надобно съѣздить въ клубъ.

— Вотъ прекрасно... не извольте ѣздить; я сижу дома, а онъ поѣдетъ въ клубъ, — и я съ тобой поѣду...

— Другъ мой, это не принято.

Катерина Архиповна, слушавшая всю эту сцену съ лицомъ сердитымъ и непріятнымъ, наконецъ, вмѣшалась въ разговоръ.

— Я не знаю, Сергѣй Петровичъ, какъ вы поѣдете въ клубъ, — жена ваша не такъ здорова, а вы ее хотите оставить одну... тѣмъ болѣе, что она этого не желаетъ.

— Но сами согласитесь, мамаша, что это странно.

— Для васъ, можетъ быть, дѣйствительно это странно; но что же дѣлать, если она васъ любитъ и желаетъ быть съ вами.

— Господи, Боже мой! я самъ ее люблю; но все-таки могу съѣздить въ клубъ.

— Поѣзжайте!... кто же васъ удерживаетъ? сказала, наконецъ, Мари, мнѣ все равно, я и съ мамашей буду сидѣть.

— Другъ мой, нельзя же совершенно отказаться отъ общества! возразилъ Хозаровъ.

— Поѣзжай, сказала Машетъ и надулась.

— Семьянинъ, мнѣ кажется, не долженъ и думать объ обществѣ, замѣтила рѣзко Катерина Архиповна: кромѣ того, Сергѣй Петровичъ, чтобы ѣздить по клубамъ, для этого надобно, мнѣ кажется, имѣть деньги, а вы еще не совершенно устроили себя, у васъ еще нѣтъ и экипажа, который вы даже обѣщались имѣть.

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ на этотъ намекъ и вышелъ въ залу, по которой началъ ходить взадъ и впередъ, задумавшись. Спустя четверть часа, къ нему вышла Катерина Архиповна.

— Что же вы, Сергѣй Петровичъ, оставили вашу жену что вы хотите этимъ показать?

— Помилуйте-съ... я дома и, какъ слѣдуетъ семьянину, не уѣхалъ въ клубъ, отвѣчалъ Хозаровъ.

— Все равно: вы ушли отъ нея; вы войдите и посмотрите: она почти въ истерикѣ отъ вашихъ фарсовъ. Это безчеловѣчно, Сергѣй Петровичъ... Зачѣмъ же вы женились, когда такъ любите свѣтскую жизнь?

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ тещѣ и вошелъ въ гостиную, гдѣ дѣйствительно нашелъ жену въ слезахъ.

— Не плачьте, Мари! что это за ребячество, сказалъ онъ, садясь около нея на диванъ и обнимая ее.

— А за чѣмъ же вы въ клубъ сбирались? Мнѣ, я думаю, одной скучно, отвѣчала Мари.

— Ну, не извольте же плакать отъ всякихъ пустяковъ; я не поѣхалъ — и довольно; лучше давай въ ладошки играть. За тѣмъ молодые начали играть въ весьма занимательную игру, которую Сергѣй Петровичъ назвалъ *въ ладошки*; она состояла въ томъ, что оба они первоначально ударяли другъ друга правой ладонью въ правую и лѣвой въ лѣвую; потомъ правой въ лѣвую и лѣвой въ правую и, наконецъ, снова правой въ правую, лѣвой въ лѣвую и такъ далѣе.

Такого рода замысловатую игру молодые продолжали около получаса. Марьѣ Антоновнѣ было очень весело. Катерина Архиповна, увидѣвъ, что молодые начали заниматься игрою въ ладошки, ушла въ свою комнату. Хозаровъ первый покончилъ играть.

— Ну, довольно! сказалъ онъ.

— Давай, Сержъ, еще играть.

— Будетъ, милочка! мнѣ еще надобно съ тобой поговорить о серьезномъ предметѣ. Послушай, другъ мой! началъ Хозаровъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица; Катерина Архиповна очень дурно себя ведетъ въ отношеніи меня: за всю мою вѣжливость и почтеніе, которое я оказываю ей на каждомъ шагу, она говоритъ мнѣ безпрестанно колкости; да и къ тому же, къ чему ей мѣшать-

ся въ наши отношенія: мы мужъ и жена; между нами никто не можетъ быть судьею.

— Она на тебя сердится, Сержъ. Она говоритъ, что ты обманщикъ, — и все не правду сказалъ, что у тебя есть состояніе.

— И это не ея дѣло, есть ли у меня состояніе, или нѣтъ; она должна только отдать тебѣ твое и наградить тебя, какъ слѣдуетъ, — и больше ничего! Я даже полагаю, что ей гораздо было бы приличнѣе жить съ своимъ семействомъ, чѣмъ съ нами.

— Она говоритъ, что ни за что этого не сдѣлаетъ; сама будетъ управлять имѣніемъ и жить съ нами, а намъ давать двѣ тысячи въ годъ.

— Вотъ тебѣ на!... прекрасно... безподобно... сама будетъ твоимъ имѣніемъ управлять и намъ будетъ выдавать по копѣйкамъ... Надзирательница какая, скажите, пожалуйста! Ты сдѣлай милость, Мари, поговори ей, что это невозможно: я для сватьбы задолжалъ и у меня ни копѣйки уже нѣтъ; мнѣ нужны деньги; не безъ обѣда же быть.

— Я ужь ей говорила, Сержъ, по твоей просьбѣ; она говоритъ, что все у насъ будетъ: только деньги тебѣ въ руки не хочетъ давать; она говоритъ, что ты вѣтренъ еще, въ одинъ годъ все промотаешь.

— О, чортъ возьми! опять это не ея дѣло! состояніе твое, — и кончено... Что же мы — такъ — цѣлый вѣкъ — и будемъ на маменькиныхъ помочахъ ходить? Ну, у насъ будутъ дѣти, тебѣ захочется въ театръ, въ собраніе, вздумается сдѣлать вечеръ: каждый разъ ходить и кланяться: «маменька, сдѣлайте милость, одолжите полтиничекъ!» Фу, чортъ возьми! — да изъ чего же? изъ-

за своего состоянія! Ты, Мари, еще молода; ты, можетъ быть, этого не понимаешь, а это будетъ не жизнь, а какая-то адская мука.

— Что дѣлать, Сержъ! она очень разсердилась, что ты состояніемъ-то своимъ обманулъ и на прошедшей недѣлѣ цѣлый день плакала.

— Что-жь такое, что я, можетъ быть, и прибавилъ, или лучше сказать, что, любя тебя, скрылъ, что имѣніе мое разстроено. Катерина Архиповна сама меня обманула чрезъ Антона Ѳедотыча; онъ у меня, при постороннихъ людяхъ, говорилъ, что у тебя триста душъ, тридцать тысячъ, а гдѣ онѣ?

— Ай, нѣтъ, Сержъ! у меня нѣтъ трехъ сотъ душъ; всего только сто.

— Ну, а денегъ сколько?

— Денегъ я не знаю; тебѣ мамаша подарила сколько-то?

— Да что она мнѣ подарила? полторы тысячи; это до тридцати тысячъ еще очень далеко. Стало быть, мы всѣ неправы.

— Да тебѣ кто это, Сержъ, говорилъ?... Папаша?

— Антонъ Ѳедотычъ.

— Ну, вотъ видишь, онъ все говоритъ неправду. Меня сколько онъ разъ маленькую обманывалъ: пойдетъ въ городъ куда нибудь: «погоди, Мари, говоритъ, я принесу тебѣ конфектъ»,— и воротится съ пустыми руками. Я ужь и знаю, но нарочно и пристану: «дай, папаша, конфектъ»; «забылъ, говоритъ», и все каждый разъ забываетъ, такой смѣшной!

— Все-таки, Мари, мнѣ ужасно нужны деньги. Сдѣлай милость, поди и попроси для себя у Ка-

терины Архиповны хоть рублей семьсотъ, проговорилъ Хозаровъ.

— А если она спроситъ, зачѣмъ мнѣ деньги?

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ!... Ну, скажи, что хочешь бѣднымъ дать.

— Нѣтъ, не повѣритъ! семьсотъ рублей бѣднымъ, — этого много!

— Да, это правда — неловко. Скажи просто, что ты меня очень любишь и что завтрашній день — мое рожденіе.

— А развѣ въ самомъ дѣлѣ завтра твое рожденіе?

— Кажется, завтра, — ну, такъ какъ въ рожденіе, обыкновенно, дарятъ, то и ты скажи, что хочешь подарить мнѣ семьсотъ рублей; только смотри, непремѣнно настаивай, чтобы деньгами; вещей мнѣ никакихъ не надо. Неужели она въ этихъ пустякахъ откажетъ?

— Не знаю, Сержъ; семьсотъ рублей очень много; мамаша безпрестанно мнѣ говоритъ, чтобы я берегла деньги, а тутъ скажетъ, что тебѣ на какіе нибудь пустяки дать столько денегъ.

— Ну, такъ ты, вотъ какъ, мой ангелъ, объясни ей: скажи, что завтрашній день мое рожденіе и что ты непремѣнно хочешь подарить мнѣ семьсотъ рублей, потому что я тебѣ признался въ одномъ срочномъ долгѣ пріятелю, и скажи, что я вотъ третью ночь глазъ не смыкаю. А я тебѣ скажу прямо, что я дѣйствительно имѣю долгъ, за который меня, можетъ быть, въ тюрьму посадятъ.

— За что же это въ тюрьму посадятъ?

— За то, что я несостоятельный должникъ.

— Ахъ, Сержъ, это страшно!

— Еще бы... но что же дѣлать? Я тебя такъ любилъ, что готовъ былъ занять не только семь сотъ рублей, но даже семь тысячъ, чтобы только обладать тобой. Знаешь ли ты, другъ мой, что въ самую нашу помолвку я былъ безъ копѣйки; — кажется, не велика бѣда! это можетъ случиться съ первымъ богачемъ въ мірѣ. Я, конечно, занялъ эту пустяшную сумму; потомъ получилъ изъ деревни тысячу рублей. Вотъ и всѣ деньги. Желалъ бы я знать, гдѣ Катерина Архиповна могла найти болѣе расчетливаго зятя, который на какія нибудь полторы тысячи рублей съигралъ бы сватьбу; такъ нѣтъ: подобнаго самоотверженія не хотятъ даже и видѣть, и понимать. Пришла въ голову ложная мысль, что мотъ, и больше знать ничего не хотятъ. Чувства жалости даже не имѣютъ и, можетъ быть, за ничтожные семьсотъ рублей заставятъ идти въ тюрьму.

— Нѣтъ, Сержъ, какъ это возможно! я пойду, выпрошу у мамаши.

— Сдѣлай милость, Мари, и если ты меня любишь, то попроси Катерину Архиповну, быть справедливѣе и великодушнѣе ко мнѣ, и скажи прямо ей: «если вы, мамаша, отдали ему меня, то неужели пожалѣете какихъ нибудь семисотъ рублей, чтобы сохранить его честь.» Проговоря это, Хозаровъ обнялъ и страстно разцѣловалъ жену, которая тотчасъ же отправилась къ матери. Во время прихода Мари, Катерина Архиповна была занята чѣмъ-то очень серьознымъ. Передъ ней стояла отпертая шкатулка и она пересматривала какія-то бумаги, очень похожія на ломбардные билеты. Услышавъ скрипъ двери, она хотѣла было все спрятать, но не успѣла.

— Что это, мамаша, такое? спросила Мари.

— Ничего, мой другъ, разные документы.

— А деньги тутъ есть, мамаша?

— Нѣтъ, другъ мой, это все бумаги.

— А въ бумажникѣ что?

— Ничего, — тоже бумаги.

— Ахъ, мамаша! зачѣмъ вы неправду говорите? дайте мнѣ посмотрѣть.

— Зачѣмъ тебѣ? тутъ, право, ничего нѣтъ.

— Дайте мнѣ, мамаша, денегъ; мнѣ очень нужно семьсотъ рублей.

— Тебѣ семьсотъ рублей! для кого же это тебѣ?

— Завтра Сергѣя Петровича рожденіе, и я хочу ему подарить семьсотъ рублей.

— Другъ мой! съ чего это тебѣ пришло въ голову? Кто же даритъ деньгами и особенно мужа? Если завтра дѣйствительно день его рожденія, такъ мы поѣдемъ и купимъ ему какую нибудь вещь по твоему вкусу.

— Нѣтъ, мамаша, пожалуйста, я не хочу дарить вещами, да и онъ не возьметъ; у него очень много вещей, а вы дайте мнѣ семьсотъ рублей.

— Послушай, Мари, это вѣрно онъ научилъ тебя, сказала Катерина Архиповна, понявъ очень хорошо, съ какой стороны ее атакуютъ: я вижу, что ты любишь его,— это прекрасно; но ты пойми, другъ мой, что онъ вѣтреникъ и тебя въ глаза обманываетъ. Ну, скажи мнѣ: зачѣмъ ему семьсотъ рублей? Квартира у васъ есть, столомъ я распоряжаюсь, нарядовъ я тебѣ сдѣлала, кромѣ того еще прибавлю; самъ онъ одѣтъ очень прилично. Ну зачѣмъ ему деньги? больше не зачѣмъ, какъ на мотовство. Ты разсуди только сама: состояніе у тебя небольшое; можетъ быть, будутъ у васъ дѣ-

ти, а у него вѣдь ничего нѣтъ. Онъ насъ во всемъ обманулъ. Ну, чѣмъ и на что вы будете жить? Служба, Богъ знаетъ, еще когда будетъ, а ты не видя, что называется, съ его стороны ничего, станешь дарить ему по семисотъ на рожденіе.

— Мамаша! его посадятъ въ тюрьму.

— Кого въ тюрьму?

— Сержа!

— За что же въ тюрьму?

— Онъ занялъ, мамаша, семьсотъ рублей... всѣ ночи теперь не спитъ.

— Лжотъ, мой другъ! безстыдно лжотъ; у него можетъ быть долгу и не семьсотъ рублей, но и за то не посадятъ его въ тюрьму, а деньги просто ему нужны на мотовство.

— Да, мамаша, вамъ хорошо говорить, а если его посадятъ?

— Не посадятъ, другъ мой; клянусь моей честью, не посадятъ.

— Нѣтъ, мамаша, вы этого сами не знаете и не понимаете. Онъ, говоритъ, неужели вы пожалѣете семисотъ, когда вы отдали ему меня?...

— Ахъ, другъ мой, перебила Катерина Архиповна, вздыхая: не отдавала я тебя, не желала я этого; Богу такъ угодно. Не то бы было, если бы ты вышла за Ивана Борисыча; тотъ не сталъ бы тянуть деньги, и самъ бы еще свои употреблялъ для твоего счастія. Ну, если онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ, такъ пусть скажетъ: кому?

— Онъ долженъ, мамаша, одному пріятелю.

— Ну, что же, пріятелю? Не долги онъ, другъ мой, хочетъ выплачивать, а ему самому нужны деньги: въ клубъ, да по кофейнямъ не начто ѣздить, ну, и давай ему денегъ; можетъ быть даже

и возлюбленную заведетъ, а жена ему приготовляй денегъ. Мало того, что обманулъ рѣшительно во всемъ, еще хочетъ и твое состояніе проматывать.

Въ продолженіе этого монолога у Мари навернулись на глазахъ слезы.

— Другъ мой, Машинька, не огорчайся, не плачь, проговорила старуха, тоже со слезами на глазахъ. Я передѣлаю его по своему; я не дамъ ему сдѣлать тебя несчастной и заставлю его думать о семействѣ. Я это все предчувствовала и согласилась только потому, что видѣла, какъ ты этого желаешь. Слушайся только, другъ мой, меня и, Бога ради, не вѣрь ему ни въ чемъ. Если только мы не будемъ его держать въ рукахъ и будемъ ему давать денегъ, онъ забудетъ и измѣнитъ тебѣ.

— Онъ, мамаша, въ самомъ дѣлѣ какой-то странный! или цѣлуетъ меня, или сбирается куда нибудь уѣхать.

— Этимъ ты, другъ мой, не огорчайся, мужчины всѣ таковы. Но главное дѣло: ему не надобно давать денегъ и надо заставить служить для того, чтобы онъ имѣлъ какое нибудь занятіе, — и я берусь это устроить; только, пожалуйста, не слушайся его и будь благоразумнѣе. Ну, вотъ хоть бы теперь: вѣрно, вѣдь, онъ тебя научилъ попросить у меня денегъ?

— Онъ, мамаша!

— Вотъ, видишь, — я это знала напередъ; ты ему скажи, или, лучше ничего не говори, я съ нимъ за тебя поговорю.

— Мамаша! да отчего же онъ перемѣнился ко мнѣ?

— Онъ не перемѣнился, другъ мой! мужчины

всѣ таковы. Въ женихахъ они, обыкновенно, умираютъ отъ любви, а какъ женятся, такъ и начнутъ обманывать. Это, другъ мой, ничего; его надобно заставить, чтобы онъ любилъ тебя,—и я его заставлю, потому что ни копѣйки не стану давать ему денегъ. Повѣрь ты мнѣ, онъ опомнится и начнетъ слушаться и любить.

— А что же, маманша, я завтрашній день ему подарю!

— Объ этомъ ты не безпокойся. Я сама куплю приличную для него вещь, а сегодня съ нимъ поговорю. Гдѣ онъ, теперь? въ гостиной, что ли? Ты посиди здѣсь, а я съ нимъ поговорю.

Мари осталась въ кабинетѣ, а Катерина Архиповна отправилась для объясненія съ зятемъ.

— Ваше завтра рожденіе, Сергѣй Петровичъ, сказала она, входя въ гостиную.

— Да, кажется, что завтра, отвѣчалъ Хозаровъ.

— Вы даете вѣрно вечеръ или что нибудь такое для вашихъ знакомыхъ?

— Я не о какомъ вечерѣ и не думалъ.

— Для чего же вамъ такъ нужны семьсотъ рублей?

— Какіе семьсотъ рублей?

— Да такіе, которые вы присылали свою жену требовать отъ меня.

— Мнѣ вашихъ семисотъ рублей никогда не было да конечно и не будетъ нужно.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичъ, притворяться; это еще возможно было въ женихахъ, но не для мужа; теперь уже все ясно, и я пришла васъ спросить, зачѣмъ вамъ такъ нужны семьсотъ рублей, за которыми вы присылали жену вашу ко мнѣ?

— Жены моей я къ вамъ, Катерина Архипов-

на, не посылалъ, а если она сама знаетъ, что мнѣ нужны семьсотъ рублей, такъ это, я полагаю, весьма извинительно, — потому что между мужемъ и женою не должно быть тайны.

— Вы должны какому-то пріятелю?

— Да-съ, я долженъ.

— Кому же это?

Хозаровъ смутился и молчалъ.

— Если ужь я вамъ долженъ отвѣчать на это, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, то извольте: человѣкъ, который обязалъ меня, не желаетъ, чтобы это знали всѣ.

— Я, кажется, платя за васъ деньги, могу же спросить, кому я должна ихъ отдать?

Хозаровъ совершенно сконфузился.

— Если вы, мамаша, не вѣрите, то какъ вамъ угодно; я впрочемъ, кажется, и не просилъ у васъ вашихъ денегъ.

— Все равно, вы прислали жену вашу просить у меня денегъ.

— Если жена моя желала снабдить меня деньгами, то конечно не вашими, а своими, которыми она, такъ какъ вышла уже изъ малолѣтства, имѣетъ, я думаю, право располагать, какъ ей угодно.

— А.... такъ вотъ вы къ чему все ведете, Сергѣй Петровичъ! теперь я понимаю, сказала Катерина Архиповна, поблѣднѣвъ отъ досады; только этого-то съ вашей стороны и не доставало. Теперь я васъ узнала и поняла, какъ нельзя лучше,— и повѣрьте, что себя и дочь предостерегу отъ вашихъ козней. Нѣтъ, милостивый государь, вы не думайте, что имѣете дѣло съ женщинами и потому можете, какъ вамъ угодно, обманывать. Я

сама живу пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ; видала людей и, позвольте вамъ сказать, имѣю нѣкоторыя связи, которыя съумѣютъ васъ ограничить.

— Я даже не понимаю, Катерина Архиповна, къ чему вы все это говорите.

— Нѣтъ, вы очень хорошо понимаете, а также и я понимаю, но вы ошибаетесь, очень ошибаетесь въ вашихъ разсчетахъ, и теперь я отъ васъ настоятельно требую объяснить мнѣ, для какой собственно надобности вы подсылали ко мнѣ вашу жену требовать денегъ?

— Я опять вамъ объявляю, что не подсылалъ къ вамъ жены, но я ей только открылся.

— И вы утверждаете, что не подсылали ее ко мнѣ?

— Я молчу-съ и предоставляю вамъ думать что угодно.

— Да, Сергѣй Петровичъ, конечно ужь лучше молчать, когда говорить нечего; можно обмануть молоденькую женщину, но я старуха.

Послѣднихъ словъ, Сергѣй Петровичъ ужь не слыхалъ; онъ вышелъ изъ гостиной, хлопнувъ дверьми, прошелъ въ свой кабинетъ, дверьми котораго тоже хлопнулъ и сверхъ того еще ихъ заперъ и легъ на диванъ.

Марья Антоновна, видѣвшая изъ наугольной, что Сергѣй Петровичъ прошелъ къ себѣ, хотѣла къ нему войдти, но дверь была заперта; она торкнулась разъ.... два, отвѣта не послѣдовало; она начала звать мужа по имени,—молчаніе. Нѣсколько минутъ Мари простояла въ раздумьи, потомъ пошла къ матери.

— Онъ, мамаша, заперся, сказала она.

— Что-жь мнѣ, другъ мой, дѣлать, не ломать

же дверь? онъ, можетъ быть, еще и не такіе фарсы начнетъ выдѣлывать; отъ него надобно всего ожидать.

У Мари навернулись слезы.

— Ты-то за что мучишь себя и огорчаешься, другъ мой?

— Какъ-же, maman, если его въ тюрьму посадятъ!

— Ахъ, другъ ты мой, какъ ты молода! Ну, гдѣ слыхано, чтобы за семьсотъ рублей въ тюрьму посадили.

— Мамаша, дайте мнѣ, пожалуйста, денегъ.

— Нѣтъ у меня, Маша, для этого безстыднаго человѣка денегъ.

Мари разрыдалась. Старуха не выдержала, пошла въ свою комнату и чрезъ нѣсколько минутъ вернулась съ пачкою ассигнацій.

— На, Маша, возьми, это твои деньги. Онъ мнѣ прямо давича сказалъ, что я даже не имѣю права располагать твоимъ состояніемъ.

Мари тотчасъ же перестала плакать, взяла деньги и поцѣловала у матери руку, но за то расплакалась Катерина Архиповна.

— Отдавай ему, мой другъ, хоть все; онъ еще и не то будетъ дѣлать; будетъ, можетъ быть, тебя учить и изъ дому меня выгнать.

— Нѣтъ, мамаша; онъ не смѣетъ этого и думать, возразила Мари.

— Онъ все смѣетъ думать; онъ на все можетъ рѣшиться.

— Вы не сердитесь на него, мамаша... онъ, ей-Богу, добрый.

— Видѣла я, другъ мой, и очень хорошо поняла его доброту. У него, я думаю, теперь одна мысль

въ головѣ, чтобы какъ нибудь разлучить меня съ тобою и захватить твое имѣніе.

Старуха очень разстроилась и, подобно своему зятю, ушла въ свою комнату и затворилась.

Мари тотчасъ же подошла къ дверямъ мужнина кабинета и начала снова стучаться; но отвѣта, какъ и прежде, не послѣдовало.

— Сержъ! я тебѣ денегъ принесла,—поди сюда! проговорила она. Что ты тутъ сидишь одинъ въ темной комнатѣ?

Послышался шорохъ; замокъ щелкнулъ и дверь растворилась.

— А, это вы, Мари? я не узналъ вашего голоса, сказалъ Хозаровъ, выходя изъ кабинета.

— На — деньги, я выпросила у мамаши.

— Нѣтъ, Мари, послѣ всѣхъ этихъ исторій я не могу принять отъ тебя денегъ.

— На, Сержъ, возьми. Куда же мнѣ ихъ? Я не то брошу ихъ на полъ.

— Ты можешь ихъ бросить, сжечь, возвратить опять своей маменькѣ, но только я ихъ не могу принять.

Говоря это, молодые входили въ гостиную. Сергѣй Петровичъ сѣлъ на диванъ и задумался. Мари встала передъ нимъ и обняла его голову.

— Ну, душка, не сердись... возьми! мамаша такъ только погорячилась, она очень скупа,—и ей вотъ жаль денегъ.

— Изволь, Мари, я возьму эти деньги, потому что, хотя онѣ и лежатъ у Катерины Архиповны, но все-таки твои, и она ихъ неправильно захватила по правамъ матери.

Сергѣй Петровичъ еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ своею супругою и, по преимуществу,

старался разтолковать ей, что если она его любить, то не должна слушаться матери, потому что маменьки, какъ онѣ ни любятъ своихъ дочерей, только вредятъ въ семейномъ отношеніи,—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно объявилъ, что онъ съ сегодняшняго дня намѣренъ прекратить всякое сношеніе съ Катериной Архиповной и даже не будетъ съ ней говорить. Мари начала было просить его не дѣлать этого, но Хозаровъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Еще письмо Варвары Александровны.

«Я разскажу тебѣ, chère Claudine, одинъ смѣшной и грустный случай; въ прошломъ письмѣ моемъ я тебѣ писала о молодыхъ Хозаровыхъ, и писала, что видаюсь съ ними почти каждый день; но теперь мы не видимся, и знаешь ли почему? Напередъ тебѣ предсказываю, что ты будешь смѣяться до истерики: старуха-мать меня приревновала къ зятю и отъ имени дочери своей объявила мнѣ, что та боится моего знакомства. Она — эта молоденькая женщина — боится, что я могу нарушить ея счастіе, когда я, сближаясь съ ними, только и помышляла о счастіи ея. Вотъ тебѣ, chère Claudine, люди! они, видно, всегда и вездѣ одинаковы; а знаютъ ли эти люди, что сердце мое давно уже похоронено въ могилѣ, что въ памяти моей живетъ мертвецъ, которому я принадлежу всѣми моими помыслами; но оставимъ мое прошедшее. Я его таю; я никому и никогда, кромѣ тебя, не поднимала еще съ него завѣсы; но пусть они взглянутъ на мое настоящее: у меня есть мужъ, котораго я уважаю, если не за сердце, то, по-крайней-мѣрѣ, за умъ;—и вотъ эти люди поняли меня, какъ пустую вѣтренную женщину, которая готова повѣ-

ситься на шею встрѣчному и поперечному... Я искала одной чистой и благородной дружбы, а они сочли, что мнѣ надобна интрига; но, Богъ съ ними! Досаднѣе всего, что изъ-за меня, какъ сказывала ихъ горничная моей дѣвушкѣ, вышла между матерью, Мари и мужемъ цѣлая исторія: укоры, слезы, истерика и тому подобное. Что мнѣ оставалось сдѣлать въ подобномъ положеніи? Въ душѣ моей я ихъ не обвиняю: они только поняли меня ложно. Долго я думала, долго размышляя и, наконецъ, рѣшилась перервать съ ними совершенно знакомство. Молодой человѣкъ, котораго я и до сихъ поръ еще люблю и уважаю, нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но я не велѣла его принимать; Богъ съ ними, пусть будутъ они счастливы. О, chère Claudine! я теперь уже начала окончательно бояться людей.»

«Barbe Мамилова.»

IX.

Прошло еще два мѣсяца. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, одѣтый въ щегольскую бекешку, вошелъ въ квартиры дѣвицы Замшевой и прямо прошелъ въ занимаемый хозяйкою нумеръ, которую засталъ въ обыкновенныхъ ея утреннихъ разговорахъ съ кухаркою.

— Здравствуйте, почтеннѣйшая, сказалъ, входя, мой герой.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ, вскрикнула хозяйка, бросившись убирать нѣкоторыя не весьма благовидныя принадлежности ея туалета; ступай и дѣлай такъ, какъ я тебѣ говорила, прибавила она кухаркѣ.

Стряпуха вышла. Хозаровъ, не снимая бекеши, сѣлъ.

— Я вами очень недоволенъ, почтеннѣйшая! зачѣмъ вы каждый день ходите къ тещѣ и просите, чтобы она заплатила вамъ мой долгъ.

— Сергѣй Петровичъ! нужда, видитъ Богъ, нужда! что мнѣ прикажете дѣлать? никто не платитъ; вы не повѣрите: какъ уѣхалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ, ни съ кого не получила ни копѣйки.

— Это вы все не то говорите, Татьяна Ивановна. Кто вамъ долженъ? — Я. — Слѣдовательно вы и должны адресоваться ко мнѣ.

— Да, батюшка, Сергѣй Петровичъ, я знаю, что у васъ денегъ нѣтъ. Катерина Архиповна, какъ жила съ вами, прямо мнѣ сказала: «что ты, говоритъ, къ нему ходишь; у него полушки за душой нѣтъ.»

— Вы все говорите чушь, возразилъ Хозаровъ. Развѣ теща моя можетъ знать, есть у меня деньги или нѣтъ?

— Сергѣй Петровичъ, не обижайтесь на меня, а выслушайте. Я прежде къ вамъ ходила; у самихъ васъ всегда просила; припомните что вы мнѣ говорили! «подождите, говорили, у меня теперь нѣтъ, а я у маменьки выпрошу.» Ну, по этому я къ нимъ и адресовалась. Заплатите, отецъ мой! право нужда, вѣдь не шуточка восемьсотъ рублей.

— Конечно, по вашимъ понятіямъ, восемьсотъ рублей ужасная сумма, но что это такое значитъ для мужчины? плевокъ, нуль... и потому честію завѣряю васъ, что заплачу вамъ, и заплачу даже съ процентами, только, Бога ради, не извольте

являться ни къ женѣ моей, ни къ тещѣ за моимъ долгомъ.

— Да гдѣ же вы, Сергѣй Петровичъ, возьмете? Теперь открытое дѣло, что у васъ ничего нѣтъ.

— Скажите, какъ вы прекрасно считаете въ чужомъ карманѣ... Полноте, почтеннѣйшая, вздоръ молоть, не извольте и безпокоиться объ этихъ пустякахъ.

— Милый мой постоялецъ! какъ же мнѣ не безпокоиться? У васъ, вѣдь, право, ничего нѣтъ. Ну, хоть бы службу какую имѣли, или, по-крайней-мѣрѣ, у меня квартировали, все бы надежда была впереди.

— У васъ, Татьяна Ивановна, можетъ быть, нѣтъ надежды, а у меня ихъ на милліонъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, не вѣрю, нынче совсѣмъ милліоновъ на свѣтѣ нѣтъ.

— Есть, Татьяна Ивановна, и даже больше чѣмъ милліоны. Припомните только мои обстоятельства передъ сватьбою. А ?... въ какомъ я тогда былъ положеніи? Ужь, кажется, рѣшительно безъ копѣйки, а что же вышло потомъ? Въ одинъ день хватилъ три тысячи.

— Это случайность, Сергѣй Петровичъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, вовсе не случайность. Умная вы женщина, а не совсѣмъ жизнь-то понимаете. Вспомните, гдѣ я взялъ денегъ тогда?

— Да что припомнить? Какъ теперь помню, что взяли у Варвары Александровны; закладчикъ-то, у котораго ея вещи, каждый день ходитъ ко мнѣ.

— Я не про то говорю, почтеннѣйшая, ходитъ или нѣтъ къ вамъ этотъ болванъ закладчикъ; но вы рѣшите мнѣ одинъ вопросъ: неужели же я съ

этой же стороны не могу достать и теперь денегъ?

— Не можете, Сергѣй Петровичъ, никакимъ образомъ не можете; тогда было другое дѣло, тогда вы были человѣкъ холостой.

— А если я вамъ представлю доказательство? Не угодно ли взглянуть, проговорилъ Хозаровъ и подалъ Татьянѣ Ивановнѣ маленькую записку, которую дѣвица Замшева хотя съ трудомъ, но все-таки прочла.

— Ну, ужь этого дѣла я не знаю, это ваше дѣло, сказала она.

— Нѣтъ, вы скажите: понимаете ли тутъ главный смыслъ?

— Какъ не понять, извѣстное дѣло: тайное свиданіе будете имѣть. Только, какой вы обманчивый человѣкъ, Сергѣй Петровичъ! Когда женились, такъ думали: вотъ станете боготворить жену; вотъ тебѣ и боготворить! году непрошло еще, а рога приставилъ; не даромъ я васъ звала вѣтреникомъ; сердце мое говорило, что вы опасный для женщинъ человѣкъ.

— Согласенъ, почтеннѣйшая, что опасный человѣкъ, но все-таки скажите, понимаете ли вы результатъ моихъ отношеній къ Барбъ Мамиловой?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, наше дѣло темное и понимать ничего не хочу.

— Ну, такъ я вамъ растолкую. Она любитъ меня; вы это видите.

— И напрасно любитъ, перебила Татьяна Ивановна.

— Ну, ужь это ея дѣло; а вы слушайте, возразилъ Хозаровъ. Она любитъ и богата: слѣдовательно, любя меня, будетъ давать и денегъ.

— Сомнѣваюсь, Сергѣй Петровичъ, очень сом-

нѣваюсь, сказала Татьяна Ивановна. Если бы вы были холостой человѣкъ, другое дѣло; а теперь ужь женатый. Женщины къ женатымъ очень недовѣрчивы: это я знаю по себѣ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, умный человѣкъ и женатый умѣетъ поддержать себя. Умный человѣкъ не отступится отъ своихъ правъ. Онъ скажетъ: «если любишь, такъ и дай денегъ, а не то мужу скажу,» такъ не безпокойтесь, расплатится, и расплатится богатѣйшимъ манеромъ.

— Ой, Сергѣй Петровичъ, страшное да и не дворянское вы затѣваете дѣло!

— Я этого не затѣваю; но говорю только одинъ примѣръ, чтобы успокоить васъ. Скажите мнѣ только, успокоились ли вы?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, все еще сомнѣваюсь. Хоть бы срокъ назначили, отецъ мой! Право, большая нужда.

— Извольте! въ запискѣ, кажется, назначено свиданіе семнадцатаго февраля, въ тотъ же самый день, но только вечеромъ, вы можете пожаловать ко мнѣ, и я съ вами разочтусь самымъ благороднѣйшимъ образомъ. Adieu, почтеннѣйшая! но только уговоръ лучше денегъ, чтобы къ тещѣ и къ женѣ за деньгами ни шагу.

— Не пойду, Сергѣй Петровичъ, ей-Богу не пойду! Хоть и трудно немного; но что же дѣлать, перебьюсь!

Хозаровъ ушелъ.

Въ прескверное зимнее утро семнадцатаго февраля, на Тверскомъ бульварѣ, сошлись мужчина въ бекешкѣ и дама въ салопѣ и шляпкѣ; это были Сергѣй Петровичъ Хозаровъ и Варвара Алексан-

дровна Мамилова. Оба они, пройдя нѣсколько шаговъ, остановились.

— Сама природа противъ меня, сказалъ Хозаровъ, протирая глаза, залепленные снѣгомъ. Мнѣ очень совѣстно, что я въ такую погоду обезпокоилъ васъ.

— Ничего, отвѣчала Мамилова, дѣлая доброе дѣло, ненадобно раскаяваться: взойдемте въ кандитерскую, прибавила она и вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ вошла въ извѣстную, конечно, каждому читателю, бесѣдку на срединѣ бульвара. Усѣлись они въ отдаленную комнату. Мамилова тотчасъ же спросила себѣ огня и закурила папиросу, и предложила таковую же своему спутнику. Въ послѣднее время Варвара Александровна сдѣлала еще шагъ въ прогрессѣ эмансипаціи: она стала курить. На первыхъ порахъ этотъ подвигъ былъ весьма труденъ для молодой дамы; у ней, обыкновенно, съ половины выкуренной папиросы начинала кружиться голова до обморока; но чего не сдѣлаетъ женщина, стремящаяся встать въ уровень съ вѣкомъ? Мамилова пріучила свои нервы, и въ настоящее время могла уже выкуривать по три папиросы вдругъ.

— И такъ, Сергѣй Петровичъ, начала она, закуривъ папиросу: вы писали мнѣ, что у васъ на сердцѣ много горя, и что это горе вы хотѣли бы раздѣлить со мною. Я благодарю васъ за вашу довѣренность и приготовилась слушать. Мое правило — пусть съ горемъ идутъ ко мнѣ всѣ люди; я готова съ ними плакать, готова ихъ утѣшать; но въ радости человѣка мнѣ не надо, да и я ему буду не нужна, потому что не найду ничего съ нимъ говорить.

— Неужели же вы не пожелаете раздѣлить даже счастія друзей вашихъ?

— Да, счастіе друзей, это другое дѣло: но и то — нѣтъ; развѣ я не радовалась вашей радости, не хотѣла жить вашимъ счастіемъ? Но какъ это поняли? Ваша теща мнѣ въ глаза сказала, что посѣщенія мои непріятны ея дочери и неприличны для меня. Я оставила вашъ домъ, я не хотѣла влить капли горя и непріятности въ чашу вашихъ радостей, и съ этой минуты поклялась бѣгать счастливыхъ людей. Я, конечно бы, даже никогда не увидѣлась съ вами; но вы писали мнѣ, что вы несчастливы, — и этого довольно, чтобы я пренебрегла всѣмъ и рѣшилась съ вами видѣться, — и даже нѣсколько романически: на бульварѣ и въ бесѣдкѣ. Ну-съ! разсказывайте мнѣ ваше горе, я слушаю.

— Горе мое, началъ Хозаровъ, нѣсколько театральнымъ голосомъ, и бросивъ на полъ недокуренную папироску, — горе мое, продолжалъ онъ, выше, кажется, человѣческихъ словъ. Во-первыхъ, теща моя демонъ скупости и жадности; ее можно сравнить съ аспидомъ, который стережетъ сундукъ, наполненный деньгами, и уязвляетъ всѣхъ, кто только осмѣлится приблизиться къ его сокровищу.

— Во-первыхъ, Сергѣй Петровичъ, возразила Мамилова, это еще не большое горе, потому что теща для зятя, какъ я полагаю, лицо совершенно постороннее, тѣмъ болѣе, что она съ вами ужь не живетъ.

— Это ваша правда, она съ нами не живетъ, отвѣчалъ Хозаровъ. Я настоялъ, наконецъ, чтобы она изволила существовать отдѣльно отъ насъ, и даже не бывала въ моемъ домѣ, но какая отъ этого

польза? Я не вижу только ея прекрасной особы; но ея идеи, ея мысли живутъ въ моемъ домѣ, потому что онѣ вбиты въ голову дочери, которая, къ несчастію, сама собою не можетъ сообразить, что дважды два — четыре.

— Богъ съ вами, Сергѣй Петровичъ! что вы такое говорите, возразила Варвара Александровна, неужели Мари такъ...

— Такъ проста, хотите вы сказать? даже болѣе, чѣмъ проста. Она — глупа, Варвара Александровна, — глупа, какъ вотъ это дерево! проговорилъ грустнымъ голосомъ Хозаровъ и постучалъ по столу рукой.

Мамилова нѣкоторое время ничего не отвѣчала.

— Изъ чего вы заключили, начала она нѣсколько даже строгимъ голосомъ, что жена ваша глупа? Что васъ такъ разочаровало въ женщинѣ, которую вы нѣкогда боготворили, которую вы сами избрали въ подруги вашихъ дней и, можно сказать, насильно вырвали ее изъ семейства, гдѣ она была счастлива и безпечна?

— Я этого вопроса съ вашей стороны ожидалъ, Варвара Александровна; имѣя такой возвышенный взглядъ на бракъ, вы не могли меня не спросить объ этомъ; но когда я вамъ объясню подробно, то вы согласитесь со мною и оправдаете меня. Знаете ли, въ чемъ мы проводимъ все время? Мы или въ дурацкія ладошки играемъ, или бѣгаемъ по комнатѣ, или наконецъ съ котятами возимся,— и больше ничего! Ни одной, знаете, серьезной бесѣды, ни какимъ искусствомъ не занимается, — даже на фортепьянахъ не умѣетъ съиграть польки. Если бы вы знали, какъ читаетъ она романы; вмѣсто того, чтобы въ романѣ слѣдить за проис-

шествіями, возьметъ, да конецъ и посмотритъ. «Я ужь все знаю,» говоритъ, да и броситъ книгу; но я не говорю про русскіе романы; они не могутъ образовать человѣка, но она также читаетъ Дюма и Сю, и другихъ великихъ писателей. Вмѣсто того, чтобы образовать себя чтеніемъ, даже заучивать нѣкоторыя хорошія фразы — ничего не бывало! посмотритъ конецъ и кончено дѣло.

— Изъ всего, что вы мнѣ, Сергѣй Петровичъ, говорили, начала Варвара Александровна, закуривъ другую папиросу, я еще не могу васъ оправдать; напротивъ: я васъ обвиняю. Ваша Мари молода, не развита, — это правда; но образуйте сами ее; сами разверните ея способности. Ахъ, Сергѣй Петровичъ! женщинъ, которыя бы мыслили и глубоко чувствовали, очень немного на свѣтѣ, и онѣ, я вамъ скажу, самыя несчастныя существа, потому что мужья не понимаютъ ихъ, и потому все, что вы не говорили мнѣ, одни только слова, слова, слова...

— Прекрасно-съ, перебилъ Хозаровъ. Я отказываюсь отъ этихъ словъ; но я имѣю другія несчастія. Вы говорите: образовать? Какъ я могу ее образовать, когда она смотритъ на все глазами матери, понимаетъ все провинціальнымъ умомъ этой старухи. Скажу вамъ одинъ примѣръ: у Мари свое состояніе, конечно небольшее — всего сто душъ и тысячъ десять денегъ; но велико ли, мало ли это состояніе, все-таки оно ея, предоставленное ей по всѣмъ законнымъ правамъ, и потому должно находиться въ общемъ нашемъ распоряженіи, такъ какъ мужъ и жена — это два нераздѣльныя существа. Весьма естественно, что я, желая жить самостоятельнымъ семьяниномъ, требовалъ, чтобы Мари взяла отъ матери принадле-

жащее ей имѣніе, потому что желалъ бы и въ усадьбѣ сдѣлать нѣкоторыя улучшенія и прикупить бы къ ней что нибудь, соображаясь съ мѣстностію; не тутъ-то было: съ первыхъ моихъ словъ начались слезы, истерика, послѣ которыхъ мы не смѣемъ и заикнуться объ этомъ сказать маминькѣ, которой, конечно, весьма пріятно имѣть въ своихъ рукахъ подобный лакомый кусокъ.

— Знаете ли, Сергѣй Петровичъ, чтобы я сдѣлала на мѣстѣ вашей жены? перебила Варвара Александровна, я бы взяла, даже потребовала бы своего состоянія отъ матери и отдала бы его вамъ; но уважать бы васъ не стала, и даже, можетъ быть, разлюбила бы...

— Вы не такъ поняли мои слова, Варвара Александровна, возразилъ Хозаровъ, вы, можетъ быть, тутъ видите...

— Я тутъ вижу разсчетъ, корыстолюбіе; я тутъ вижу то, чего никогда не предполагала видѣть въ васъ и, простите меня, я начинаю въ васъ разочаровываться.

— Послушайте, Варвара Александровна! глядя на этотъ предметъ поверхностно, вы, конечно, въ правѣ вывести такого рода невыгодное для меня заключеніе; но нужно знать секретныя причины, которыхъ, можетъ быть, человѣкъ, скованный свѣтскими приличіями, и не говоритъ и скрываетъ ихъ въ глубинѣ сердца. Вы, Варвара Александровна, богаты, вы, можетъ быть, съ перваго дня вашего существованія были окружены довольствомъ, комфортомъ, и потому не можете судить о моемъ положеніи.

— Развѣ вы бѣдны?

— А если бы и такъ.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ прямо, бѣдны вы или нѣтъ?

— Я не бѣденъ, я имѣлъ большія средства, но...

— Но вы промотались, не такъ ли?

— Да, можетъ быть, это и такъ, но я хотѣлъ, Варвара Александровна, въ семейной жизни успокоить себя, хотѣлъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, потому что все это мнѣ наскучило. Я женился на существѣ, которое любилъ, но въ то же время имѣлъ въ виду существенное; но какъ же меня поняли, какъ меня третировали? — окрестили мотомъ и съ перваго же раза начали опасаться. Я очень любилъ Мари и, конечно, обожалъ бы ее всю жизнь, если бы она поняла меня; но что же прикажете дѣлать, она лучше понимаетъ свою мать и также видитъ во мнѣ мота. Вотъ корень всѣхъ непріятностей между нами, которыя зашли уже очень далеко! Вы только вспомните, какъ эти люди поняли васъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлились требовать отъ меня, чтобы я манкировалъ вашею дружбою, которая для меня, можетъ быть, дороже всего на свѣтѣ; конечно, я ихъ не послушалъ, однако все-таки въ умахъ ихъ было это нелѣпое намѣреніе. Я все это перенесъ, но вы спросите меня, каково мнѣ все это было. Вы, конечно, имѣете право думать, что я съ умысломъ избѣгалъ встрѣчи съ вами, потому что занялъ у васъ три тысячи рублей, и до сихъ поръ не въ состояніи еще съ вами расплатиться.

— Грустно мнѣ отъ васъ, Сергѣй Петровичъ, это слышать, очень грустно! сказала Мамилова.

— Нѣтъ, позвольте, это еще не все, возразилъ Хозаровъ; теперь жена моя цѣлые дни проводитъ у матери своей подъ тѣмъ предлогомъ, что та

больна; но знаете ли, что она дѣлаетъ въ эти ужасныя для семейства минуты? Она цѣлые дни любезничаетъ съ однимъ изъ этихъ трехъ господъ офицеровъ, которые всегда къ вамъ ѣздятъ неразлучно втроемъ, какъ три граціи. Сами согласитесь, что это глупо и неприлично!

— Послушайте, сказала Варвара Александровна, если вы въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливы, то я васъ не оставлю: я буду помогать вамъ словомъ, дѣломъ, средствами моими; но только, Бога ради, старайтесь все это исправить, — и вотъ на первый разъ вамъ мой совѣтъ: старайтесь, и старайтесь всѣми силами доказать Мари, какъ много вы ее любите и какъ много въ васъ страсти. Повѣрьте, ничто такъ не заставитъ женщину любить, какъ сама же любовь, потому что мы великодушны и признательны!

— Женщинѣ трудно доказать любовь, возразилъ Хозаровъ, она часто самой сильной страсти не понимаетъ.

— Никогда!... готова спорить съ цѣлымъ міромъ, что женщина видитъ и чувствуетъ истинную любовь мужчины въ самомъ еще ея зародышѣ. Но чтобы она не поняла сильной страсти,—никогда!

— Я испытываю это, Варвара Александровна, на себѣ.

— Что-жь вы думаете, что ваша Мари не сознаетъ и не понимаетъ вашей любви, если вы только истинно ее любите?

— Я говорю не про жену, — вы не хотите меня понять.

— Не про жену?... Вы говорите это, не про Мари?... Въ такомъ случаѣ я дѣйствительно васъ не понимаю.

— Въ томъ-то и дѣло, Варвара Александровна, что женщины не понимаютъ сильной страсти.

Варвара Александровна нѣсколько минутъ смотрѣла на Хозарова съ удивленіемъ.

— Я васъ сегодня совсѣмъ не понимаю, проговорила она.

Хозаровъ пожалъ плечами.

— Вы или больны или очень разстроены, и потому прощайте! продолжала она, вставая.

— Одно слово! произнесъ Хозаровъ: позвольте мнѣ сегодня вечеромъ быть у васъ.

— Зачѣмъ? спросила Мамилова, устремивъ на собесѣдника вопрошающій взоръ.

— Именемъ нашей дружбы заклинаю васъ, позвольте мнѣ.

— Хорошо; но только съ условіемъ, придти въ меня и не говорить того что вамъ стыдно, а для себя обидно слушать. Проговоривъ это, она подала Хозарову руку, которую тотъ съ жаромъ поцѣловалъ, но которую Варвара Александровна вырвала стремительно и проворно вышла изъ кондитерской.

Оставшись одинъ, Хозаровъ цѣлый почти часъ ходилъ, задумавшись, по комнатѣ; потомъ прилегъ на диванъ, снова всталъ, выкурилъ трубку и выпилъ водки. Видно ему было очень скучно: онъ взялъ было журналъ, но не долго читалъ. «Какъ глупо нынѣче пишутъ, какихъ то уродовъ выводятъ на сцену!» произнесъ онъ, какъ бы самъ съ собою, оттолкнулъ книгу и потомъ рѣшился заговорить съ половымъ; но сей послѣдній, видно, былъ человѣкъ неразговорчивый; вмѣсто отвѣта онъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ и

ушелъ. Хозаровъ рѣшительно не зналъ, какъ убить время.

— Эй, ты, болванъ! дай мнѣ листъ почтовой бумаги, перо и чернильницу, вскричалъ онъ молчаливому половому. Тотъ подалъ, и герой мой принялся писать письмо къ тому пріятелю, къ которому онъ писалъ въ первой главѣ моего романа.

«Незамѣнимый для меня другъ мой, Миша!

«Оба тянемъ мы, дружище, съ тобою одну лямку; то есть, оба женаты, и потому оба очень хорошо понимаемъ, что вся эта аркадская любовь ни что иное, какъ мыльные пузыри, когда нѣтъ существеннаго, то есть, денегъ! Другой бы на моемъ мѣстѣ упалъ духомъ; но ты знаешь меня: я не люблю хандрить и ходить повѣся носъ, но умѣю всегда пріискать какое нибудь развлеченіе, которымъ нынче и служитъ для меня милашка — Мамилова! Она была въ меня еще въ холостаго влюблена до такого съумасшествія, что, ни съ того ни съ сего, подарила мнѣ три тысячи рублей; но тогда я былъ занятъ моей глупой женитьбой, и потому между нами прошло такъ серьознаго почти ничего не было; а только, знаешь, сентиментальничали въ разговорахъ; но теперь другое дѣло: я постарѣлъ, поумнѣлъ; а главное — мнѣ нужно развлеченье и деньги. Сегодня было у насъ первое тайное свиданіе, послѣ котораго я тебѣ и пишу. Дѣло идетъ на ладъ; я сдѣлалъ намекъ, послѣ котораго, конечно, сконфузились, даже разсердились немного и тому подобное. Однако я долженъ тебѣ сказать, mon cher, что женщины какое-то неуловимое существо. Это я ясно вижу

на Варѣе Мамиловой. Вообрази себѣ: любитъ меня, и любитъ до безумія; но скрываетъ и говоритъ, чортъ знаетъ, какія отвлеченности, надъ которыми, конечно, я скоро восторжествую; но при всемъ томъ досадно и скучно. Сегодня вечеромъ я опять пойду къ ней и сдѣлаю рѣшительный приступъ, о послѣдствіяхъ котораго тебя извѣщу весьма подробно.»

«Хозаровъ.»

Для сочиненія и написанія этого письма героемъ моимъ было употреблено полтора часа; потомъ онъ спросилъ себѣ легонькій обѣдъ, бутылку портера и бутылку мадеры, и все сіе употребилъ въ достаточномъ количествѣ. Нетерпѣливость ожиданія грядущаго свиданія съ Варварой Александровной возрасла въ немъ до нельзя, и потому онъ, не ожидая законнаго вечерняго часа, то есть, семи часовъ, отправился въ четыре. Вѣроятно, герой мой былъ въ сильно-возбужденномъ состояніи: пріѣхавъ къ Варварѣ Александровнѣ, онъ даже не велѣлъ доложить о себѣ человѣку и прошелъ прямо въ кабинетъ хозяйки, которая встрѣтила на этотъ разъ гостя не съ обычнымъ радушіемъ, но, при появленіи его, сконфузилась и, чтобы скрыть внутреннее состояніе духа, тотчасъ же закурила папиросу.

— Первое мое слово будетъ просить у васъ извиненія, что я пріѣхалъ не въ урочный часъ. Что-жь мнѣ дѣлать? Я не могу уже болѣе владѣть собою.

— Я васъ рада видѣть всегда, Сергѣй Петровичъ, отвѣчала хозяйка.

— Послушайте, Варвара Александровна; вы не милосерды ко мнѣ; но какъ бы не было, какъ бы

меня не поняли, я рѣшился открыть вамъ тайну, которую я до сихъ поръ скрывалъ даже отъ самого себя.

Мамилова взглянула на гостя съ удивленіемъ.

— Вы все-таки еще не пришли сами въ себя, сказала она, не спуская съ него глазъ, и все-таки продолжаете говорить смѣшныя нелѣпости.

Хозаровъ былъ на этотъ разъ очень дерзокъ и продолжалъ:

— Всякія чувства можно скрывать нѣкоторое время, но потомъ они должны обнаружиться. Я не люблю моей жены, вы это слышали, и не люблю ее болѣе потому, что боготворю и увлеченъ другою; однимъ словомъ: я люблю васъ, и въ вашихъ рукахъ моя жизнь и смерть.

Послѣднія слова герой мой произнесъ, уже стоя передъ Варварой Александровной на колѣняхъ. Мамилова нѣсколько минутъ ничего не отвѣчала и не отнимала своей руки, которую Хозаровъ взялъ и цѣловалъ.

— Больно, досадно и грустно мнѣ все это слышать и видѣть, Сергѣй Петровичъ! сказала она. Не стойте передо мною на колѣняхъ. Ей-Богу, это очень водевильно и смѣшно. Я васъ спрошу только одно: зачѣмъ вы все это говорите и дѣлаете?

— Затѣмъ, что я боготворю васъ, возразилъ Хозаровъ, начиная приподниматься съ колѣнопреклоненнаго положенія.

— А я васъ не люблю, Сергѣй Петровичъ! Прежде я чувствовала къ вамъ дружбу, искреннюю дружбу, но теперь я васъ презираю, и презираю потому, что вы похожи на другихъ.

Хозаровъ всталъ и, ни слова не говоря, началъ ходить по комнатѣ.

— Изъ всего этого я вижу, сказалъ онъ, что вы не понимаете и не хотите понять того что совершается въ душѣ моей.

— Я боялась это и думать, Сергѣй Петровичъ, и боялась потому, что все-таки васъ уважала. Но если въ самомъ дѣлѣ, въ васъ закралась эта несчастная страсть, то зачѣмъ вы мнѣ говорите объ этомъ, какую вы думаете имѣть для того цѣль? Вы думали успѣть, вы думали сдѣлать меня вашей любовницей, не такъ ли? О Боже мой, какъ мнѣ горько слышать такое обидное для меня ваше мнѣніе! но не смотря на это, я рѣшаюсь объяснить вамъ, что вы ошиблись и жестоко ошиблись во мнѣ. Я люблю не васъ, а другого, котораго вы не знаете и не можете знать, потому что онъ давно умеръ. Кромѣ того я вамъ скажу словами Татьяны: *я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна;* и къ вамъ, Сергѣй Петровичъ, могу питать одно только сожалѣніе.

На эти слова герой мой ничего не отвѣчалъ, но снова всталъ передъ хозяйкою на колѣни, первоначально разцѣловалъ ея руку, и потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, обхватилъ ее за талію, и обхватилъ весьма дерзко и совершенно неприлично. Варвара Александровна вся вспыхнула и хотѣла было вырваться, но Хозаровъ держалъ крѣпко; гнѣвъ овладѣлъ молодою женщиною; съ несвойственною ей силою, она вырвала свою руку и ударила дерзкаго безумца по щекѣ. Хозаровъ вскочилъ; Мамилова тоже и выбѣжала изъ комнаты. Нѣсколько минутъ Сергѣй Петровичъ простоялъ, какъ полоумный, потомъ, взявъ шляпу,

вышелъ изъ кабинета, прошелъ залу, лакейскую и очутился на крыльцѣ, а вслѣдъ затѣмъ, сѣвъ на извощика, велѣлъ себя везти домой, куда онъ возвратился, какъ и надо было ожидать, сильно взбѣшеный: разругалъ отпиравшую ему двери горничную, опрокинулъ стоявшій немного не на мѣстѣ стулъ и, войдя въ свой кабинетъ, первоначально легъ внизъ лицомъ на диванъ, и потомъ всталъ и принялся писать записку къ Варварѣ Александровнѣ, которая начиналась слѣдующимъ образомъ: «Я не позволю вамъ смѣяться надъ собою, у меня есть документъ, — ваша записка, которою вы назначаете мнѣ на бульварѣ свиданіе, и которую я сейчасъ же отправляю къ вашему мужу, если вы...» Здѣсь онъ остановился, потому что въ комнатѣ появилась, другой его другъ, Татьяна Ивановна.

— Вотъ я и пришла, Сергѣй Петровичъ, сказала дѣвица Замшева.

Герой мой, и безъ того уже разстроенный, при видѣ друга-кредиторши, затрясся отъ досады.

— А вамъ что еще надобно отъ меня! вскрикнулъ онъ не совсѣмъ ласковымъ голосомъ, такъ что Татьяна Ивановна попятилась нѣсколько назадъ.

— Да все о деньгахъ-то. Вы сами говорили мнѣ: побывать семнадцатое число.

— Какія у меня деньги для васъ? что такое за деньги?

— Какъ какія деньги? мои деньги. — которыя вы зажили у меня.

— Что у васъ зажито, давно отдано, — и потому извольте, почтеннѣйшая, убираться; я занятъ, мнѣ некогда.

— Какъ отданы? когда вы это отдали! что вы это такое говорите? Не стыдно ли вамъ выдумывать этакія нелѣпости? Я думаю, вся Москва знаетъ, какъ я васъ содержала. Что вы это говорите?

— Я говорю, что извольте убираться, почтеннѣйшая, вонъ! вотъ что я говорю.

— Нѣтъ, извините, я не пойду; я пришла за своимъ, а не за вашимъ; у меня есть росписка.

— Убирайтесь къ чорту съ вашей роспиской! Этакихъ животныхъ я по шеѣ имѣю привычку гонять, и съ вами также распоряжусь.

— Видали ли? Со мной такъ распорядиться? сказала Татьяна Ивановна, тоже вышедшая изъ себя, и показывая Хозарову два кукиша. Подайте деньги мои, а не то въ тюрьму посажу. Провалиться мнѣ сквозь землю, если я тещѣ не разскажу всѣ ваши подлыя намѣренія, да и Варварѣ Александровнѣ объясню, безстыдникъ этакой, пусть знаютъ, какія вы для всѣхъ козни-то приготовляете.

— Я говорю тебѣ: убирайся вонъ, пряничная форма! закричалъ Сергѣй Петровичъ, вскакивая съ своего мѣста.

Почтеннѣйшая Татьяна Ивановна, видно, очень не любила, чтобы называли ее пряничной формой. Лицо ея поблѣднѣло, руки, ноги задрожали и губы посинѣли.

— Врешь, обольститель, я не пойду! не смѣешь тронуть, извини: сама плеваться умѣю! закричала она звонкимъ и рѣзкимъ голосомъ; но Хозаровъ, схвативъ ее за плеча, началъ толкать изъ комнаты.

Дѣвица Замшева, съ своей стороны, защищалась храбро; на получаемые толчки она отвѣчала,

на сколько достало у ней силъ, тоже толчками. Но такъ какъ мужчины, дѣйствуя физическою силою, всегда берутъ верхъ надъ слабыми женщинами, то и почтеннѣйшая хозяйка, не смотря на сильный отпоръ, была вытолкана неблагодарнымъ постояльцемъ на крыльцо до самыхъ дверей, которыя передъ самымъ ея носомъ были быстро захлопнуты. Сверхъ того она еще получила такой толчекъ, что не въ состояніи была устоять на ногахъ и кувыркомъ скатилась съ лѣстницы.

При этомъ паденіи благородная дѣвица, вѣроятно, сильно зашибла ногу, потому что, когда она встала и, залившись горькими слезами, отправилась домой, то весьма замѣтно прихрамывала на правую ногу.

X.

Въ настоящей главѣ я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Послѣ того случая, какъ Мари просила у Катерины Архиповны для мужа денегъ, между зятемъ и тещею окончательно нарушилось всякое родственное расположеніе: Хозаровъ до нѣльзя взбѣсился на свою belle-mère и поклялся, во что бы ни стало, выжить ее изъ дома, зная напередъ, что ни чѣмъ такъ не можетъ досадить страстной матери. Для этой цѣли онъ первоначально пересталъ съ Катериной Архиповной кланяться, говорить и даже глядѣть на нее, но это не помогало; старуха жила по прежнему и, сама, съ своей стороны, не обращала на зятя никакого вниманія. Хозаровъ рѣшился дѣлать и говорить все на зло ей: проговаривала ли она, что въ комнатѣ холодно, онъ нарочно отпиралъ форточ-

ку; если же она говорила, что слишкомъ тепло, — въ ту же минуту отворялись всѣ душники; но Катерина Архиповна оставалась хладнокровна, и всѣ эти продѣлки Сергѣй Петровича, направленныя на личную особу тещи, не принесли желаемаго успѣха. Герой мой рѣшился мучить старуху тѣмъ, что сталъ при ней, на правахъ мужа, бранить Мари, которая была такъ еще молода, что даже не умѣла, съ своей стороны, хорошенько отбраниваться, и только начинала обыкновенно плакать. Этого Катерина Архиповна уже не въ состояніи была переносить равнодушно; она обыкновенно заступалась за дочь и пропекала зятя, какъ говорится, на обѣ корки, но въ этомъ случаѣ Хозаровъ уже не обращалъ вниманія и только смѣялся, отчего еще болѣе плакала Мари и выходила изъ себя Катерина Архиповна.

Всѣ такого рода сцены для Мари оканчивались слезами, но для Катерины Архиповны это была пытка. Она доходила до полнаго ожесточенія: она готова была разорвать зятя на куски, и принуждена была ограничиться только бранью, надъ которой онъ смѣялся.

Далѣе за тѣмъ, въ одно прекрасное утро, герой мой затѣялъ еще новую штуку: онъ объявилъ женѣ, что нанялъ для себя особую квартиру, на которой намѣренъ жить, и будетъ приходить къ Мари только тогда, когда Катерина Архиповна спитъ, или дома ея нѣтъ, на томъ основаніи, что будто бы онъ не можетъ уже болѣе равнодушно видѣть тещу, и что у него отъ одного ея виду разливается желчь.

Маша, какъ водится, расплакалась; а потомъ пересказала все матери. Старуха сначала смѣялась

надъ новой продѣлкой зятя, но дочь плакала, и материнское сердце снова не вытерпѣло: она рѣшилась объясниться съ Сергѣемъ Петровичемъ, но сей послѣдній на всѣ ея вопросы не удостоилъ даже и отвѣтить и продолжалъ сбирать свои вещи; Катерина Архиповна, разумѣется, не могла не осердиться на подобнаго рода глупость и, наговоривъ зятю дерзостей, ушла къ себѣ въ комнату, а чрезъ полчаса, призвавъ къ себѣ дочь, объявила ей, что она сама хочетъ переѣхать на другую квартиру, потому что не хочетъ ихъ стѣснять. Мари первоначально испугалась этого рѣшенія матери и начала ее упрашивать не переѣзжать отъ нихъ; но Катерина Архиповна разтолковала дочери, что если ея мерзавецъ-муженёкъ въ самомъ дѣлѣ переѣдетъ на другую квартиру, то это будетъ весьма неприлично, и уже ни на что не будетъ походить. Маша успокоилась. Сергѣй Петровичъ, очень довольный успѣхомъ своей продѣлки, тоже успокоился и снова разложилъ свои вещи.

На другой день старуха переѣхала, но, видно, эта разлука съ идоломъ была слишкомъ тяжела для Катерины Архиповны и, видно, страстная мать справедливо говорила, что съ ней Богъ знаетъ что будетъ, если ошибется въ выборѣ зятя, потому что тотчасъ же, по переѣздѣ на новую квартиру, она заболѣла, и заболѣла, Богъ знаетъ, какою-то сложною болѣзнію: сначала у нея разлилась желчь, потомъ вся она распухла и, наконецъ, отнялись совершенно ноги. Мари цѣлые дни начала проводить у матери, которая, съ своей стороны, стараясь предостеречь дочь отъ вліянія мужа, безпрестанно толковала ей, какой тотъ мотъ, какой онъ пустой и безчувственный человѣкъ и

какъ онъ мало любитъ ее. Маша съ каждымъ днемъ начала болѣе и болѣе соглашаться съ матерью,—тѣмъ болѣе, что Сергѣй Петровичъ дѣйствительно день ото дня становился къ ней холоднѣе: кромѣ того, что часто уходилъ на цѣлые дни изъ дому, но даже когда бывалъ дома, то или молчалъ, или спалъ, и никогда уже съ ней не игралъ ни въ ладошки, ни въ рыжаго кота, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно настаивалъ, чтобы она требовала отъ матери имѣнья.

Послѣднее время Мари уже цѣлые дни проводила у матери; ей было даже очень нескучно, потому что къ старухѣ началъ ходить одинъ изъ числа трехъ офицеровъ — подпоручикъ Пириневскій! Онъ былъ очень милый и веселый молодой человѣкъ и владѣлъ двумя прекрасными способностями; а именно: прекрасно разсказывалъ страшныя сказки о различныхъ царевичахъ и разбойникахъ и безподобно пѣлъ теноромъ подъ гитару многіе новые романсы. Мари онъ очень занималъ. День ото дня молодые люди, сами не замѣчая того, начали сближаться: подпоручикъ началъ уже называть Мари cousine, а она его cousin. Кромѣ того между ними проявилось еще новое занятіе: они начали для практики танцовать, вновь появившійся тогда, танецъ *редову*. Катерина Архиповна, смотрѣвшая сначала сквозь пальцы на сближеніе молодыхъ людей, начала супиться и сдѣлалась къ офицеру очень суха; но Мари не обращала вниманія и продолжала звать офицера ходить къ нимъ каждый день. Однажды, это было именно на другой день послѣ свиданія Хозарова съ Мамиловой, Мари оставила своего новаго cousin обѣдать у мамаши.

Пириневскій въ этотъ разъ ее очень занималъ, и когда она его начала просить разсказать ей какую-нибудь еще страшную сказку, то онъ объявилъ, что простыя сказки онъ всѣ пересказалъ, но что сегодня прочтетъ ей наизустъ прекрасную сказку Лермонтова про Демона.

Послѣ обѣда молодые люди, одинъ для чтенія, а другая для слушанія, усѣлись рядомъ на диванѣ. Пириневскій началъ читать,—и дѣйствительно всю поэму зналъ весьма твердо на память, и кромѣ того произносилъ ее съ большимъ чувствомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Демонъ говоритъ:

«Я тотъ, которому внимала
«Ты въ полуночной тишинѣ;
«Чью мысль ты смутно отгадала,
«Чей образъ видѣла во снѣ.»

На этомъ мѣстѣ Мари его остановила:

— Перестаньте: страшно, сказала она.

— Ничего-съ, отвѣчалъ офицеръ, дальше будетъ еще страшнѣй.

— Ну, такъ не читайте, — страшно, а лучше разскажите мнѣ что же будетъ дальше,— она его полюбитъ?

— Непремѣнно-съ полюбитъ.

— Да, вѣдь, какъ же? Онъ, я думаю, страшный!

— Отчего же страшный! Можетъ быть и не страшный, отвѣчалъ Пириневскій.

— Ай, нѣтъ, онъ долженъ быть гадкой. Я бы его ни за что не полюбила.

— А кого же вы бы полюбили? спросилъ молодой офицеръ.

— Конечно можно полюбить только хорошенькаго... Спойте что-нибудь!

— Я гитары не взялъ.

— Ничего, спойте безъ гитары.

— Но я могу маменьку обезпокоить, онѣ, кажется, почиваютъ.

— Ничего; она не услышитъ—спойте.

Офицеръ повиновался и довольно звучнымъ, чистымъ теноромъ запѣлъ: *ты душа-ль моя, красна дѣвица.* Взоры молодаго человѣка ясно говорили, что онъ подъ именемъ красной дѣвицы разумѣетъ Мари, которая, кажется, съ своей стороны все это очень хорошо поняла и потупилась. Затѣмъ молодые люди разсѣлись по дальнимъ угламъ, и нѣсколько времени ни слова не говорили между собою.

— О чемъ вы задумались? спросила наконецъ Мари.

Офицеръ не отвѣчалъ.

— Вамъ, можетъ, скучно, заговорила снова она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я думаю, Марья Антоновна, о томъ, что намъ скоро должно выступить изъ Москвы.

— Куда вамъ выступить?

— Въ Калугу... отвѣчалъ офицеръ.

— Да вы не ѣздите.

— Нельзя-съ, служба.

— Вотъ какіе вы! зачѣмъ же вы уѣдете?

— Вамъ развѣ жаль насъ, Марья Антоновна?

— Еще бы, отвѣчала молодая женщина, вспыхнувъ, и офицеръ тоже вспыхнулъ, и затѣмъ во-

царилось молчаніе. Пиринеvскій принялся разсматривать лежавшую на окошкѣ *Библіотеку для Чтенія*, а Мари сидѣла, задумавшись.

— Что вы смотрите, сказала она, подойдя къ офицеру, найдите мнѣ, какое вамъ слово больше нравится?

Подпоручикъ началъ перелистывать журналъ и, наконецъ, въ отдѣлѣ Словесности, видно, отыскалъ желаемое слово и показалъ его Мари, которая, посмотрѣвъ, очень сконфузилась, но впрочемъ взяла у офицера книгу и сама показала ему на какое-то слово и, стойдя отъ него, снова сѣла на прежнее мѣсто. Показанныя молодыми людьми другъ другу слова были весьма значительныя. Офицеръ показалъ на слова: *«я васъ люблю»*, а Мари на слово: *«любите»*. За симъ послѣдовала какая-то странная и необъяснимая сцена. Пиринеvскій всталъ, прошелся по комнатѣ, и потомъ, неизвѣстно почему, очутился рядомъ съ Мари на диванѣ, протянулъ какъ-то странно руку, въ которой очень скоро очутилась рука Мари...

Но здѣсь я остановлюсь и попрошу читателя, перейти со мной въ квартиру Варвары Александровны. Послѣ непріятнаго объясненія, которое имѣла она съ Хозаровымъ, ей не спалось всю ночь, и даже на другой день — печальная и грустная, сидѣла она въ своемъ кабинетѣ. Человѣкъ доложилъ, что пришла какая-то Замшева и желаетъ ее видѣть.

— Проси! сказала Мамилова.

Явилась Татьяна Ивановна, тоже грустная, взволнованная и нѣсколько прихрамывающая на правую ногу. Цѣлую ночь дѣвица Замшева придумывала, чѣмъ бы отомстить Хозарову и, наконецъ, рѣши-

лась подать его росписку ко взысканію и насказать на него Мамиловой, отъ которой, она думала, онъ получаетъ деньги.

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ Варварой Александровной, сказала, входя и присѣдая, Татьяна Ивановна.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчала Мамилова, закуривая папироску.

— Честь имѣю рекомендоваться: я дѣвица Замшева, у которой Сергѣй Петровичъ, бывши холостымъ, квартировалъ.

— А!... что же вамъ угодно? произнесла Мамилова, взглянувъ на Татьяну Ивановну довольно подозрительно.

— Онъ поручалъ мнѣ, Варвара Александровна, заложить ваши вещи, но теперь уже давно срокъ истекъ: ни капитала, ни процентовъ они не платятъ, такъ я пришла васъ предувѣдомить.

— Благодарю васъ, моя милая! Въ какой суммѣ мои вещи заложены?

— Двѣ тысячи семьсотъ пятьдесять рублей съ процентами; взято было только на одинъ мѣсяцъ, а теперь вотъ сколько времени прошло безъ всякой уплаты!

— Благодарю васъ... я знаю: мы поправимъ какъ-нибудь это дѣло.

— Сергѣй Петровичъ, вѣроятно, на васъ и надѣялись. Сами они, это ужь извѣстно, ничего не имѣютъ, но говорятъ, что они отъ васъ тысячъ десять въ годъ могутъ получить.

— Отъ меня получить десять тысячъ.... это почему?..

— Да, вѣдь какъ? кто ихъ разберетъ; они говорятъ, что могутъ; еще говорятъ, если захочу,

такъ и не это получу; какъ липку, говоритъ, обдеру, такъ и тутъ ни слова не скажетъ, потому что влюблена.

Мамилова поблѣднѣла.

— Онъ говорилъ вамъ, что я въ него влюблена? Онъ осмѣлился это сказать вамъ?

— Не мнѣ одной, Варвара Александровна, онъ, я думаю, это цѣлой Москвѣ разблаговѣстилъ.

— Довольно... Бога ради, довольно! или нѣтъ, скажите!... Я должна выпить горькую чашу до дна... Сядьте и разскажите что онъ вамъ еще говорилъ про меня?

— Варвара Александровна! я очень хорошо понимаю ваше положеніе и потому пришла къ вамъ, сказала Татьяна Ивановна. Онъ говоритъ ужасныя вещи. Онъ говоритъ, что вы въ него влюблены, или прямѣе сказать: у васъ съ нимъ интрига, и потому онъ надѣется съ васъ получать деньги. Я сама, Варвара Александровна, имъ обманута, потому-то мнѣ и горько. Сначала вѣдь, какъ бѣсъ какой-нибудь обольстилъ: ну, пришелъ нарядный, ласковый, вѣжливый, просто прелесть: ну, думала, человѣкъ съ совѣстью; отчего же не оказать довѣрія. А вотъ что вышло послѣ: во снѣ не снилось такой обиды; на цѣлый вѣкъ хотѣлъ уродомъ сдѣлать; какъ будто какую-нибудь развратную изувѣчилъ. И съ вами такимъ же образомъ хотѣлъ поступить. »Прибью, говоритъ, если денегъ не дастъ». Въ концѣ этого монолога у Татьяны Ивановны, отъ полноты горестныхъ чувствованій, на глазахъ появились слезы.

— Нѣтъ... довольно... заклинаю васъ, довольно!... я не въ состояніи болѣе слушать вашихъ ужасныхъ

словъ, сказала, тоже очень разстроившись, Варвара Александровна. Нѣтъ,— это выше моихъ силъ, сказала она, вставая, я должна сорвать съ него маску; я сама отравлю его семейное счастіе, которое устроила; я все разскажу женѣ и предостерегу, по-крайней-мѣрѣ, на будущее время несчастную жертву общей нашей ошибки.

Варвара Александровна была, видно, сильно взволнована, и не помня себя, она даже докурила папироску до-нельзя и обожгла себѣ губы.

— Ничего... говорила она, какъ будто бы сама съ собою, люди жгутся больнѣе огня. Не огорчайтесь, моя милая, продолжала она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ: мы обѣ обмануты.

— Ваше дѣло, Варвара Александровна, другое, вы имѣете состояніе, а у меня только, вѣдь, собственные труды и больше ничего,— около тысячи рублей для меня не бездѣлица. Не можете ли, благодѣтельница моя, мнѣ хоть частичку уплатить. Васъ онъ можетъ посовѣстится и заплатитъ вамъ.

— Ни за него, ни для него я не имѣю денегъ, отвѣчала Варвара Александровна; но если вы бѣдны, вотъ вамъ пятьдесятъ рублей, но только это отъ меня; его же вы можете и должны считать подлецомъ на всю жизнь.

Татьяна Ивановна весьма обрадовалась пятидесяти рублямъ; поцѣловала въ восторгѣ у Варвары Александровны руку и потомъ, попросивъ не оставлять ее и на дальнѣйшее время своимъ расположеніемъ, отправилась домой.

Варвара Александровна тотчасъ же рѣшилась ѣхать къ старухѣ Ступицыной и, вызвавъ Мари, обѣимъ имъ разсказать о низкихъ поступкахъ

Хозарова. Нетерпѣніе ея было чрезвычайно сильно: не дожидаясь своего экипажа, она отправилась на извощикѣ, и даже безъ человѣка, а потомъ вошла безъ докладу. Странная и совершенно неожиданная для нея сцена представилась ея глазамъ. Мари сидѣла рядомъ съ офицеромъ и, въ самую минуту входа Варвары Александровны, уста молодыхъ людей слились въ первый поцѣлуй преступной любви.

Пиринеvскій и Мари, при появленіи посторонняго лица, отскочили одинъ отъ другаго. Варвара Александровна едва имѣла силы совладѣть съ собой. Сконфузившись, растерявшись и не зная что начать дѣлать и говорить, спросила она тоже совершенно потерявшуюся Мари о матери, потомъ сѣла, а затѣмъ, услышавъ, что Катерина Архиповна больна и теперь заснула, гостья встала и, почти не простившись, отправилась домой.

Тамъ написала она слѣдующее письмо къ извѣстной своей пріятельницѣ:

«Chère Claudine!

«Я дура, я съумасшедшая и безумная женщина; я носила до сихъ поръ на глазахъ моихъ повязку, но которую теперь люди сорвали съ меня, и я уже все ясно понимаю. Я ошибалась, chère Claudine, въ моихъ Хозаровыхъ, они дали мнѣ новый урокъ. Они еще разъ заставили меня выпить горькую чашу разочарованія. Онъ — этотъ юноша, въ которомъ я предполагала столько благородныхъ чувствованій,—онъ отвратительный и жадный заемщикъ чужихъ денегъ,—онъ развратный интриганъ, неспособный даже понять порядочную женщину. Онъ не съумѣлъ даже понять моей дружбы,

но хотѣлъ, посмѣйся, Claudine, меня развратить и за порокъ мой заставить меня платить ему деньги. Про эту бабенку я и говорить не хочу. Она, кажется, только и умѣетъ цѣловаться: цѣловалась прежде съ женихомъ и съ мужемъ безпрерывно, а теперь начала цѣловаться и съ другими поклонниками. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду того времени, когда мужъ мой увезетъ меня въ К.... дальше отъ свѣта, дальше отъ людей: ни въ немъ, ни между ними нѣтъ ни дружбы, ни любви!...»

1850 года
Ноября 2-го.

На **ПОЛГОДА** уплачивается половина означенныхъ цѣнъ.

За музыкальныя приложенія прибавляется къ годовымъ цѣнамъ журнала **4 руб. сер.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «Русскій Міръ», въ музыкальномъ магазинѣ **О. Стелловскаго,** поставщика Двора **Его Императорскаго Величества,** въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27.

Въ книжномъ магазинѣ **Базунова,** на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, у Казанскаго моста.

Въ **Москвѣ:** въ магазинахъ — книжномъ Базунова и музыкальномъ — Ленгольда. Редакторъ **А. Гіероглифовъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Съ 1861 г. предпринято нами изданіе **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“.** Цѣль этого изданія — совмѣстить въ немъ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какого-либо сочиненія, вышедшаго изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы, — то настоящіе издатели, желая наивозможно болѣе удешевить изданіе **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“,** предприняли печатаніе онаго, подобно таковымъ же заграничнымъ изданіямъ, — въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія сочиненій русскихъ авторовъ не будетъ соблюдаемо хронологической постепенности, а сначала будутъ

издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ.

На изданіе „СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“ ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ Три руб. сер. за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска «Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія, (35—50 листовъ каждый) уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 к. сер. а съ пересылкою по почтѣ 2 руб. въ отдѣльной же продажѣ каждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. За тѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ авторовъ», выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

.....

На полученіе всѣхъ вып сковъ изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ» по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб., безъ уплаты впередъ трехъ рублей.— предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и кромѣ того: 1) военно-учебнымъ заведеніямъ, полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ; 2) учебнымъ заведеніямъ Духовнаго Вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, между прочимъ: женскимъ гимназіямъ, уѣзднымъ училищамъ и проч. 3) женскимъ институтамъ, кромѣ содержимыхъ частными лицами: 4) сельскимъ и уѣзднымъ библіотекамъ: 5) училищамъ и учебнымъ заведеніямъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ и 6) Всѣмъ подписывающимся съ 1861 года на издаваемый нами журналъ «Русскій Міръ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **С. Петербургѣ:** Въ конторѣ издателя, при музыкальномъ магазинѣ Ѳ. Стелловскаго, поставщика Двора **Его Императорскаго Величества**, въ Большой Морской въ домѣ Лауферта № 27.

Въ **Москвѣ:** Въ магазинахъ — книжномъ Базунова и музыкальномъ — Ленгольда.

Иногородные благоводятъ адресоваться исключительно въ С. Петербургъ, въ главную контору издателя.

LIBRARY OF CONGRESS

00025281354